

Дверь в потоп

На другой стороне её ждет правда

потоп

От автора "Дуэта Тьмы и Безумия"

Триша Вольф

После того, как Макенна Дэвис стала свидетелем убийства, ее похитил Люк Истон скрывающийся под капюшоном борец с преступностью, и заточил в подземное логово, где она должна разгадать тайну своего похитителя и темный секрет, который навсегда изменит их жизни.

Перевод: RF

Сверка: Amelie_Holman

Бета-коррект: Critik

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Skalapendra

Большинство англоговорящих людей... признают, что дверь подвала «прекрасна», особенно если она отделена от ее смысла (и от его написания). Лучше, чем, скажем, небо, и гораздо красивее, чем прекрасно. Дж. Р. Р. Толкиен

Пролог

Подвал.

Макенна.

Я не помню, кто это сказал, но было заявлено, что "дверь в подвал", вероятно, самая красивая фраза в английском языке. Услышанные вне контекста, эти два слова в паре вызывают меланхолию, которая поселяется глубоко в костях. Эхо красоты, которая кажется запретной.

Наверное, я слышала это в школе от какого-нибудь учителя английского. Их было несколько. Люди, которые появлялись и исчезали из моей жизни без всякой цели.

Фрагменты моей жизни просачиваются сквозь темные, неглубокие проблески, свет находит трещины. Я кладу руку на холодный пол и улавливаю мерцание лучей.

Дверь в подвал.

Дверь в подвал.

Дверь в подвал.

Я повторяю эту фразу снова и снова, пытаюсь заставить свой разум не осознавать значение слов. Я хочу услышать их чужим ухом — хочу знать, что они могут значить для другой женщины.

Его тень движется по свету, заслоня единственный источник освещения в комнате.

Мои легкие перестают вдыхать воздух.

Я не могу сделать вдох, пока не вернется свет.

Я часто задерживала дыхание во время грозы, считая секунды после удара в ожидании раската грома. Но все стихии исчезли из моей реальности в тот момент, когда он украл меня. Прекрасное чудовище, полное боли и гнева, вырвало меня из моей жизни.

Теперь я его пленница.

Но выход есть всегда.

И лишь мой разум бунтует, настаивая на том, что это путь, который должен быть найден. Окно в душу. Через глаза. Должно быть, я уже слышала это в школе.

Он смотрит сквозь льдисто-голубые витражи.

Какой он видит меня?

Как я выгляжу вне контекста?

Подобно двери в подвал, которая скрывает наши секреты, если я достаточно часто повторяю правду, снова и снова, она постепенно теряет смысл — становится неясной и отдаленной версией нашей реальности.

Здесь больше, чем одна дверь. Существует целая бесконечность из вереницы дверей. И все ведут туда, где захоронены наши самые темные тайны. У каждого из нас есть своя дверь в подвал.

Моя дверь вырезана из костей и пепла.

Глава 1

За мгновение до.

Макенна.

Во время грозы, между вспышкой и ударом протягивается короткая пауза, когда я задерживаю дыхание. Заряженный, подвешенный во времени момент, когда кислород вытягивается из пространства, как отступающий прилив. Давление нарастает. Поток воздуха проникает в мои атомы.

Я не дышу.

Затем, словно под ударом волны, я нахожу освобождение. Раскат грома разносится по всему телу, когда я выдыхаю напряжение из мышц и сухожилий.

За несколько секунд до удара я ощущаю только ожидание, предвкушение, страх того, что будет дальше. А затем меня затапливает облегчением, когда грохочет молния, подтверждая то, что эта стихия неизменна в своем постоянстве.

Большинство людей проводят свою жизнь в своего рода режиме ожидания. Мантра, выстроенная вокруг той же мелодии: я сделаю что-то, когда это произойдет.

Другими словами, мы ждем, чтобы начать жить — по-настоящему жить, когда все фрагменты жизни встанут на места. Ради того совершенства, которое мы жаждем заполучить в руки. Двигаться вперед. Значимо другим. Быть гибче. Умнее.

Я определенно виновна. В Сиэтле, городе, надежно укрытом водой, бетоном и всеми модными атрибутами, я открыла офис в районе Ловер Квин Энн, поднимая свои раздутые амбиции над препятствием из моей последней крупной неудачи. Я заполучила это место, и поэтому могла любоваться Космической Иглой, стоя на своем металлическом балконе. Она маячила передо мной словно символ воскрешения, указывая мне путь.

Лови момент.

Только я никогда не пыталась схватить что-либо, за исключением своего гранд мокко в кафе на углу через дорогу. Прошло уже два месяца в этом лофте, а я все еще смотрю на Космическую Иглу, сидя за своим стеклянным столом и считая секунды до удара.

И жду, что будет дальше.

Сжимая файл в руке, я облегченно выдыхаю с басовитым раскатом грома, и затем открываю первую страницу. Дженнифер Майер сидит напротив меня в моей квартире на чердаке. Ей тридцать семь. Крашеная блондинка. Одета в брючный костюм от «Шанель». С любовью растрчивает миллионы своего мужа.

Мистер Майер недавно наложил ограничения на расходы миссис Майер из-за “экономии”, и это вызвало у нее подозрения. С учетом того, что сам мистер Майер не перестает тратить деньги. Квитанции как улики. Она обнаружила счета за оплату гостиничных номеров, ночных клубов, бутиков откровенного нижнего белья и следы другой разнообразной, подозрительной деятельности.

Она хочет нанять меня, чтобы уличить мистера Майера в изменах и получить возможность подать на развод.

Я потягиваю мокко и кладу папку на стол.

— Это будет не дешево, — говорю я Дженнифер.

Она вскидывает подбородок, демонстрируя свои поджатые накаченные губы, полные твердой решимости идти до конца.

— У меня есть собственный банковский счет, — заверяет она меня.

Полезная информация. Я делаю пометку на обороте ее досье. Я всегда проверяю всех, кто хочет воспользоваться моими услугами. Это обычная процедура. Но Дженнифер особенная. Я уже знаю, что у нее нет судимостей, кроме нескольких штрафов за парковку. Она родом с калифорнийского побережья, где в свое время бросила колледж, чтобы выйти замуж за Милтона Майера и растить сына.

Теперь, когда она уже не первой свежести — с ее слов, не моих, — миссис Майер испытывает страх, что ее планируют сменить на кого-то помоложе, подобно новенькой модели кабриолета «Бентли», который в недавнем времени приобрел ее муж. И она хочет первой нанести удар.

Я откидываюсь на спинку удобного вращающегося стула, переплетая пальцы на животе.

— Мне нужен список автомобилей вашего мужа, а также точное время, когда он будет отсутствовать дома, в течении, по крайней мере, двух часов.

Ее резко очерченные брови сходятся вместе.

— Зачем?

— Мне нужно установить GPS-трекеры на его машины.

— И проведите обыск резиденции.

Большинство мужчин не столь скрытны — или скрытны, — как их партнеры-женщины. Вы будете поражены тем, что можно обнаружить на самом виду. Квитанции по кредитным картам остались в карманах. Бронь в отелях. Белье, купленное для любовницы. Я не шучу. Однажды я нашла шелковую ночную рубашку в шкафу одного из клиентов — в количестве трех штук разных размеров, две из них были слишком маленькими для упомянутого клиента.

— Отлично, — соглашается Дженнифер. — Конечно, — она использует свою собственную ручку, чтобы составить список автомобилей, затем поднимает на меня взгляд, подталкивая блокнот по стеклянному столу в мою сторону. Ее глаза водянисто-голубого цвета скользят по моим волосам, собранным в небрежный хвост, из которого выбиваются пряди натурального блекло-каштанового оттенка. Всем своим нутром я чувствую ее неодобрение мои внешним видом.

— Спасибо, — я прикладываю список к ее папке и первым делом обращаю внимание на количество — четыре автомобиля. Миленько.

Даже если ничего не выгорит, работа все равно окупит себя.

Дженнифер откидывает свои шелковистые светлые волосы с плеча. Она умышленно поправляет волосы, будто каждая женщина, которую она когда-либо встречала, должна ей завидовать.

Включая меня, если быть честной.

Я завидую ее очень простой, небогатой событиями жизни, в которой самое весомое беспокойство вызывают тонкие морщинки вокруг глаз, поэтому она старается не часто улыбаться.

Может быть, я слишком предвзята, осуждая ее, но, судя по биографии этой женщины, я никогда не смогу поверить, что Дженнифер Майер когда-либо испытывала настоящую боль, настолько невыносимую, что больно дышать, двигаться, просто жить. Да ладно, тот же ее брак — это обычный фарс.

Я встречала женщин, опустошенных неверным супругом. Вся их жизнь была разрушена всего лишь одной встречей. Сомневаюсь, что Дженнифер прольет хотя бы слезинку. Будет слишком обеспокоена тем, что размажет тушь от «Диор».

Я завидую Дженнифер и многим другим, подобным, их скучной и лишенной драматизма жизни.

Моя история, может быть, и не отличается оригинальностью, но все же она полна болезненных воспоминаний. Моя маленькая семья была разрушена наркотиками. Я страдала от глубоко укоренившейся боли и мук потери, не желая, чтобы это продолжалось, испытывая страх перед тем, что тебе принесет будущее.

Вместо того, чтобы позволить этой потере поглотить меня, я отправилась со своей болью в полицейский участок и нашла способ направить ее в нужное русло.

Затем я нашла кое-кого, с кем можно было забыться.

Жизнь научила меня и продолжает учить, что если ты дышишь, значит, ты борешься. Даже если это похоже на смерть.

Болезнь роста. Мои внутренности испорчены метафорическими растяжками личностного роста.

Женщина в моем кабинете не сидит у окна, сосредоточившись на дыхании подчиняясь ритму шторма. Но это нормально. Там найдется место для всех. Если ты не принадлежишь миру Дженнифер, то относишься к совсем другому типу.

К моему типу.

Я стараюсь не позволить реальности наполнить меня горькой обидой.

Я пытаюсь изо всех сил.

— А как часто на самом деле ловят мужчин на измене? — спрашивает Дженнифер, возвращая мое внимание к ней и ее проблемам.

Многие женщины обращаются ко мне, потому что хотят, чтобы их подозрения и их внутреннее чутье оказались ошибочными. Они не испытывают желания мараться, глубоко погружаясь в жизнь своего мужа самостоятельно, боясь того, что могут обнаружить.

Я выступаю в роли некоего переводчика. Они видят знаки, иногда даже вполне реальные доказательства, но им нужна я, чтобы расшифровать смысл всего этого, сделать его абсолютно ясным и понятным, не оставляя никаких сомнений.

Мне платят за то, чтобы я предоставляла сломленным людям подтверждение того, что их отношения могут закончиться.

Я всегда говорю им именно то, что собираюсь сказать и Дженнифер Майер:

— Если вы здесь, то, вероятно, уже знаете правду.

В случае Дженнифер — это подобно звону монет для ее ушей. Она поднимает с пола сумочку "Прада" и встает, возвышаясь над моим столом.

— Завтра Милтон уезжает в командировку. И вы сможете посетить наш дом, но я бы хотела, чтобы вы начали сегодня вечером.

Я приподнимаю бровь.

— Милтон захочет повидать свою... любовницу, — поясняет она, — прежде чем уедет из города. В этом есть смысл, не так ли?

— Конечно. Логично. Я могу начать прямо сейчас.

— Хорошо, — она оплачивает мои услуги чеком, который покрывает стоимость четырех GPS-трекеров и мониторинг в течение месяца. Любые полевые работы оплачиваются по часовому тарифу.

— Благодарю вас, мисс Дэвис, — в ее ехидном голосе проскальзывает нечто крайне раздражающее. И на самом деле это больше моя проблема, чем ее. Дженнифер и понятия не имеет, что я привыкла, чтобы ко мне обращались как к детективу Дэвис.

Раньше, я имею в виду. Я недолго проработала детективом, но уже привыкла к этому званию.

— Можно просто Макенна, — поправила ее я.

— Хорошо, Макенна. Пожалуйста, сообщайте о любых продвижениях в деле по номеру сотового, который я вам дала.

Ее секретный телефон — тот, о котором не знает муж, и который, я уверена, используется для ее собственных грязных делишек. Но, эй, кто я такая, чтобы судить? Чек, который она только что выписала, покроет мою аренду за три месяца.

Когда она заходит в кабину, жалуясь на то, что ей приходится пользоваться таким ржавым лифтом устаревшей конструкции, я разворачиваюсь на стуле к окнам, открывающих мне вид на Сиэтл.

Еще полгода назад я бы отказалась от идеи стать частным детективом. Черт, я бы оскорбилась подобным предложением. Но по-настоящему угнетает тот факт, что нам приходится принимать некоторые вещи, когда наши возможности ограничены.

Всего за пять лет работы в полиции Сиэтла я стала детективом и потеряла эту должность меньше чем за год. Я потеряла почву под ногами.

Дождь стучит по оконным стеклам. И пока буря не переросла в ливень, я накидываю свою куртку, подхватываю сумку на ходу, и выхожу из дома. Я нуждаюсь в дополнительной слежке за Милтоном Майером, и теперь мне платят за то, чтобы я покопалась в этом человеке.

Я закрываю решетку лифта как раз в тот момент, когда вспышка молнии освещает мой холодный чердак.

По пути вниз я задерживаю дыхание.

Глава 2

Цель.

Макенна.

Кафе «Колони Парк» находится прямо в центре Сиэтла. Стоя на холме от Пайк-Плейс,

оно расположено достаточно далеко от туристической суеты рынка, но в то же время принадлежит довольно популярному району, мимо которого, как мне кажется, проходит большая часть городской толпы, по крайней мере, раз в неделю.

Вот почему я выбрала это место в качестве своей базы.

Я прихожу сюда каждое утро и каждый вечер. Два посещения за день — в два раза больше шансов засечь его.

На самом деле я не пью так много кофе, несмотря на стереотипное мнение о местных жителях. Сегодня я сменила своего неизменного коллегу по слежке на зеленый чай. Я медленно потягиваю его, наблюдая за спешащими домой людьми.

Сколько раз он проходил мимо меня?

Каждый мужчина, выше шести футов ростом, заставляет мое сердце биться быстрее. Вид черной толстовки удушающее стягивает мои легкие. Моя грудь наполняется трепетом, что это он, но затем следует горькое разочарование, оседающее тяжестью в желудке, обволакивая словно маслянистой пленкой, стоит только всмотреться в его глаза.

В этом городе наберется, по крайней мере, пять человек, остановленных мной на улице, которые теперь считают меня сумасшедшей.

Постоянный прилив адреналина изматывает. Хотя, думаю, это помогает мне спать по ночам. Без сбоя нервной системы я бы никогда не успокоилась. Передо мной постоянно стояли его пронзительные голубые глаза, горящие сквозь шторм.

Я опускаю взгляд на свою руку и сгибаю ее в локте, чтобы остановить дрожь. Тяжесть пистолета в плечевом ремне давит на меня с болезненной насмешкой.

У меня был только один шанс нажать на курок... и меня парализовало на месте.

Сделав короткий вдох, чтобы наполнить ноющие легкие, я расправляю плечи и откидываюсь на спинку металлического стула. Воздух гудит от надвигающегося ливня. Я чувствую это вокруг себя. Вину. С каждой нависшей в небе дождевой тучей приходит воспоминание о той ночи.

Я близко.

Я найду его.

Основываясь на опыте детектива, слежка в кофейне — не лучший способ найти подозреваемого. Но я послала к черту и забила на все остальные варианты. Во времена, когда я еще была детективом, ваши возможности оказываются предельно ограниченными за пределами участка. Я поддерживаю несколько связей, но когда эти люди думают, что ты сломлен...

Да. Теперь единственное, чем я располагают: это детективное агентство, в котором числится лишь один сотрудник, и наблюдательная база, которую я посещаю дважды в день, судорожно ожидая, когда он пройдет мимо.

Но теперь моим клиентом стала жена Милтона Майера. Это меняет ход игры. У меня есть кусочек головоломки. Это первый проблеск надежды за очень долгое время, и я цепляюсь за него всеми силами.

Закрывшись, я выбрасываю стаканчик в мусорное ведро и направляюсь через улицу к своей машине. Подошва моих ботинок хлюпает по разлившимся дождевым лужам. У меня есть работа, которую нужно сделать. По словам Дженнифер, Милтон, возможно, захочет увидеться со своей любовницей, но я лучше знаю.

Я открываю машину, сажусь за руль и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я выбираю более длинный маршрут к офисному зданию Милтона, чувствуя, как адреналин

бежит по моим венам.

Давайте узнаем, что моя цель собирается делать сегодня вечером.

У большинства изменщиков есть, по крайней мере, одна общая черта. Они не оригинальны. Честно говоря, даже при обилии информации в интернете о том, как не быть застуканным на горячем, они, как правило, совершают одни и те же ошибки. В этом вся суть человеческой природы — верить, что ты гораздо умнее остальных, особенно для такого самовлюбленного бизнесмена, как Майер.

Примерно в одиннадцать часов вечера я паркуюсь на противоположной стороне улицы от "Майер Кейстоун Энтерпрайз", направив объектив фотокамеры "Никон" на панорамные окна кабинета Майера, расположенного на четвертом этаже.

Мужчины ленивы, когда дело доходит до обмана. Они действуют в своем непосредственном окружении. Большинство останавливается на горячей молодой секретарше. Это не клише — просто вопрос удобства.

Милтон Майер сейчас не один в своем кабинете, но и не занят развлечениями со своей секретаршей. Я приближаю картинку с помощью объектива, пытаюсь получить более четкое изображение сквозь тонированное стекло офиса. Рядом с Майером стоит еще один мужчина, примерно его возраста, руки сжаты в кулаки. Его лицо кажется враждебным.

Я делаю снимок.

Милтон поднимает руки в защитном жесте, в то время как другой мужчина надвигается на него. Я выпрямляюсь и прижимаюсь ближе к окну машины. Линза ударяется о стекло. Я тихо ругаюсь себе под нос и нажимаю кнопку, чтобы опустить окно, и за короткое время, которое потребовалось на то, чтобы это сделать, мужчина уже успел вцепиться в шею Милтона.

Черт.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках кого-нибудь, кто мог бы вмешаться. Но никого нет. Офисное здание закрыто. Я лезу в карман куртки, расстегиваю кобуру с пистолетом и хватаюсь за дверную ручку.

Я не коп.

Больше нет.

Частные детективы наблюдают, они не вмешиваются.

А я — не настоящий детектив.

Но я слишком долго колебалась. Милтон вырвался из рук мужчины и бросился к двери. Я хватаю камеру и вновь фокусирую объектив. Через несколько секунд Милтон оказывается уже в дверях и несется по коридору. Я теряю его из виду... и второй парень попадает в поле моего зрения.

В руке он сжимает пистолет.

Через объектив камеры я могу рассмотреть, что он в черном костюме. Достаточно высокий. Широкоплечий. Его темные волосы коротко подстрижены. Хорошо сложен...

Не раздумывая, я делаю снимок, затем бросаю камеру на пассажирское сиденье и распахиваю дверцу со своей стороны.

Раздается выстрел.

Одна нога уже на тротуаре, другая все еще внутри машины, и я задерживаю дыхание. Раздается второй выстрел, заставляющий меня выйти из оцепенения, и ядвигаюсь.

Я мчусь через улицу, держа свой «глок» у бедра, а другой рукой набираю 9-1-1 на мобильном. Я кратко описываю оператору то, что видела, и диктую адрес, прежде чем

закончить разговор, и теперь я могу схватить оружие обеими руками.

Завернув за угол здания, я прокрадываюсь в гараж. Я ожидаю увидеть охрану, но ворота свободны. Затем аккуратно заглядываю в охранный пункт. На полу лежит человек в форме.

Мое сердце учащенно бьется. Адреналин обжигает вены. И, проглатывая тяжелый стук в ушах, я открываю дверь. Быстро проверяю его шею на наличие пульса. Он мертв, но тело еще не холодное.

Человек, стрелявший в Милтона Майера, является наиболее вероятным подозреваемым в убийстве офицера службы безопасности. А это значит, что он пришел сюда с намерением покончить и с Милтоном.

Но зачем планировать убийство в офисном здании?

Это выглядит весьма небрежным. Слишком много потенциальных свидетелей.

И у меня есть его фотография.

Собравшись с мыслями, я протискиваюсь через двери и направляюсь к лифту. Мои шаги звучат слишком громко, отскакивая от бетонного пола и отдаваясь эхом. Я выжидаю около полуминуты, прислонившись к цементной стене возле двери лифта.

Это мог быть он.

Эта мысль поглощает меня, превращаясь в единственное, что я желаю.

Я нажимаю на кнопку лифта, чтобы подняться.

Я обучена этому. Я бывала в подобных ситуациях. И все же страх давит на объективную оценку ситуации, а пронзительный голос сомнения действует на нервы.

Я больше не работаю детективом не просто так.

Я облажалась.

Когда двери раздвигаются, я толкаю себя внутрь кабины и жму на кнопку, поднимаясь вверх, прежде чем здравый смысл сможет остановить меня. Я проверяю свой пистолет и убеждаюсь, что патрон в патроннике, затем готовлюсь, и позволяю адреналину вести меня вперед. Я прижимаюсь спиной к стенке лифта и жду, когда откроются двери на четвертый этаж.

Это мышечная память. Мое тело знает, какой процедуре следовать, даже когда паника разрывает мою голову изнутри, словно бушующий смерч, разрушающий все на своем пути.

Один короткий миг, чтобы сделать вдох, и я прикрываю глаза. Вдох. Выдох. Меня окружает шторм. Я слышу, как лифт останавливается. Затем открываю глаза и фокусирую все внимание. Меня вновь наполняют чувства, выводя из ступора.

Я упираюсь ботинком в лифтовую дверь, чтобы она не закрылась, и проверяю коридор. Освещение приглушенное. Мягкий свет просачивается в коридор сквозь закрытые офисные кабинеты. На этаже тихо. Чуть дальше по коридору лежит Милтон, растянувшись на кафельном полу. Кровь расплзается вокруг его головы вязкой темной лужей. Я проверяю коридор по обе стороны от лифта, прежде чем выйти.

Воспоминание о моем последнем расследовании грозит всплыть наружу, потому что тишина и вид пустого коридора заполняют мое сознание, опасно балансируя на краю памяти, но я с силой подавляю в себе это ощущение. Не сейчас. Я слишком близко.

Убедившись, что в непосредственной близости опасности нет, я опускаюсь на колени рядом с Майером и проверяю его пульс. Ничего. Выстрел в лоб. Профессиональный стрелок. Есть процент людей, которые выживали после огнестрела в голову, но Милтон не был одним из этих счастливицков.

Его пустые и замутненные глаза смотрела прямо на меня.

Куда делась вторая пуля?

Я бросаю взгляд на ряд лифтов. Три двери. Над средней из них вспыхивает свет, сигнализируя, что кто-то поднимается. Скорее всего, это полиция. Я засовываю ствол в кобуру и направляюсь к аварийной лестнице.

Я успеваю протиснуться в дверь как раз в тот момент, когда раздается звон.

Тяжело дыша через нос, я пытаюсь сосредоточиться, пока спускаюсь по лестнице. Я не собираюсь скрываться от полиции, твержу я себе. Я просто не могу позволить стрелку сбежать.

Я замедляю шаг, когда дохожу до нижнего этажа. Это единственный способ, которым он мог уйти. Он не рискнет застрять в лифте или подняться на крышу. Приоткрыв дверь, я осматриваю парковку. Двое копов уже на месте и заняты убийством офицера службы безопасности.

Бормоча проклятия, проскальзываю в узкую щель открытой двери. Я решаю пойти в противоположную сторону. Во-первых, потому что будет чертовски трудно проскользнуть мимо копов. И, во-вторых, стрелок, вероятно, сделал бы то же самое. Он не вернется к тому месту, где оставил мертвое тело.

Думай, как преступник. Так всегда говорил Хадсон.

Есть только один вход, как ни крути, только один. Я маневрирую мимо припаркованных машин у задней части парковки. Вся активность сосредоточена в передней части здания. Я крадусь через третий ряд, держась так низко, как только могу... прежде чем торможу.

Я различаю силуэт мужчины в черном седане через два автомобиля от себя.

Даже если он не ожидал, что копы появятся так быстро, он хотел бы покинуть место преступления как можно быстрее. Это был опытный стрелок, но недостаточно дотошный, чтобы разработать стратегию отхода? Трудно дать оценку преступнику, будучи свидетелем лишь одного его убийства, но все в этом сценарии кажется мне странным.

Задние фары седана загораются красным.

Дерьмо. Он пытается сбежать.

Я действую быстро, я должна пойти на риск. После почти шести месяцев застоя он — моя единственная зацепка. Низко пригнувшись, что не было такой уж сложной задачей при моем росте 155 сантиметров, я тихо двигаюсь между машинами, добираясь до него как раз в тот момент, когда он поддается вперед, выворачивая руль влево.

Я закатываюсь под машину и устанавливаю GPS-трекер на шасси.

Попался.

Я прижимаюсь всем телом к земле, когда машина отъезжает, оставляя меня позади. Мне дается лишь мгновение, чтобы вздохнуть с облегчением, прежде чем начинается стрельба.

Глава 3

Двойной удар.

Макенна.

Раздается первый предупредительный выстрел. Пуля вылетает из черного седана, отдаваясь оглушительным эхом в бетонном гараже. В ушах стоит звон, заглушая все остальные звуки, но я улавливаю на заднем фоне открывшийся перекрестный огонь, пока мои органы чувств приспосабливаются к ситуации. Двое полицейских, засевшие в охранной

будке, отвечают тем же.

Я сажусь на корточки возле заднего колеса внедорожника и прикрываю голову. Дожидаюсь короткой передышки, когда выстрелы прекращаются, и выглядываю из-за бампера.

Краем глаза вижу седан, который на скорости проносится мимо охраны, врезаясь в ворота. Стекла целы. Каркас машины покрывают вмятины от пуль, но дырок нет. Машина пуленепробиваемая.

Наемный киллер. Что логично. Эта мысль заставляет меня выскочить из укрытия, и я хватаюсь за оружие, направляясь к другой стороне гаража. Я замечаю двух полицейских: они живы и вызывают подмогу. Учитывая, насколько точен был стрелок до этого, напрашивается вывод, что он специально оставил их в живых. Пока копы отвлечены, я бросаюсь к выходу, ведущему к боковой части здания.

Пешком я не смогу нагнать седан.

Мне нужно посмотреть ему в глаза.

Я делаю размеренный вдох, замедля учащенное сердцебиение, а затем выхожу из переулка и направляюсь к своей машине, пока не прибыло подкрепление. Сев за руль, я включаю маячок. Впиваюсь пристальным взглядом в зеленую точку,двигающуюся по экрану, встроенному в приборную панель.

Терпение.

Я ждала шесть месяцев, могу подождать еще несколько минут. Мне нужно подумать. Разработать план. Мне нужен...

Хадсон.

Меня охватывает дрожь, и звук дождя, ритмично барабанивший по капоту моей машины, отражает каждую эмоцию, сотрясающую мое тело. Я — словно ручеек, разлившийся из-за бури. Вырвавшийся из переполненного русла.

Изоляция может разрушить вашу рациональную сторону.

Я слишком долго была одна в этой погоне. Когда я, наконец, настигну его... что тогда?

Ложь может быть более красноречивой, чем правда.

Именно так Хадсон учил меня вести допрос. Он считал, что нельзя игнорировать все, что говорит преступник, как бы абсурдно оно не звучало. В каждую выдумку вплетен кусочек правды. Вот как действуют самые искусные лжецы. Правда полна лжи.

Нужно быть предельно проницательной. Выбрать, какой истине доверяешь.

Я завожу машину и выезжаю на улицу. Обещаю себе, что просто последую за ним, чтобы узнать, куда он направляется, и убедиться, что не упущу его из вида. Потом я занесу информацию в журнал и вернусь на чердак составить план.

Потому что именно этим я и занимаюсь. Как детектив и как следователь, я собираю детали и объединяю воедино факты преступления. Я работаю над этим делом уже больше года и сейчас не могу действовать импульсивно или эмоционально. Не тогда, когда я так близко.

Неважно, насколько это личное.

Я почти слышу голос Хадсона в своей голове, который ругает меня за то, что я не вкладываю свои эмоции в это дело. Это не личное. Что ж, этот корабль уже давно уплыл, не так ли?

Я смотрю в зеркало заднего вида и замечаю фары машины позади себя. Нет ничего странного в других автомобилях на дорогах в такое позднее время. Это город. Но за мной

следуют с тех пор, как я покинула здание Майера. И эта машина держит слишком близкую дистанцию ко мне. Или у меня паранойя.

Да. С той самой ночи я стала параноиком.

Зеленая точка, обозначающая местонахождение стрелка, внезапно сворачивает с главной дороги и замедляется. Я делаю выбор, и он может не совпадать с тем, который сделал бы Хадсон... но его здесь нет. Я включаю поворотник и сворачиваю вправо на соседнюю улицу, останавливаясь у обочины.

Я смотрю в зеркало заднего вида, пока не убеждаюсь, что машина проезжает мимо, затем возвращаюсь на главную улицу и направляюсь к местонахождению стрелка.

Следует придерживаться логики. Любой другой преступник, только что совершивший убийство, пытался бы сбежать в этот самый момент. Покинуть город, убраться как можно дальше. Но так бы поступил явно не мой парень. Он остановился у склада на Саунд-стрит. Он не боится, что его поймают.

Выключив фары, я останавливаюсь на противоположной стороне улицы от морского порта и глушу двигатель. Я использую свою камеру, чтобы ближе рассмотреть здание. Оно светло-серое, покрытое ржавчиной от старости и соленой воды. Ряд машин выстроился на передних парковочных местах, это были хорошие автомобили. Инормаки. Я делаю несколько снимков, а затем пытаюсь найти стрелка.

Где-то в глубине моей головы мелькает мысль: Дженнифер Майер теперь вдова. Возможно, ей уже позвонили и сообщили, что ее муж умер. Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы отказаться от моих услуг?

Возможно, бессердечно с моей стороны думать о подобном.... Но я не могу перестать анализировать эту историю, изучая имеющиеся доказательства. Она наняла меня шпионить за ее мужем, а через несколько часов этого человека застрелили. Прямо в его кабинете. При свидетеле.

Она сама отправила меня туда.

Объективно я должна считать ее подозреваемой.

Без всякой причины я начинаю злиться, и мне хочется отбросить все доказательства в сторону и сосредоточиться на одной теории — моей теории. Милтон Майер был убит тем же человеком, который убил моего напарника.

Это то, чего я хочу, мне нужно, чтобы было оно правдой.

Мои навязчивые поиски слишком дорого мне обошлись, чтобы совершить ошибку. Карьера, друзья... моя жизнь.

Я сошла с пути своей привычной жизни, чтобы преследовать убийцу моего напарника. Нельзя выстраивать дело на инстинкте. Ты не можешь подгонять обстоятельства внутри состряпанного тобой дела. Факты должны совпадать.

Вот почему я здесь. Вот почему в первую очередь я искала Дженнифер Майер, подбрасывая ей электронные письма, сообщения и чеки, чтобы заставить ее усомниться в верности мужа. Возможно, это был коварный шаг. Сомнительно моральный — абсолютно. Но все усилия дали мне выход на «Майер Кейстоун Энтерпрайз».

Я могу быть в ярости от того, что несколько месяцев разработки стратегии, чтобы попасть в компанию, были разрушены одним единственным человеком этим вечером, или я могу быть здесь и сейчас, полностью сосредоточенная и готовая к следующему шагу.

Один из гаражных отсеков начинает открываться, и тусклый свет разливается по складской площадке. Я опускаюсь по сидению ниже и разворачиваю камеру так, чтобы меня

никто не видел. Я смутно различаю очертания мужчины, сидящего за рулем машины, выезжающей задним ходом. Серебристый спортивный автомобиль. Заметно отличается от описания черного седана, которое посылает по радио, каждый сотрудник правоохранительных органов в его поисках.

Он небрежно припарковывает серебристую машину с заведенным двигателем, а затем заезжает на черном седане в открытый отсек. Он меняет машины. И скоро ускользнет. Трекер, который я установила на его тачку, будет бесполезен.

Черт.

Гроза разразилась в проливной дождь. Капли стекают по ветровому стеклу, затуманивая видимость. Редкий раскат грома словно предупреждает, но на этот раз я не обращаю внимания на угрозу.

Я выхожу из машины и иду через стоянку, мои волосы слиплись от дождя. Моя одежда промокает насквозь в течение нескольких секунд, но та же природная сила, что мешает мне, может работать и в мою пользу. Я использую ливень, чтобы скрыть свое присутствие, пока не оказываюсь прямо возле серебристой машины, рассматривая широкие плечи мужчины, пока он закрывает гараж.

Вес оружия в моей руке успокаивает и придает уверенности. Мне совсем не холодно. Пронизывающий воздух, делая сталь еще более холодной на ощупь и напоминая мне, что я дрожу, одновременно разносит волны тепла по всему телу. Когда я поднимаю пистолет, моя рука содрогается мелкой дрожью.

Хадсон, прости меня....

Я должна положить этому конец.

Выжечь из себя эту одержимость.

Я мысленно велю ему повернуться. Посмотреть на меня. Мне нужно заглянуть в его глаза и увидеть те холодные голубые радужки, которые преследовали меня с той самой ночи в овраге.

Мой палец движется к спусковому крючку... цель в поле моего зрения... затем чужая рука сжимает мое запястье и опускает оружие. Я оказываюсь в захвате с прижатыми запястьями по бокам и абсолютно обездвиженной. Давление твердого тела, плотно прижатого ко мне со спины, отдается холодом в моей крови. Крупная ладонь зажимает мне рот, прежде чем крик вырывается наружу.

— Ш-ш-ш.

Над моим ухом снова становится тихо. Гортанное предупреждение незнакомца за спиной смешивается с ревом дождя, электризуя мою кожу. Я выпускаю пистолет и падаю на мокрую землю. Упираясь руками в грязь, чтобы не рухнуть.

Тень человека падает наземь, ночная темнота не в силах поглотить несущие страх очертания фигуры. Я давлюсь холодным воздухом, гася бушующий огонь, спиралью проходящий через мое тело. Жар вперемешку с адреналином достигают критического уровня, когда поднимаю глаза.

Одетый в черную кожаную куртку с накинутым на голову капюшоном, чтобы скрыть лицо, мужчина пронесется сквозь дождь как пуля — слишком быстро, учитывая его габариты. Он настигает стрелка, прежде чем тот успевает поднять пистолет и выстрелить.

Оружие падает в грязь, и меня бьет дрожь, пока мой взгляд мечется между пистолетом и двумя телами, сталкивающимися, словно две глыбы льда. Стрелок наводит пистолет с глушителем на противника, и по неизвестной мне причине мой мозг принимается

анализировать и разгадывать вопрос, всплывший именно в этот самый момент: почему стрелок не использовал этот глушитель, когда стрелял в Майера в офисном здании.

И этот аналитический ступор стоит мне драгоценных секунд, поскольку борьба между двумя мужчинами обостряется. Время, чтобы сделать ход, упущено. Одетый в кожу мужчина прижимает стрелка к заднему бамперу серебристой машины, крепко сжимая своей огромной ладонью его горло.

— Я же говорил, что найду тебя, Келлер, — произносит мужчина.

Келлер.

Пока я пытаюсь ползти по земле, пропитанная грязью, налипшей на волосы, мой разум гудит от этого имени. Келлер. Мысленно перебирая файлы и заметки, я пытаюсь вспомнить это имя, но оно мне не знакомо.

— Не двигайся, — гремит низкий голос. Приказ адресован мне.

Жидкий лед растекается по венам, пальцы зарываются в грязь. Я впиваюсь взглядом в мужчину, и во мне вскипает вызов, как ртуть, вырвавшаяся из стеклянного термометра. Гнев, который скапливался в течение нескольких месяцев, и выбирает своей целью этого мужчину. Он крадет у меня то, ради чего я так много работала.

Мою месть.

Дрожа, я поднимаюсь на ноги. Убираю мокрые пряди с лица. А затем атакую.

Мой удар приходится на заднюю сторону колена. Этого недостаточно, чтобы сломать кость, но достаточно, чтобы заставить его пошатнуться. Он отпускает Келлера, и его рука вырывается вперед. Я пригибаюсь, а затем прыгаю ему на спину, впиваясь ногтями в глаза.

— Идиотка, — отрывисто бросает он, а затем тянется назад, чтобы схватить меня за ногу. Острая боль пронзает мою икру, и я вскрикиваю. Он сбрасывает меня, как мокрое одеяло.

Я приземляюсь на спину, чувствуя, как воздух выбивает из легких. Боль охватывает грудную клетку, разливаясь по всему телу, как лесной пожар. Я открываю рот, чтобы сделать вдох.

В суматохе Келлер приходит в себя и бросается к оружию. Оно все еще валяется на грязной земле. Перед глазами все плывет, и я сильно моргаю, пытаюсь избавиться от дождя, застилающего глаза, и темных пятен, не позволяющих четко видеть, и когда, наконец, мне удается сфокусироваться, я вижу, как мужчина набрасывается Келлеру на спину и валит его в грязь.

— Уходи! — рычит он мне.

Не в силах вымолвить ни слова, я качаю головой. Я не могу уйти... пока не увижу глаза Келлера, пока не буду знать наверняка.

— Тебя это не касается, — бросает мне мужчина, поднимая пистолет с земли. Он засовывает его за пояс, затем поднимает Келлера и швыряет его к машине.

Это не касается тебя. Я закаляю свою решимость. Я смотрю, как он бьет Келлера в живот, убеждаясь, что тот не сможет снова убежать, и поднимаю подбородок.

— Я не уйду.

Я не вижу его лица, но чувствую, как его глаза впиваются в меня сквозь темноту.

— Ты еще пожалеешь об этом.

Издали до меня доносится вой сирен. Полиция ищет убийцу Майера. Он здесь, но он принадлежит мне. Мужчина выдергивает Келлера из машины и тащит его в переулок между складами.

Теперь я его не потеряю. Будь все проклято, но в этот момент единственное, что имеет значение, — это завтрашний день, и последствия можно не брать в расчет. Со стоном я переворачиваю свое ноющее тело, чтобы дотянуться до машины и встать на ноги. Затем я ковыляю к переулку, прежде чем страх, адреналин и боль поставят меня на колени.

Я сворачиваю за угол здания, и мой мир переворачивается. Я вижу Келлера. Он прислонился к мусорному контейнеру, повернув голову в мою сторону. И он смотрит прямо на меня, широко раскрыв глаза. Я ясно вижу его темно-карие глаза, которые пронизывают меня своей молчаливой мольбой.

Нет.

Это должен быть он. Все вело к этому. Вероятно, в ту ночь я ошиблась, потому что пребывала в шоке. Время имеет свойство искажать воспоминания.

Я теряю всякое чувство осознанности, когда мое тело оседает напротив здания. Но затем пугающие стоны боли и мучений разрушают мой бессознательный ступор, возвращая меня в настоящий момент. Зверь в человеческом облике орет на Келлера. Удар сыпется за ударом. Брызги крови смешиваются с дождем, и я не могу различить сквозь дождь и темноту силуэты мужчин.

Он — чудовище.

Но некая больная часть меня трепещет от этого зрелища.

И отчаяние, которое я слышу за стонами его усилий, это отражение его собственной боли. Не Келлера, а монстра. Я чувствую его боль, которая сотрясает своей силой ночной воздух вокруг него.

Тяжело дыша, затратив столько энергии, мужчина отступает и любуется своей работой. Келлер теперь представляет собой окровавленное месиво из плоти и костей, выброшенное на помойку в переулке.

— Заканчивай, Люк, — сипит Келлер, булькая кровью. Он глухо смеется, как безумец, или как человек перед неизбежным концом. Даже желательным.

Люк. Я сохраняю это имя в памяти, заталкивая его поглубже. Я знаю, по какой причине нахожусь здесь... но почему он? Кто такой Люк во всей этой какофонии душевной боли и безумия?

Мужчина — Люк — роется в кармане джинсов и достает монету. Он подносит ее к лицу Келлера.

— Выбирай, — приказывает он.

Келлер сплевывает кровь.

— Пошел к черту.

Кулак с тошнотворным хрустом врзается в лицо Келлера. Из его носа хлещет кровь, и он давится, кашляя и захлебываясь ею.

— Выбирай! — рычит Люк.

— Орел, мразь.

Я вижу блеск монеты, когда ее подбрасывают высоко в воздух, а затем Люк ловит ее и шлепает серебряной монетой по тыльной стороне ладони. Он медленно убирает ладонь, так что взгляд опухших глаз Келлера проясняется.

— Орел, — говорит Люк.

То, как его грубый голос звучит... от такой спокойной, собранной манеры у меня мурашки бегут по коже. Он подходит к Келлеру, явно испытывая удовольствие, хватая его за воротник костюма, заставляет встать и прислоняет к мусорному контейнеру.

На долю секунды Люк переводит взгляд на меня. Я мельком вижу очертания его лица, прежде чем он притягивает Келлера к себе и разворачивает его спиной. Взгляд Келлера устремлен на меня — его карие глаза на посиневшем и налитом кровью лице смотрят прямо на меня, заставляя впасть в ступор. Воздух покидает мои легкие, когда я вижу, как Люк обхватывает Келлера за шею и прижимает ладонь к его лицу.

Хруст.

Келлер падает на землю. Неподвижным тяжелым мешком. Дождь хлещет по его безжизненному телу.

Мой мозг пытается впитать увиденное. Присвоить произошедшее себе. Но это не приносит удовлетворения. Все слишком быстро закончилось. И ничего из случившегося мне не принадлежит. В конце концов, может быть, я бы и не пошла на это. Возможно, я решила бы привлечь его к ответственности, позволить системе правосудия наказать его.

Может быть, он совсем не тот человек, которого я искала.

Все эти мысли проносятся хаосом в моей голове, как ядовитый торнадо, и я не слышу хлюпающих шагов, приближающихся ко мне, пока не становится поздно.

— Ты слишком много видела.

Сидя на мокрой земле, я застряла между стеной дождя и дьяволом, стоящим надо мной. Я поднимаю глаза, убираю пряди волос с лица, чувствуя, что грязь оставляет следы, и всматриваюсь в черты его лица.

Я вижу его — смотрю прямо в его холодные глаза. Невозможно ошибиться — они льдисто-голубые.

Те самые.

Переулок освещается вспышкой, словно от удара молнии. Мое дыхание перехватывает, как это было много месяцев назад во время шторма, и я с тошнотворной ясностью осознаю, что нашла его.

А теперь он собирается убить меня.

Глава 4

Он.

Люк.

Как трудно заставить кого-то исчезнуть?

С социальными сетями, GPS, потоковой передачей новостей двадцать четыре на семь практически невозможно пропасть с радаров в наше время.

Я уже три года в отъезде, а обо мне до сих пор пишут, что я пропал без вести. Мне удавалось скрываться, но всегда существует угроза разоблачения.

Постоянная внимательность записана на подкорке, словно вшита в меня.

Тик-так. Внутренние часы отсчитывают срок моей годности.

Джек Келлер был всего лишь одной помехой в этой тикающей бомбе замедленного действия. Он превратился в отработанный механизм, погасший на мертвой земле.

Я осторожно перевожу взгляд на его расprostертое тело, брошенное рядом с мусорным контейнером в переулке, словно мешок с отходами. Установка. Ярость все еще кипит в моих венах, его смерти недостаточно, чтобы утихомирить бесконечный бунт в моей голове.

От тела нужно избавиться.

Замести следы. Так можно остаться в безопасности под этим радаром.

Если вы собираетесь кого-то убить, то проверните это дело так, чтобы полностью избавиться от тела. Или же этот кошмар никогда не перестанет преследовать, и всегда будет находить вас.

Хлюпающий звук привлекает мое внимание, и я вспоминаю о женщине.

Она все еще здесь, и с ней нужно разобраться.

Я обуздываю огненную потребность уничтожить и сосредотачиваюсь на внутреннем подсчете. Одно тело, один мусорный контейнер, один переулочек. Две жизни. Одна смерть.

Она не подходит.

Не сможет насытить чудовище.

Счет помогает утихомирить ярость и успокоить противоречивые воюющие друг с другом части моей личности.

Когда безумие в моей голове проходит, я снова могу смотреть на нее. Одета в джинсовую куртку, пропитанную дождем и грязью, она медленно отступает назад, маленькими шажками увеличивая расстояние между нами.

— Стой.

Она мгновенно подчиняется. Когда она поворачивается, я получаю возможность изучить ее лицо: ее мягкие черты напряжены от гнева. Не от страха, хотя ей следовало бы бояться. Она изучает меня так же пристально, яростное выражение портит ее красивое лицо. Может быть, она просто в шоке.

— Тебе здесь не место, — вновь повторяю я то, что говорил ей раньше, и теперь верю в это еще больше, чем когда-либо. И тогда я принимаюсь рассуждать вслух: — Ты меня пнула, — я почти улыбаюсь, но это было бы неуместно, учитывая ситуацию.

Она приподнимает бровь, но ничего не говорит. Ее темные волосы промокли, прилипнув к щекам и шее. Под курткой заметен ремень кобуры для оружия. Черные ресницы блестят от капель дождя, когда она моргает. Я смотрю мимо всего этого, в ее глаза, глубоко погружаясь в эти темные омуты, чтобы найти ответ о ней.

Насколько трудно будет заставить ее исчезнуть? Кто ждет ее? Мать, отец, муж? Ребенок? Нет. Я так не думаю. Эти пустые, почти черные, радужки не отражают заботы о других. Она не боится за свою жизнь.

Она одна.

Иначе зачем бы она стояла здесь посреди ночи и в грозу? Она сама по себе.

Если бы кто-то зависел от нее, она бы умоляла сохранить ей жизнь. Увидев то, что я могу сотворить с человеческой жизнью, она должна была умолять, торгуясь, чтобы выжить. Мой пытливый взгляд не сочетался с хладнокровным настроением.

— Кто ты такой? — спрашивает она, и ее дыхание туманит свежий ночной воздух. — Зачем ты его убил? — ее взгляд скользит от меня вниз к охотничьему ножу, который привязан к моей ноге.

Она вся дрожит. Промокшая под холодным дождем, с бурлящими в венах адреналином, она всего с нескольких мгновений от потери самоконтроля.

У меня не было времени ждать, когда ее, наконец, накроет. Я двигаюсь быстро. Она пытается отступить, но ее рефлекс уже не так острые. Я пригибаюсь ниже в землю, обхватываю ее за слишком тонкую талию и перекидываю через плечо

Она кричит, пинаясь и царапая мою спину. Но я ничего не чувствую сквозь куртку.

— Отпусти меня! Какого хрена?

— Заткнись, — отчаянье и мольба растворяются в моем низком рыке. Но отсрочка длится лишь мгновение, прежде чем она снова начинает бороться.

Она извивается всем телом, елозя вдоль моей спины. Я перехватываю ее хрупкий стан, но боюсь, что могу сломать ее кости. Это секундное колебание дорого мне обходится, и она выскальзывает, освобождаясь и тяжело приземляясь на землю.

— Проклятие, — я делаю шаг к ней.

Она отползает на четвереньках по лужам. Прозрачная вода заливает ее длинные волосы и лицо. Я тянусь к ее лодыжке, и она пинает меня, нанося ощутимый удар ботинком по моей голени. Черт, это больно, но я все равно хватаю ее за ногу и тащу назад.

Ее крик отдается глухим резонансом в переулке, который играет роль идеального акустического пространства, чтобы заставить ее бояться. Она бросается угрозами и грязно ругается. Монстр. Животное.

Убийца.

Это все я.

И я использую гнев, отвлекаясь на ее слова, чтобы сделать то, что необходимо.

Я хватаю ее сзади за шею и прижимаю к грязной земле, а сам сажусь на колени, зажимая ее крошечное тело между ними. Я обхватываю ее шею предплечьем.

— Можно было сделать это тихо и легко, — бурчу я сквозь стиснутые зубы.

Ее приглушенный, сдавленный крик леденит мою кровь, но я крепче сжимаю ее, лишая кислорода.

— Пошел ты... — сипло выдавленное оскорбление из пережатого горла стихает, как и ее сопротивление.

Когда она теряет сознание, я медленно отпускаю ее. Быстро проверяю, дышит ли она еще, а затем переношу вес на пятки и провожу дрожащей рукой по влажным волосам. Я низко натягиваю капюшон, который откинулся во время борьбы, и встаю на ноги, таща за собой ее обмякшее тело.

Внезапно вспыхнувшие огни отбрасывают на стоянку желтое свечение. Черт. Разбудил соседей. Я быстро переношу Келлера в багажник своей машины, прежде чем укладываю женщину на заднее сиденье, решив, что она может быть достаточно травмирована. Лучше не запирать ее внутри с мертвым телом.

Я проскальзываю на водительское сиденье и мчусь, удаляясь от склада. Я не включаю фары, пока не оказываюсь в нескольких кварталах от того места.

Все прошло удачно.

И небрежно.

Необходимо серьезно подойти к сопутствующему ущербу. У меня есть строгое правило касательно возвращения на место преступления — никогда не делать этого, но прямо сейчас нельзя было остаться замести следы. У нас недостаточно времени, чтобы устранить улики. А это значит, что я должен буду вернуться туда, чтобы убедиться, что ничего не осталось.

Даже свидетеля.

Я откидываю капюшон и бросаю взгляд на заднее сиденье. Черт, сегодня нарушено слишком много правил.

Поездка в Фолл-Сити проходит слишком быстро, не давая мне времени подумать. Я паркуюсь в гараже на две машины и опускаю дверь, прежде чем заглушить двигатель. Устало проведя рукой по лицу, я еще острее чувствую каждый синяк и ушиб, которые болезненно ноют, когда адреналин ушел.

С медлительностью, которая не соответствует моим тридцати шести годам, я выбираюсь из машины и опускаю спинку переднего сидения. Она все еще без сознания. Есть шанс, что девушка не вспомнит, чему стала свидетелем, или как я выгляжу. Паника, стресс и шок — всего этого достаточно, чтобы повлиять на память.

Да. Шанс.

С таким же успехом можно назвать его риском.

Я и прежде решался на подобный риск, но в этот раз зашел слишком далеко, чтобы поставить под удар все, даже ради сохранения жизни одной женщины.

Эта лицемерная мысль наотмашь бьет меня по сознанию.

Хорошо. Лучше быть умным лицемером, чем глупым.

Решившись, я подтягиваю ее к себе за ногу и поднимаю на руки. Я несу ее в единственное место, в котором, уверен, ее никто не услышит, и где она может шуметь сколько душе угодно.

Подвал.

Подземная комната была позже добавлена к дому. Ни на каких чертежах подвал не был обозначен. Это было запрещено. Вот почему он был идеальным местом. Никто даже не подозревает о его существовании. Снаружи его невозможно распознать, и есть только одна дверь, которая ведет внутрь, и нет дополнительного выхода.

Я тащу ее вниз по винтовой лестнице ко входу, и мне приходится прислонить ее к железным перекладинам, чтобы достать ключи. Она стонет во сне, этот прерывистый звук действует мне на нервы.

Все неправильно.

Полное дерьмо, вот что это такое. Я сделал опрометчивый выбор. И теперь, столкнувшись лицом к лицу с последствиями, сожаление тяжким грузом давит на мой желудок.

Я торопливо отпираю дверь и втаскиваю ее внутрь.

— Это место не было предназначено для тебя, — говорю я, хотя она, вероятно, меня не слышит. Однако мне было нужно услышать эти слова и поверить, что я не зашел слишком далеко.

Первая из комнат подвального помещения абсолютно пустая, площадью всего десять на десять футов, ничем не вызывающая интерес. Это же была центральная зона подвала, которая будет обнаружена, если кто-нибудь случайно найдет дорогу сюда.

Она начинает шевелиться в моих руках, прежде чем я опускаю ее на пол.

Черт. Я не могу позволить ей просто бродить здесь. Я убедился, что подвал непроницаем изнутри, но до этого момента не было возможности проверить. Ещё нет.

Это место было предназначено для заточения нечисти и демонов. Не для женщин, которые нападают на незнакомцев ночью.

— Не делай глупостей, пока я не вернусь, — предупреждаю я.

Импровизация — не моя сильная сторона. Я планировал годами, продумывал все детали, а эта женщина все портит. Кто она, черт возьми? Откуда взялась?

Я опускаюсь рядом с ней на пол и откидываю темные спутанные локоны, открывая ее лицо. Меня обдает волной узнавания, я словно акула, кружащая по воде в поисках источника крови.

Я видел ее раньше.

Но я не знаю где именно, а углубляться в прошлое подобно прогулке по минному полю.

Один неверный шаг — и я подорвусь. Я храню свое прошлое в тайне, так же как держу этот подвал запертым и спрятанным от чужих глаз.

Я выхожу, запирая за собой дверь.

Найдя наручники и цепь, я открываю дверь в подвал и вижу, что она все еще спит. Затем вбиваю железный шип из своей коллекции в цементный пол.

Эти на скорую руку сделанные оковы будут удерживать ее, пока я не решу, что с ней делать. Она просыпается от стука молота, и я, не теряя времени, снимаю с нее ботинок и пристегиваю кольцо наручника к лодыжке, прежде чем она полностью приходит в себя.

Пока я проверяю цепь на прочность, она стонет, прижимая ладони ко лбу.

Я чувствую толику облегчения, когда оставляю ее, связанную и пойманную в ловушку, и начинаю подниматься по лестнице. Я отошел от подвальной комнаты достаточно далеко, но меня, словно марионетку за нити, тянет назад. Шепчущий голос манит меня подойти ближе, соблазняет заглянуть и проверить ее. Причинить боль.

Это стало моей потребностью.

Я прижимаю ладони к вискам.

— Заткнись.

Биение сердца отдается синхронным ритмом в голове, в такт шепчущему голосу, умоляющему о побеге.

Моя голова упирается в железные перила. Боль разрушает безумную какофонию в моем сознании, давая мне секунду покоя. Мысли прорываются наружу, как щупальца, словно нити паутины, в поисках чего-то. Я следую за единственной из них, которая обещает хоть каплю здравомыслия.

Женщина.

Я хватаю одеяло из шкафа, свечу из кухни и спускаюсь вниз. Когда я возвращаюсь в подвал, обнаруживаю, что она уже полностью пришла в себя. Она сидит, прислонившись спиной к стене, подтянув к груди обтянутые джинсами ноги. Ее глаза еще не привыкли к темноте, и она внимательно оглядывается по сторонам.

— Теперь ты молчишь, — я подталкиваю ногой одеяло в ее сторону, и она вздрагивает.

Она использует свой ботинок, чтобы сбросить фланелевое одеяло с ног. Цепь, прикрепленная к ее лодыжке, гремит об бетонный пол.

Хм.

— Теперь тебе нечего сказать? — я подкрадываюсь ближе, держа каждую часть ее тела в поле зрения. — Ты можешь задать три вопроса.

— Включи свет, — требует она.

Холодный тон ее голоса удивляет меня.

— Это не вопрос.

— Мне нужен свет.

Я скрещиваю руки на груди.

— Заключение не имеют права предъявлять требования.

Она упирается рукой в стену и осторожно поднимается на ноги. Она вздрагивает и касается своего лба. Ей наверняка очень больно. Она дралась, как баньши, а удушье вызывает ужасную головную боль.

— Что ты собираешься со мной делать? — спрашивает она.

— Я еще не решил, — честно отвечаю я.

— Что, черт возьми, это значит?

— Ты уверена, что хочешь, чтобы это было твоим вторым вопросом?

— Перестань быть таким чертовски буквальным и... спокойным. Я видела тебя. Я видела все.

Я поднимаю голову. Страх на ее лице на мгновение маскируется отстранением. Она видела, как я убил человека голыми руками. Она стала свидетелем деяния настоящего монстра. Вот что она имеет в виду.

— Ты видела меня, и именно поэтому ты здесь. Хочешь и дальше акцентировать внимание на этом факте?

— Ты ненормальный.

Я пожимаю плечами.

— Вероятно, немного.

Она демонстрирует некоторую браваду и делает шаг вперед. Цепь натягивается и фиксирует ее на месте. В ней всего пять футов. Как может кто-то настолько крошечный быть таким яростным?

— Где я нахожусь? — спрашивает она.

Я хочу уйти, чтобы снять напряжение со своего перегруженного организма, но не двигаюсь с места. Кажется, мое присутствие успокаивает ее.

— В моем подвале.

Я вижу, как она прищуривается.

— Ты можешь быть конкретнее.

— Это еще один вопрос, но я дам тебе ответ на него. Ты находишься в подвале дома, расположенного на Ван Вест Плантерс Авеню.

Ее темные брови приподнимаются, и лицо наполняется удивлением, прежде чем реальность обрушивается на нее. Она умная. Может быть, слишком умная. Если я сообщаю ей адрес, это значит, что я не собираюсь ее отпускать.

Я понял это уже в тот момент, когда забрал ее.

— Ты ничего не сможешь сделать с этой информацией, — говорю я ей. — Последний вопрос. Удиви меня.

Словно загадывая желание джинну в бутылке, она тщательно обдумывает свой последний вопрос.

Она прикусывает нижнюю губу. И это действие приковывает мое внимание, и на мгновение я закливаюсь на ее губах, прежде чем она заговорит и разрушит чары.

— Как тебя зовут?

Я немного шокирован, и мне любопытно, зачем она хочет это знать. Знание моего имени, как и ее местонахождение, ничем ей не помогут.

— Истон, — я называю ей свою фамилию.

— Ты родился с одним именем? — она поддевает меня.

— Это единственное имя, которое тебе нужно знать. Я не Румпельштильцхен. Мое имя не имеет для тебя никакой силы, — я бросаюсь к ней, заставляя врасплох. — Теперь моя очередь. А ты кто такая? — я останавливаюсь всего в двух футах от нее, чтобы смотреть на свою пленницу сверху вниз и напомнить ей, кто здесь главный, а также я чувствовал необходимость рассмотреть ее черты лица вблизи. Навязчивое узнавание крутится в моей голове, как призрачная, но неуловимая мелодия.

Она отрицательно качает головой.

— Нет.

— Ты коп?

— Нет.

— Зачем пыталась поймать Джека Келлера?

Ее глаза слегка расширяются при упоминании его имени.

— Нет.

Отлично.

— Я старался играть честно. Просто помни об этом, — я тянусь к ней, и она, как и ожидалось, вскидывая руки, чтобы заблокировать удар. Ее обучали самообороне. Я слишком долго колебался тогда, на складе, и эта ошибка в суждениях дорого мне обошлась.

Я быстро преодолеваю то короткое расстояние между нами и обнимаю ее за талию, опуская на пол. Я заставляю ее лечь на живот, стараясь прижать ее ноги коленом, чтобы на этот раз она не ударилась.

— Ублюдок.

— Это единственное имя, с которым я могу жить, — я лезу в ее задний карман и достаю кожаный бумажник, который нащупал там раньше. Большинство женщин держат свои удостоверения личности и прочее дерьмо в сумочке. Копы же предпочитают держать все важные документы при себе.

Я упираюсь локтем ей между лопаток, чтобы она не упала, пока я роюсь в ее бумажнике. Достаю ее права.

— Макенна Дэвис. Номер один-двенадцать в Ловер Куин-Энн. Хорошее место. А теперь посмотрим, кто ты, — я достаю ламинированную карточку. — Ты частный детектив.

— Сукин сын.

— Ты грязно выражаешься, — я шлепаю ее по заднице, прежде чем отпустить. — Должно быть, это пережиток твоих коповских дней, — как только получу всю необходимую информацию, я встану и отойду подальше — подальше от нее.

Она с трудом поднимается на ноги и откидывает волосы с лица. Дыхание затруднено, ее грудь тяжело поднимается и опускается. Я замечаю, как ее разорванная рубашка распаивается, открывая аккуратный животик.

Слишком близко. Я делаю шаг назад, чтобы она не смогла разглядеть мое лицо.

— Как ты оказалась сегодня на складе? — требую я. Тот лимит терпения, который позволял мне спокойно держаться рядом с ней, подошел к концу. Она — коп или была им когда-то. Большинство детективов не занимаются доносами в участок. Мне нужно знать, почему она следила за Келлером.

— Келлер, кем бы ни был этот человек, убил мужа моей клиентки, — наконец, произносит она.

Я изучаю ее лицо.

— Дженнифер Майер — твоя клиентка.

— Да.

Я знал, что Келлер охотился за Майером. Келлер должен был выйти из укрытия, чтобы добраться до него, и именно поэтому я оставлял Майера в живых так долго. В качестве приманки. Жертвы, которую я вскоре принес.

Но жена Майера — представляет собой поразительное открытие.

Я прихожу к выводу, что эта женщина говорит правду. По большей части. Я бросаю черный бумажник к ее ногам и разворачиваюсь, чтобы взять свечу. Я подхватываю ее с пола, и между лопатками простреливает боль. Стиснув зубы, я достаю зажигалку и смотрю на нее.

С моей точки зрения проблема ясна.

— Тебе нужен свет. Мне нужны ответы, — я щелкаю зажигалкой. Маленькое пламя танцует между нами, отбрасывая дрожащие тени на стену. — Что тебе известно о Милтоне Майере?

Она щурится, пытаясь заглянуть за пламя. Я держу зажигалку справа от себя, чтобы свет не падал на мое лицо.

С обреченным вздохом она скрещивает руки на груди, задирая разорванную рубашку, чтобы обнажить еще больше кожи.

— Сегодня была моя первая ночь на этом деле. Меня наняла жена Майера, чтобы подловить его на измене.

Правдоподобно. Майер был не просто мошенником. Он был мерзким, садистским дьяволом.

— Но вместо этого, — продолжает она, — я увидела, как Майера застрелили.

— И твое храброе маленькое "я" последовало за убийцей, чтобы поймать его и приписать к своим заслугам, — рассуждаю я.

Она слабо кивает.

— Но ты стала свидетелем не одного, а двух убийств. Это дерьмовая удача для бывшего копа.

Последняя фраза поднимает ей настроение, расходуя остатки энергии.

— Я рассказала тебе то, что ты хотел знать. И я не представляю для тебя угрозы. Ведь я не коп.

— Но ты знаешь, как меня зовут, и где я живу, — я позаботился о том, чтобы она владела этой информацией, и моя совесть была чиста. Я не могу рисковать, не обрубив концы.

Ее дыхание участилось.

— Ты больной убудок. Я ничего не знала о тебе, пока ты сам не рассказал. Отпусти меня. Я не скажу ни слова. Да, я бывший гребаный полицейский. Ты прав. Но меня вышвырнули из полиции. Так что даже если я что-то скажу, мне все равно никто не поверит.

Я зажигаю фитиль. Свеча потрескивает маленьким пламенем, освещая темное помещение. Я ставлю свечу на каменный пол и лезу в карман.

Ее глаза расширяются при виде моей монеты.

— Это правда, Мак. Я не...

— Не называй меня так.

Я подбрасываю монету один раз, заставляя ее замолчать.

— Ты сама себя привела сюда. Ты видела слишком много. На складе я дал тебе возможность уйти, но твои дурные привычки копа взяли верх. Тогда у меня не было другого выбора, кроме как взять тебя с собой, — я снова подбрасываю монету. — Но я же разумный человек. Теперь я могу дать тебе другой выбор.

Ее горло сжимается, когда она сглатывает.

— Есть кое-что, что я должен сделать, — говорю я, делая шаг вперед. Она отодвигается от меня, пятясь назад. — Одна очень важная вещь, которую я не могу позволить тебе испортить. Так что выбор за тобой, Мак. Орел — я сохраню тебе жизнь, пока не закончу свое дело. И потом отпущу тебя. Или решка — я убью тебя прямо сейчас. Избавлю себя от лишних хлопот, поскольку ты уже доказала, что приносишь достаточно проблем.

Ее спина упирается в стену. Деваться некуда.

— Или ты можешь просто отпустить меня сейчас.

Я улыбаюсь. Она симпатичная. В каком-то безумном смысле.

— Ты готова?

Она все еще здесь. Ее темные глаза сверлят меня насквозь.

Я подбрасываю монету в последний раз.

Она не ждет, пока я ее поймаю, и принимается дергать за цепь.

Я ловлю монету и качаю головой.

— Дерьмо.

Я бросаюсь к ней, и она отпускает цепь, а ее руки поднимаются в защитном жесте. Надо отдать ей должное, она не кричит.

— Пожалуйста... не надо.

В последнее время я слишком часто рисковал. Я либо старею, либо устаю. Наверное, и то, и другое. Мне нужно очистить место преступления до утра, а я не могу этого сделать, пока эта женщина бродит по моему подвалу. Одна женщина не сможет остановить то, что я начал.

Схватка завязывается мгновенно. Она набрасывается на меня, как дикий зверь, вцепившись всеми зубами и когтями.

Она умудряется пустить мне кровь, впиваясь ногтями в шею, как дикая кошка, прежде чем я успеваю схватить ее за запястья. Я придавливаю ее своим телом, прекращая борьбу.

Ее глаза широко распахнуты, дыхание настолько учащенное, что я боюсь, как бы она не потеряла сознание, но она не отводит взгляда. Она смотрит мне прямо в лицо. Я не уверен: то ли это любопытство сквозь ужас, то ли ее натура полицейского, желающего запомнить черты лица... но она не моргает.

Флипизм для большинства — это философия обмана. Это не религия или вера. Подбрасывание монеты — верный способ не подвергать сомнению мои решения. Как будто мне бросают вызов прямо сейчас, когда я смотрю в ее немигающий взгляд.

— Это первый раз, когда я не позволяю монете принимать решение, — в моем голосе звучит тихая угроза.

Ее грудь вздымается, дыхание обдувает мое лицо.

— Не заставляй меня пожалеть об этом, — я отпускаю ее руки и делаю шаг назад.

Ее тело дрожит, уровень адреналина зашкаливает. Она падает на пол, натягивая рубашку на колени. Ткань порвалась еще сильнее. По ее щекам текут слезы. Но она не рыдает. И не боится — пока нет. Полное осознание ситуации, в которой она оказалась, достигнет ее позже. Насколько близко она подошла к смерти.

Я отступаю еще дальше. Тошнотворное чувство разрывает мое нутро.

Я должен избавиться от нее вместе с Келлером. Я иду на риск. И ради чего? Ради бывшего копа?

Нет, в ней есть что-то еще. Какая-то ниточка тянет меня к ней, чтобы распутать ее историю. Она как-то в этом замешана.

Я направляюсь к двери и останавливаюсь, прежде чем уйти.

— Я принесу тебе новую рубашку.

Глава 5

Гнусный замысел.

Макенна.

Вокруг меня абсолютная тишина. Постоянный звон, свойственный пустому и глухому замкнутому пространству, наполняет мою голову. Это сводит с ума, и внезапно я начинаю бояться, что потеряла слух.

Отгороженные бетоном звуки окружающего мира — даже самые незначительные, чаще всего легко игнорируемые в обычной жизни шумы — просто напросто отсутствуют здесь. Я скребу пальцами по каменной плите, чтобы прервать тишину и прекратить звон.

Я вся покрыта синяками и продрогла, и, честно говоря, мне страшно... но я нашла его.

Его. Человека с холодными, как камень, голубыми глазами.

Я закрываю веки, позволяя воспоминаниям всплыть на поверхность.

Звук бегущей воды. Запах ручья. Вспышка молнии. Бушующий шторм.

Я попала под ливень. Грязная земля скользит под ботинками. Я теряю равновесие, и меня уносит оползень. Я вытираю лицо и ползу вверх по каменистой насыпи, и в этот момент вижу его. Массивная фигура, возвышающаяся над Хадсоном.

Раздается крик, и я понимаю, что он исходит от меня.

Он поворачивает голову на источник звука. Его глаза находят меня. И когда молния рассекает небо, освещая черную, как смоль, ночь, мерцание озаряет его глаза. Они — единственное, что я могу рассмотреть. Эта небесная голубизна, повторяющая оттенки полосы, раскалывающей небо.

Его суровый взгляд держит меня в заложниках. Я не могу заставить свои легкие работать. Мое тело словно пригвоздили к покатоному обрыву охватившим меня чувством страха и шока. Я боюсь пошевелиться... потому что он держит нож у горла Хадсона.

Я тянусь за пистолетом, вытаскиваю его и прицеливаюсь. Мой палец тянется к спусковому крючку.

Прицел четкий. Я могу просто взять и...

Достаточно одного небольшого промежутка времени. Мгновения сталкиваются и замирают. Небо темнеет, скрывая Хадсона и этого мужчину из моего поля зрения. Я возвращаю свое оружие в кобуру. Взбираясь по насыпи и срываясь на бег, я чувствую, как мои икры горят огнем. Я словно в погоне за штормом, умоляя молнию вспыхнуть. Мне нужно увидеть Хадсона живым. Я не могу успокоить сбившееся дыхание. Моя грудь пылает и отчаянно нуждается в кислороде.

Когда небо снова вспыхивает с очередным раскатом грома, я уже стою на коленях рядом с Хадсоном. Мои руки испачканы в красном. Я прижимаю скользкие пальцы к его шее, но дрожу от осознания того, что его больше нет. Пульса под моей ладонью не прощупывается.

Боль раскалывает мой череп, острая и безжалостная, ведь прежде, чем закончился шторм, Хадсона уже не было в живых. Единственное, что осталось, это темнота, поглощающая меня.

Я блокирую воспоминания, прекращая этот поток. Здесь слишком душно, чтобы думать об этом. Воздух пропитан холодом и разряжен. Я на грани гипервентиляции.

Я царапаю пальцами каменную плиту под собой, песок и грязь застревают под ногтями.

Позже я пойму, что получила удар по голове.

К тому времени, когда я очнулась и оказалась в машине скорой помощи, Хадсон уже исчез. Они обыскали весь овраг и прилегающую территорию. Они два дня бороздили ручей. Его тело так и не нашли.

Позже мне вслед бросали грязные, подозрительные взгляды. Над моим отчетом

посмеялись и завели на меня дело.

В тот вечер мы с Хадсоном не работали. Это место никогда не было частью какого-либо официального расследования. Так чем же мы были заняты той ночью? Правда была слишком непристойной, чтобы быть отраженной в моем рапорте.

Копы работают с фактами. И факт оставался фактом: Хадсон пропал. Экспертиза показала, что его кровь была на месте преступления. Моя одежда была испачкана его кровью. Я была единственным свидетелем случившегося, и эта безумная история содержала в себе информацию о неожиданной засаде и чокнутом мужике с голубыми глазами и ножом в руке.

Слухи звучали более правдоподобно.

Дело о детективе Хадсоне и его напарнике. Дело о неудачной любовной ссоре. Конечно, эта теория тоже не была подкреплена доказательствами. Но от этого было еще хуже. Улики могли бы оправдать меня и доказать мои слова. Спасти мою запятнанную репутацию.

Вместо этого я целый месяц терпела насмешки и оскорбления, даже угрозы. Мои коллеги-офицеры цеплялись ко мне, выпытывая признание, что я сделала с Хадсоном. Стычки вскоре приняли очень враждебный характер. Как-то на моей машине вывели уродливую надпись «Убийца копов». А меня выгнали еще до того, как я успела сдать свой значок.

Я дышу сквозь свои воспоминания обо всем этом. Были времена, когда я спрашивала себя, интересуясь, не сломались ли моя психика. А вдруг все случившееся было плодом моего воображения. Хадсон и я... у нас были проблемы, но нет. Это было невозможно, ведь я не тот человек, который мог бы сделать что-то настолько отвратительное.

В воспоминаниях я всегда возвращалась к этим неземным глазам среди бури. Я видела его. Я знала, что он настоящий. Я должна была поверить в его существование... потому что альтернатива была слишком ужасна, чтобы принять ее.

Люк Истон.

У него есть имя. И у него есть план действий.

И он понятия не имеет, кто я такая.

Это преимущество.

Я прислоняюсь спиной к стене и устремляю взгляд в потолок. Пламя свечи мерцает в темноте. Над головой переkreшиваются большие деревянные балки. Что-то не так с этой конструкцией... балки были срочно укорочены, срезаны в том месте, где они упирались в стену.

Я перевожу взгляд на стену справа от себя. В тусклом свете свечей это трудно заметить, но стена была выстроена в этом подвале не сразу.

Здесь было две комнаты.

Цепь не позволяет мне все рассмотреть. Это первое препятствие. Я провожу пальцами по толстому манжету, который охватывает мою лодыжку. Он из нержавеющей стали, блестящий и новый. Замок соединяет его с цепью, которая тоже, вероятно, еще не использовалась — повреждения и ржавчина отсутствуют.

Мое сердце ускоряет ритм, поскольку возможности для побега становятся все более ограниченными.

— Думай.

Мой голос отскакивает от камня, и я оглядываюсь в темноте, задаваясь вопросом,

установил ли он видео или аудио наблюдение.

Зачем он построил этот подвал?

Что в другой комнате?

Почему он не убил меня?

Дважды он появлялся во время моего расследования. Дважды я была свидетелем того, как он хладнокровно убивает человека.

Что он делает с телами?

Этот вопрос является самым важным.

В ответе кроется ключ ко всему. Свободе. Оправданию. Расплате.

Быть заложницей в подвале убийцы — не идеальная ситуация для проведения расследования, но когда-то я была детективом. Я и раньше работала в экстремальных условиях. Я почти смеюсь над абсурдностью этой мысли. Темнота и абсолютная тишина вызывают момент удушающий паники, и я спрашиваю себя: не сошла ли, наконец, с ума. Неужели я на самом деле сейчас нахожусь в этом месте, попав в такую невообразимую ситуацию? Или в реальности я заперта в комнате с мягкими стенами?

Это не имеет значения. Скоро я получу ответы на свои вопросы.

Я выравниваю дыхание, успокаиваю нервы и прислушиваюсь к звуку шагов, шороху дождя, раскатам грома, пытаюсь определить, как далеко он увез меня из города, и насколько глубоко под землей я нахожусь.

Я точно знаю, когда ударяет молния, потому что чувствую, как вибрирует бетон.

Я закрываю глаза и кладу ладони на прохладную плитку, позволяя вибрации фундамента успокоить меня. Я задерживаю дыхание на мгновение, а затем принимаюсь за дело. Я царапаю ногтями шип, пытаюсь выдернуть его из цемента. Я дергаю, тяну и с силой пинаю ботинком по железному столбу.

Я никогда не сомневалась в том, что видела той ночью. И не собираюсь начинать делать это сейчас. Люк Истон — убийца, и я собираюсь это доказать. Я собираюсь найти останки Хадсона, как доказательство моей невиновности, и того, что на самом деле присутствовал монстр. А потом я пробью этим самым шипом его голову.

Глава 6

Враги.

Люк.

Я мог бы стать полицейским. Если бы хотел. Это было бы нетрудно. Я легко распутываю головоломки. Все, что нужно сделать, это начать с места преступления и вернуться к преступнику.

Именно этим я сейчас и занимаюсь.

Замести следы не заняло много времени, просто чтобы убедиться — всего лишь убедиться, — что на мусорном контейнере нет следов крови. Шторм в Сиэтле бывает часто, стихию нельзя назвать редким явлением. Этот год уже назвали годом штормов. А шторм создает идеальные условия для того, что судмедэкспертиза не работала.

Дождь смыл все следы драки. После того как я переместил серебристый «Скайлайн» внутрь склада, даже если мое лицо оставалось скрытым, я избавился от видео наблюдения. Им останется только гадать, что случилось с Келлером. Но у них все еще есть свой импорт.

Меня так и подмывает забрать «Скайлайн». Он прекрасен и мог бы стать отличным дополнением к моей коллекции, а еще он очень редкий. Легко отследить.

Сейчас мне, как никогда, нужно оставаться незаметным.

Я бы справился гораздо быстрее, если бы мне не пришлось подчищать за копом. Макенна следила за Келлером. Я нашел GPS-трекер — самый дешевый, который используют детективы — под его черным «Ауди». Я снял трекер, забрался в ее машину и поехал к ней домой.

Я чувствую, как вокруг меня накаляется и потрескивает напряжение, пока поднимаюсь на лифте. Воздух наполняется почти радостным привкусом развязки. Вот он — ответ совсем близко, но я научился быть осторожным. Подвергать сомнению все. Кроме того, даже если зацепка не сработает, хочется знать каждую деталь о своем враге. Даже если она заключена в миниатюрном, горячем, сексуальном частном детективе, которая выглядит весьма безобидно. По правде говоря, она — самый опасный враг. Совершенно непритязательная угроза, пока в твою яремную вену не вонзится нож.

Она могла быть одной из них — еще одним наемником, посланным за мной. Мне почти хочется рассмеяться этой идее, ведь она такая маленькая, но в том-то и дело. Я даже не заметил, как она подкралась.

Однажды они уже потерпели неудачу в своей тактике. Келлер промахнулся шесть месяцев назад, и мне пришлось залечь на дно, пока я снова не напал на его след. Я даже не знал, что Майер был главным игроком, пока по нему не нанесли удар

Возможно, это просто совпадение, что женщина работала на жену Майера и стала случайным свидетелем убийства. Ее полицейский инстинкт мог заставить ее последовать за Келлером и попытаться арестовать убийцу самостоятельно....

Но прошлой ночью я не увидел ни одного доказательства этого.

Она уверенно держала пистолет. И дрожала не от холодного проливного дождя, а от выбора, который сделала в тот самый момент. Она намеревалась убить Келлера.

Мне нужно выяснить причину.

Воспользовавшись ее ключами, я открываю дверь и вхожу в ее квартиру. Пространство выглядит пустым и открытым. Цемент и металл. Типичный лофт Сиэтла с редко расставленной мебелью. В одном углу находится кровать, а перед рядом окон — стеклянный письменный стол. С него я и начинаю.

Я роюсь в ящиках, копаюсь в файлах клиентов, пока не нахожу дело Дженнифер Майер. Внутри папки лежит информация по проверке биографии и список автомобилей. На первый взгляд все кажется чистым. Законным. Мне это не нравится. Чего-то не хватает.

Я швыряю папку на стол и начинаю вытаскивать следующую, и мой взгляд падает на фотографию в рамке, спрятанную на дне ящика.

Когда я вытаскиваю ее, горячая волна ярости обжигает мой затылок. Макенна позирует перед полицейским участком с красивой улыбкой на лице, а рядом с ней, обняв ее за худенькие плечи, стоит детектив Ройс Хадсон.

Костяшки пальцев болят, когда я крепче сжимаю рамку. Внизу стоит подпись — "Напарники".

— Сукин сын.

Макенна была детективом, связанным с главным преступником в полиции Сиэтла. Мало того, она была его напарником. Я слышал ее имя раньше, мне попадалось упоминание о детективе Макенне Дэвис в рапортах, составленных ее напарником, и все же я был

слишком ошарашен прошлой ночью, чтобы связать все воедино.

Вот где я видел ее лицо.

В голове всплывает воспоминание, как она стоит над ним на коленях, пытаюсь спасти его жизнь, а ее темные волосы, мокрые от дождя, покрыты грязью. Я посмотрел ей в глаза в тот момент... прошлой ночью в них было именно то, что так привлекло меня.

Я совершил ошибку.

Я оставил ее в тот раз. Живой.

Стеклянная рамка трескается и режет мне руку. Острая боль пронзает мою ладонь. Я кладу рамку на стол и спокойно иду на кухню. Найдя чистящие средства, я быстро убираю любые следы своего пребывания там. А затем хватаю фотографию и прячу ее в карман.

Лишь мысль о Хадсоне разжигает пламя внутри меня.

Жгучая боль, которая приносит такое мучение, намного сильнее, чем может быть вызвана той царапиной на ладони. Это ощущение, которое глубоко засело в моей душе, если это вообще возможно при всех обстоятельствах. Но боль делает происходящее реальным. Без моей агонии я просто чистый лист бумаги, ожидающий, чтобы на нем появился отпечаток.

Боль превратила меня в монстра, свидетелем которого Макенна стала прошлой ночью. Ее слова вновь вспыхивают в моей голове, а отвращение, которым он был пропитан, стало абсолютно очевидным. У меня есть шрамы, которые доказывают, что ее оскорбления верны.

И из-за этого я делаю свой следующий шаг, очень решительно.

Я хватаю мусорный мешок и запикиваю все ее файлы внутрь. Я двигаюсь по чердаку с мелкозубой расческой, собирая каждую частичку расследования Макенны.

Есть причина, по которой я не убил ее в ту ночь, когда выследил Хадсона в овраге.

Я не знаю, почему она вызвала такой отклик у меня в тот раз, или как она сделала это прошлой ночью. Я все еще не хочу слишком углубляться в самоанализ. Это не было сочувствием. Или раскаянием. Эти эмоции давно потеряны для меня.

Но она была полезна.

Темноглазая фея ворвалась в мою жизнь, женщина с бушующей бурей внутри, и я могу попытаться объяснить, почему я оставил ее в живых... словно во мне осталось еще что-то человеческое....

Или я могу использовать ее.

Напарник Хадсона — рычаг давления.

Затянутое тучами небо затемняет пустынный участок шоссе впереди. Дождь бьет по моей «Шевроле Импала» быстрыми и тяжелыми каплями, искажая дорогу, в размытом лобовом стекле от яростного ливня, с которым не справлялись изо всех сил работающие изношенные «дворники».

Я переключаю радио на местную станцию и слушаю классическую мелодию 80-х, ожидая новостного блока. Хотя бы какой-то намек на то, что вся моя подготовка по Келлеру не была полностью провалена.

Мертвец в багажнике должен быть достаточным доказательством того, что все почти закончилось. Если бы он был последним, я бы с легкостью сдался. Поднимите мои руки вверх, и пусть высокопоставленные органы наденут на меня наручники.

Черт возьми, у меня бы не раскалывалась так голова, как у Макенны в моем подвале. Там, в переулке, я бы посмотрел прямо в ее прекрасные глаза и прижался лбом к стволу ее пистолета. Чтобы она спустила гребанный курок.

Резко выкручиваю руль, чтобы не задеть упавшую ветку на дороге, и боль пронзает мои

ребра. Я кашляю и прижимаю ладонь к боку. Черт, ее ботинки со стальными носками погрузили мои ребра в ад. Она была чертовски готова биться до конца.

Это нас объединяет.

— Как твоя шея, Келлер? — кричу я в сторону багажника. — Надеюсь, что твоя башка неимоверно трещит по швам в аду, где ты сейчас.

Эта быстрая и безболезненная смерть была слишком хороша для ублюдка. Но вмешательство Макенны требовало импровизации. Я больше не мог позволить ему уйти. Лучше мертвый киллер, чем информированный киллер. Тот, который видел мое лицо.

Шторм стихает, когда я сворачиваю за поворот, направляясь вглубь леса. Впереди тянутся холмы через весь лесной заповедник, прорезая серо-голубое небо, как темные пики. Я почти на месте.

Мои мысли постоянно возвращаются к женщине в моем подвале. Она лишила меня удовлетворения от убийства, а теперь лишает и этого. Одна ошибка может поставить под угрозу три года планирования. Кропотливые часы исследований и выкапывания самой мерзкой информации, которую содержит ДаркНет.

Оттуда невозможно вернуться прежним.

Может быть, именно поэтому я колебался не один, а целых два раза. Все темные и уродливые вещи, которые я видел, которые сделал... Она была помехой этому потоку. Что-то поразительное и прекрасное, нечто, чему не место в той отвратительной реальности, в которой я существую. Она, вероятно, уверена, что она вся такая жесткая и грубая, но на самом деле эта женщина мягка и нежная, самая чистая из всех тех, кого я видел за многие годы.

И это прекрасно.

Я никогда раньше не убивал женщин. Это идет вразрез со всеми моими клятвами.

Мне нужна практика.

Каждое убийство взимает свою дань. Моральную. Физическую. Шрамы снаружи начинают соответствовать уродствам внутри. К тому времени, когда все это закончится, я перестану быть человеком.

Осознание этого приносит странное утешение. Оно означает утрату чувств. Если то, что я подозреваю, окажется правдой, если это приведет меня к конечному пункту назначения... к последнему игроку... тогда то, что я должен сделать, выпотрошит каждый клочок человечности, который у меня остался. Тогда, могу поклясться, моя душа будет проклята.

Я прогоняю эту смущающую мысль прочь, съезжая с дороги и проезжая через просвет в кустах. Этот небольшой проезд недостаточно велик, чтобы заметить его, если не искать специально. Корни и подлесок царапают дно моей машины, пока я еду все дальше и, наконец, достигаю поляны.

Земля на ней выжжена. От непрекращающегося дождя черное пятно превратилось в вязкую, словно смола, область. Свидетельство о мерзости, принесенной здесь в жертву. На этом самом месте на алтарь Богам мучений и огня были возложены и пожертвованы самые темные души.

Я открываю багажник и вытаскиваю Келлера, бросая его тяжелое тело на землю. Я тащу его к импровизированному укрытию из веток, которое устроил поверх коричневого брезента. Брезент скрывает специально сооруженное мною место.

В некоторых культурах сжигание тела носит символический, даже уважительный характер. Посылать любимых обратно в пепел, откуда они пришли, или еще какое-нибудь

дерьмо вроде этого. Для меня это антисудебно-экспертизная мера.

Нет тела. Нет дела.

И я искусный художник, когда дело доходит до этого метода.

Вы не сможете сжечь только что умершее тело. Ну, вы можете попытаться, но вас ожидает просто тлеющий зловонный хаос из плоти и костей. И чертовски трудно сжечь без следа грудную клетку. Существует целая наука по уничтожению трупов.

Кряхтя, я перекидываю Келлера на край брезента и подтаскиваю его тело к краю вырытой ямы.

— Хотел бы я, чтобы ты это почувствовал, — говорю я и пинаю его в зад. Тело падает головой вперед в бочку, ноги свисают под неудобным углом.

Я спрыгиваю в яму и заталкиваю его конечности в бочку. Треск окоченевших костей эхом отдается от деревьев. Стая птиц взмывает в небо. Я жду, пока звуки леса снова утихнут, прежде чем накрыть бочку крышкой, а затем вернуть брезент на место.

Я поставил часы на таймер. Требуется два дня, чтобы тело высохло в достаточной степени, чтобы полснотью сгореть. Обычно я жду три, просто чтобы облегчить последние шаги, но в моем подвале находится она. Я хочу, закончить все быстро.

В этот момент я обычно напиваюсь до комы, чтобы заглушить боль. Их смерть никогда не принесет мира в мою душу. Да и охочусь я на них не ради этого гребаного мира.

Это чистая месть.

Но сегодня все по-другому. Потому что сегодня она в моем подвале.

Напарник Хадсона.

Глава 7

Зов тьмы.

Макенна.

Мои чувства сводят меня с ума.

Свеча перегорела, как мне кажется, около часа назад, и, лишившись света и звука, мое воображение начинает играть со мной, подкидывая весьма реальные образы.

Все началось с глухого удара. Слабого звука удара о стену. Затем, после того как я убедила себя, что мне померещился этот шум, и мой разум заполнил пустоту ничем, чтобы отогнать безумие, звук раздался снова. Громкий удар, от которого мое сердце вздрогнуло.

Я твержу себе, что это он. Расхаживает над моей головой и творит то, что делают психопаты-убийцы ранним утром. Он пьет кровь своих жертв, смешивая ее с кофе и французскими ванильными сливками.

Я обхватываю затылок руками, впиваясь пальцами в кожу головы. И напрягаюсь изо всех сил, чтобы слышать звуки наверху.

И, наконец, доносится стук о бетон.

Я не чокнутая.

Я не одна.

Слишком много эмоций переполняют меня, и я успокаиваю себя.

— Ладно. Ладно. Думай, — я смотрю на замок на манжете, опоясывающей мою лодыжку, затем снимаю с плеча ремень кобуры. Я хватаюсь за рукав рубашки и тяну его, стаскивая с руки. Затем делаю то же самое с другой стороны, стягивая разорванную рубашку через голову.

Я завожу руку за спину и расстегиваю лифчик. К счастью, я отказалась от комфорта и надела самый неудобный бюстгальтер с твердой чашкой. Я провожу пальцами по косточкам под чашечкой и проталкиваю дугу через маленькое отверстие в материале.

Пластик не самый прочный материал, но и с ним можно попытаться. Это может сработать.

Если бы я только знала, как взламывать замки.

Дерьмо.

На меня обрушиваются воспоминания, и в этой горькой темноте они отчетливы ясно, как наяву. Однажды Хадсон рассказывал мне, как преступники выбирают наручники, он показывал мне, что нужно искать и конфисковывать при аресте.

Затем позже... причина, по которой я не запомнила ничего из его слов... мое внимание так пристально сосредоточилось на его губах, на том, как они выглядели, когда он произносил мое имя, его голос был хриплым и грубым, прямо перед тем как эти губы захватили мои. Стоп.

Я загоняю воспоминание обратно в бездну. Ему не место в этом аду.

Оставшись абсолютно обнаженной от пояса и выше, я начинаю работать над замком. Я засовываю конец пластиковой косточки в отверстие и проворачиваю его, пытаюсь нащупать задвижку. Но с такими оковами было сложнее, чем с наручниками.

Я чертыхаюсь, когда кончик ломается внутри замка.

Справа от меня раздается тяжелый звук, и на этот раз его ни с чем не спутаешь. Я пытаюсь спрятать косточки обратно в лифчик. Дверь в подвал открывается как раз в тот момент, когда я заталкиваю одежду за спину.

Свет разливается по полу. От контраста в освещении у меня болят глаза. На мгновение ослепленная светом фонарика я прикрываю лицо, забывая о своей наготе.

— Если это попытка соблазнить меня... — Истон замолкает, его голос звучит грубо, как гравий. Он ставит фонарик лампой вверх, чтобы луч света попадал в потолок. В его руках белая ткань.

Не стыдясь, я упираюсь рукой в стену и заставляю себя встать, расправляя плечи.

— Ты порвал мою рубашку, — произношу я, стараясь говорить ровно и безразлично.

В белом свете я могу разглядеть изгиб его бровей под капюшоном. Впервые я получаю возможность внимательнее изучить его. Ростом более шести футов, хорошо сложен, под кожаной курткой и серой толстовкой заметен рельеф крепких мышц. Его темные джинсы покрыты свежей грязью, а правое бедро обмотано ремешком, на котором крепятся ножны. Его темно-каштановые волосы, длинные, но неровные, падают на глаза.

Он — дьявол из моих ночных кошмаров.

Он — то, что я вижу в грозу.

Монстры не должны быть красивыми, но этот именно такой. Прекрасный демон среди своего темного подвального ада.

— Лифчик тоже порван? — он комкает ткань и швыряет в мою сторону.

Я ловлю и прижимаю ее к груди. Это рубашка. Я стараюсь не сводить с него глаз, когда опускаю ее от груди, вызывая поднимая подбородок.

— Отдай мне свою одежду, — говорит он, и в его темном голосе ясно слышится приказ.

Я наступаю на лифчик каблуком ботинка. Затем пинаю разорванную рубашку и оружейный ремень через всю комнату прямо к нему.

На него этот порыв не произвел никакого впечатления, он просто стоял, не двигаясь,

как вкопанный.

— Лифчик, Макенна.

Он впервые произнес мое полное имя. То, как он произносит каждый слог — с такой фамильярностью, вызывает дрожь ужаса на моей голой коже. Несмотря на боль в мышцах, я опускаюсь вниз, не отрывая взгляда от того, что вижу на его лице, и хватаю одежду.

— Что это у тебя на шее?

Его вопрос застаёт меня врасплох, и я сжимаю серебряный амулет в виде сердца. Его дыхание учащается, грудь вздымается, когда его гнев проходит короткое расстояние между нами, чтобы физически заклеить меня.

Затем он приходит в движение.

Я заправляю лифчик в брюки и готовлюсь к удару. Обхватываю рукой цепь, удерживая себя на месте и не двигаясь. Я не могу вступить с ним в схватку. Я же не дура. Он в два раза крупнее меня и настоящий зверь в человеческом обличье. Но я отказываюсь сдаваться так легко.

Его большая рука обхватывает мое запястье, в то время как другая перехватывает цепь. Страх перехватывает мне горло, и я не могу дышать. Моя рука вырывается, когда он дергает цепь. Раздается громкий хлопок, и железный штырь, к которому я прикована, выбивается из бетона.

На мое лицо осыпаются ошметки цемента. Я втягиваю воздух сквозь сжатые легкие.

— Ты можешь дышать?

Я потрясенно качаю головой, отказываясь принимать искренность в его словах. Наконец, воздух проникает в мои легкие, освобождая мои связи.

— Д-да.

— Очень плохо, — он хватается меня за плечи и поднимает вверх. Цепь гремит по полу, когда мои ноги отрываются от него. Его рука сжимает мое горло, прежде чем я могу понять, что происходит.

Защищаясь, я пытаюсь надавить на его глаза большими пальцами, но предплечьем он отбивает мою атаку и прижимает мои руки над головой. Его пальцы снова находят мою шею, на этот раз крепче сдавливая горло.

— Откуда у тебя это ожерелье?

Я борюсь с его хваткой, каждая мышца в моем теле горит от напряжения. Меня охватывает паника, и рациональное восприятие мира уходит куда-то на задний план. Моргая, я заставляю себя открыть глаза от ужаса.

Я в отчаянии глотаю воздух, втягивая его единственным доступным мне способом. Я не могу закрыть глаза, не могу отвести взгляд. Шок оказался гораздо сильнее, чем страх за свою жизнь, буквально проскальзывающую сквозь его пальцы. Ужасные белые шрамы покрывают одну сторону его лица. Глубокие рваные раны разного размера, будто лезвие несколько раз полоснуло по его левой щеке. От лба до челюсти.

— Узнаешь дело своих рук? — спрашивает он.

В глазах темнеет. Мои легкие горят огнем. Прежде чем я теряю сознание, его хватка ослабевает. Воздух взрывает мои легкие, и я глотаю каждую его молекулу, желая большего. Болезненный кашель пронзает мою грудную клетку, ноги свободно болтаются в воздухе.

— Ожерелье? — он повторяет вопрос, пронзая мои уши злобным криком.

Собрав остатки сил, я смотрю в его горящие безумием глаза.

— Мой напарник.

Истон моргает, реагируя на мои слова. Затем мои руки освобождаются, но он продолжает сжимать мое горло в тисках. Мои руки падают бесполезно по бокам, но я использую то, что у меня осталось, чтобы вцепиться в его предплечье, пытаюсь вырваться.

Он придвигается ближе, его лицо так близко от моего, что я не могу не видеть сквозь шрамы. Под демоном скрывается человек с голубыми глазами, и он обманчиво прекрасен. Это пугает меня не меньше, чем его сила, не меньше, чем его удушающая хватка на моей шее. Я хочу, чтобы он был обезображенным зверем.

Его тяжелое дыхание опаляет мои губы. Его взгляд блуждает от моего лица к груди, задерживаясь на ней, пока мое дыхание учащается. Ужас простреливает мой позвоночник. Я пытаюсь вырваться, но его рука, сделанная словно из стали, надежно удерживает меня на месте. Он тянется ко мне... и крик застывает в моем горле, окаменев, как и каждый мускул в моем теле, когда я чувствую, как его грубые пальцы касаются моей груди. Он хватается серебряную подвеску и срывает ее с моей шеи, оставляя после себя горящий след от цепочки.

— Это тебе не принадлежит, — его голос грохочет у моего уха, когда он прячет мою подвеску в карман.

Я едва успеваю сделать глубокий вдох, прежде чем его рука сдвигается — теперь еще более неистово — к застёжке моих джинсов. Он рывком расстегивает молнию и проталкивает свою ладонь под ткань брюк.

Мою грудь пронзает паника. Слезы наполняют мои глаза, в то время как гнев жалит нервы.

Он убирает руку, вцепившись в мой лифчик.

— Это я тоже заберу.

Внезапно он освобождает меня, и мои ноги, не выдерживая веса, подкашиваются, а все тело содрогается от всплеска адреналина. Я опускаюсь на пол, не ощущая рук, не в силах защитить себя. Мое горло слишком сильно горит. Реакция тела на борьбу и попытку сбежать ослабевает, позволяя в полной мере охватить паникой каждую частичку меня.

Сердце стучит в ушах, свист неровного дыхания так громок, что я не слышу, как он уходит. Но когда я поднимаю глаза, в подвале уже не ощущается его подавляющего присутствия. Он забрал с собой ключ к моему побегу и единственное, что у меня осталось на память о Хадсоне.

Он сумасшедший. Это единственное, что я могу понять из его реакции на мое ожерелье. Он не просто неадекватен — он совершенно не в себе.

Почти успокоившись, я направляюсь к фонарику, который он оставил здесь. Манжета все еще стягивает мою лодыжку, но я могу свободно двигаться. Потому что он потерял над собой контроль.

Это все меняет. Он здесь не главный. Им управляет ярость.

А когда человек управляем, это только вопрос нахождения кнопок, чтобы правильно надавить и забрать контроль себе.

Он вырвал проклятый шип из плиты. Это значит, что если я буду давить на него слишком сильно, слишком глубоко...

Он может сломать меня так же легко, как тонкую сухую ветку.

С помощью фонарика я осматриваю дверь. С этой стороны нет ни защелки, ни ручки. Там даже нет петель. Кажется, будто ее приварили, выглядит, как один сплошной бетонный блок... но это невозможно. Я видела, как он ее открывает. Я знаю, что это какая-то хитрость.

...

Я обшариваю стены в поисках потайного окошка. Или еще одной двери. Я была в отключке недолго. Недостаточно долго, чтобы он успел покинуть район Сиэтла. Это означает, что этот подвал может быть не под землей. Здесь не было подвалов, по крайней мере, ни в одном доме, который я когда-либо видела.

Я прислушиваюсь, не раздастся ли стук с другой стороны стены. Надеюсь и молясь, что я не одна. Это довольно нездоровое желание, я знаю. Знать, что еще один человек так же, как и я, пойман в ловушку, заперт и подвергается пыткам. Но это кажется нереальным. Сейчас подвал кажется абсолютно тихим и пустым.

Я одна

Только когда засыпаю, мое тело расслабляется и погружается в пучину беспокойного сна, и я вспоминаю, что он сказал. Я слышу его голос, который проникает сквозь мой сон.

«Узнаешь дело своих рук?»

Его лицо... эти шрамы. Боль, которую я видела на лице человека, погребенного под чудовищем. Может, он и страдал, но он не украдет у меня ни капли сочувствия. Я видела эту резню. Я почувствовала в нем подлость, когда он сдержался, чтобы не задушить меня. Он — убийца.

Я выключаю свет, чтобы сэкономить заряд батареи.

Надеваю рубашку, которую он мне дал. Думаю о шипе, который он вырвал из каменного пола.

И жду.

Глава 8

Катакомбы.

Люк.

Жюль была прекрасна. Молодая, энергичная и красивая. Не только снаружи: она обладала внутренней чистотой, которую буквально излучала. И невинностью, наполняющей твою душу верой в ангелов.

Вот что привлекло их к ней.

Зло, как едкая смола. Вязкая жидкость липнет к своей жертве, темнея и затвердевая. Она стекает по костям, пропитывая поры. Подобно разрушительному процессу дистилляции, выделяющему чистый материал, очищенный от примесей, зло — это чистая форма его самого — поглощающая, пожирающая. И разрушающая.

Прижавшись спиной к бетонной стене, я позволил твердой прохладе умерить мой гнев. В моей ладони буквально тонет этот крошечный амулет-сердечко. И меня охватывает утешение. словно я заполучил частичку нее... даже если она ничтожна мала.

Я видел полное уничтожение прекрасного собственными глазами. Ее красивое лицо было покрыто синяками, на коже запеклась кровь. Ее тело распухло настолько, что я не мог ее опознать. Она была осквернена и изуродована до такой степени, что судмедэксперт отвел глаза — зрелище было слишком ужасным даже для привычного к виду насилия медика.

Я знаю, на что способно зло. Та смоляная порочность, которая пронизывает самые чистые души, лишая их самого прекрасного в этом мире и оставляя после себя поруганную смертельную пустошь и кровавое месиво.

Некоторые люди познают теневую сторону бытия, и их жизнь разрывается на части сокрушительной реальностью того, на что этот мир действительно способен, и они

погружаются в бесконечную скорбь. Они становятся озлобленными и язвительными. Посещают сеансы психолога. Становятся свидетелями человеческой казни. А затем двигаются дальше.

В то время как других, таких как я, ждет самоуничтожение под невыносимой тяжестью той же разрушительной силы.

Они никогда не возвращаются к нормальной жизни.

Мы превращаемся в руины. То же тело, тот же храм, но внутри он давно мертв и опустошен.

Это зло меняет тебя. Как только ты помотришь в его глаза и слегка прикоснешься к этой заразной хвори, твою душу начинает выкручивать, полностью уничтожая тебя. В жилах стынет кровь.

Мои крики и пламенные мольбы о справедливости и правосудии, обращенные к небесам, стали бессмысленными в тот самый день, когда я увидел, как мою маленькую сестру опускают в землю.

В тот день я рухнул на колени и поклялся отомстить.

Ты можешь справиться с горем, ты можешь попытаться двигаться вперед... но если в тебе ничего не осталось живого, то вместо этого ты строишь надежный подвал для своих демонов.

Я вешаю подвеску на гвоздь и провожу большим пальцем по серебряному сердцу, прежде чем схватить кувалду. Тяжело дыша, я замахиваюсь и со всей силы бью, выплескивая всю клокочущую во мне агрессию. И выбрасываю из головы образ полуобнаженной Макенны.

Когда, обессилив, я превращаюсь просто в кучу потрепанных конечностей, рухнув на холодный пол и бросив тяжелый инструмент в ноги, я втягиваю холодный воздух, чтобы наполнить пылающие легкие, и вытираю пот с лица.

Она у меня в долгу.

Эта мысль всплывает на поверхность моего опустошенного сознания. Ясный проблеск, вспыхивающий во тьме этой долбаной ситуации.

Макенна Дэвис — наживка на крючке.

Я открываю дверь в подвал, и пронзительная боль, раздирающая плоть, простреливает мою ногу.

Мое колено подгибается, из горла вырывается дикий рев, когда она снова нападает. Я пригибаюсь ниже к полу, и моя голова — легкая мишень даже для такой миниатюрной девушки. Мельком я успеваю увидеть ее дикие и безумные глаза, прежде чем она наносит удар по моей голове.

Перед глазами темнеет.

— Я убью тебя, — ее угрожающий пронзительный вскрик вызывает даже большее раздражение, чем физическая боль.

Высоко подняв над головой, она сжимает в руках вырванный железнодорожный шип, ее грудь вздымается, когда она решается на отчаянный бросок. Упираясь ладонью в пол, другой рукой я перехватываю шип. Наши глаза встречаются.

— Отпусти, — в моем голосе тихое предупреждение

Она крепче сжимает оружие побелевшими пальцами, ярко выделяющимися на фоне ржавого железа. Ботинком опираясь о мое бедро, она отталкивается, пытаюсь вырвать оружие.

Вот и все. Я встаю и резко дергаю шип на себя. Ее крошечное тело врезается в мой бок, словно в кирпичную стену. Она отскакивает и приземляется задницей на пол прямо передо мной.

Я двигаюсь в ее сторону, и она дергается, отползая назад.

Проклятье. Я прижимаю ладонь к голове, зажмурив глаза от пульсирующей боли, отбрасываю шип в сторону. Он с громким звоном ударяется о бетон. Прежде чем пылающий во мне гнев успокаивается, я делаю несколько шагов, чтобы справиться с пламенем, обжигающим болью мой череп.

— Именно о такой глупости я тебя предупреждал, — чувствуя себя немного спокойнее, я поворачиваюсь и смотрю на нее. Прикрыв лицо ладонями, она сидит, привалившись спиной к стене. — О, прекрати это. Ты же не какая-нибудь испуганная девица. Вставай, мать твою.

Она медленно опускает руки. Затем, вызываясь вздернув подбородок, встает на ноги.

— Я все еще служу в полиции. Они — моя семья. У меня есть доверенные люди и друзья, которые ищут меня. Они поймут, что я пропала, и когда не получают от меня никаких вестей...

— То что? — рывкаю я, шагая к ней. — Как насчет твоей машины? Или телефона? Никто не хватится тебя, Мак.

Она моргает.

— О чем ты?

Я отрываю ладонь от головы, рассматривая разводы крови на пальцах.

— Твоя машина припаркована у твоего дома. Вытерта дочиста. Твой телефон, который ты использовала, чтобы набрать «9-1-1», согласно журналу вызовов, выключен. Сим-карта уничтожена. Даже если полиция отследит звонок и поймет, что ты присутствовала на месте убийства Майера, даже если они достаточно подозрительны, чтобы получить ордер на осмотр твоего лофта, все, что они найдут, это календарь с четко обозначенными днями твоего отпуска.

— Ты болен на всю голову, — тихо произносит она.

На моих губах медленно расплывается улыбка. Такое глупое оскорбление.

— Больные люди не склонны к рационализму, Мак. Твое обучение явно не было посвящено последовательной психологии. — Я оставляю ее на минуту, пока собираю сумки прямо за дверью. А затем я бросаю их в центр подвала.

Макенна стоит неподвижно, ее волосы в диком беспорядке. Рубашка, которую я ей дал — моя рубашка, — свисает с одного плеча. Цепочка все еще соединяется с манжетой, обмотавшей ее лодыжку. Взлетевшие брови вверх, выдающие ее растерянность, были единственным проявлением эмоций, когда она поднялась к сумкам.

— Что это такое? — спрашивает она настолько робким голосом, что я едва слышу.

Я снимаю свою кожаную куртку и бросаю ее в противоположную сторону от принесенных мною вещей. В холщовую сумку я забросил ее одежду, зубную щетку и прочее дерьмо, а в пакете для мусора лежали папки с документами.

— Ты останешься здесь на некоторое время, — я подталкиваю барахло ботинком в ее сторону. — Тебе нужно принять душ, чтобы не вонять в моем доме. А это, — я указываю на мусорный мешок, — твои файлы. Ты же следователь. И детектив.

— Была, — перебивает она.

Я издаю насмешливый вздох.

— Ради твоего же блага, лучше бы тебе оказаться чертовски умелой в этом деле.

Она потирает руки. То ли от холодного воздуха, то ли от осознания, что я проник в ее квартиру и рылся в ее вещах. Может, и то, и другое.

— Чего ты хочешь от меня, Истон?

Она впервые произносит мое имя. Называет меня не чудовищем, а кем-то другим.

Я достаю из кармана подвеску с сердечком и поднимаю ее перед собой.

— Я пытаюсь убедить себя, что ты не при чем. Иначе, могу поклясться, ты была бы уже мертва.

Я опускаюсь на колени и роюсь в мусорном мешке, отыскивая досье на Дженнифер Майер. Я грубо и резко швыряю папку через весь зал. — Ты уже вышла на след. Продолжай.

Она не прикасается к папке. Просто смотрит на нее, будто та принадлежит кому-то другому или другой жизни.

— Я ничего не буду делать, пока ты не дашь мне ответы.

Я не уверен, что она сможет переварить ту правду, которая у меня есть для нее. Я смотрю на подвеску, в груди угрожающе пусто.

— Это тебе дал Ройс Хадсон, — обвиняюще говорю я. — Ты работала в отделе особо тяжких преступлений. Поэтому знаешь, что такое трофей.

Когда я бросаю на нее взгляд, бледность и ужас на ее лице заставляют меня задержать дыхание. Она отрицательно качает головой.

— Значит, ты знаешь, кто я.

— Я точно знаю, кто ты.

— Ты сошел с ума. Ты... извращенный кусок дерьма. Я видела, как ты убил моего напарника, а теперь... Что? Ты говоришь ужасные вещи, чтобы опозорить его память? Что ты с ним сделал? Где его тело?

Ее темные глаза — тлеющие угли — прожигают меня насквозь. Она помнит ту ночь. Она помнит меня. Вот почему она держала Келлера под прицелом и хотела моей смерти.

Она охотилась за мной.

Когда я продолжаю молчать, она хватается за голову, растопырив пальцы в своих спутанных волосах.

— Ты убил его. Ты украл его у меня. Ни за что! — она вскрикивает и бросается в мою сторону. — Расскажи мне, что ты с ним сделал.

Она, словно дикий зверь, карабкается по моей спине, царапая ногтями лицо и шею. Ее рука тянется к ножу, привязанному к моей ноге, и я встаю, поднимая ее легкое тело вместе с собой. Затем завожу руку за спину, чтобы подхватить болтающуюся цепь. Я дергаю за цепь, подтягивая ее тело ближе к себе, чтобы дотянуться до ее руки. Я стараюсь не сломать ее, когда стаскиваю со спины и ставлю перед собой.

Она и так сломлена.

— Успокойся, — я держу ее руки по бокам, пока она пытается вырваться. Но вскоре усталость берет свое, и она сдается, тело обмякает. — Дыши.

Она на грани гипервентиляции. Все ее тело содрогается в болезненных спазмах.

— Меня сейчас стошнит, — предупреждает она.

Я отпускаю ее, и она сгибается пополам. Сухие всхлипы скручивают ее тело, заставляя ее давиться воздухом. Только ничего не получается. Она обезвожена и слаба. Остатки сил, которые у нее были, она использовала для борьбы.

— Я принесу тебе... что-нибудь, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Скажи, что ты просто сумасшедший, — все еще сгорбившись, она держится за живот, ее слова пропитаны ядом. — Скажи это сейчас.

— Эти слова никогда не слетят с моих губ.

Она смотрит прямо на меня. Эти темные озера мерцают от злобы.

Я стою у двери, выдерживая ее взгляд, и говорю ей единственную правду, которой она может доверять в своем состоянии.

— Мы оба хотим отомстить. Помоги мне найти мою цель, и я дам тебе твою.

Когда все закончится, я позволю ей всадить чертову пулю мне в лоб.

Тяжелая дверь захлопывается. Эхо отдается в темном коридоре, преследуя меня, когда я поднимаюсь по лестнице, как эхо голосов, никогда не покидающих мою голову. Чертова пуля в голову могла бы стать отличным выходом.

Глава 9

Внизу.

Макенна.

Область, чуть ниже моей шеи, жжет, там, откуда Истон сорвал мой кулон. Я тру раздраженную кожу, ощущение боли все еще не отпускает, как и отсутствие прохладного серебра, которое стало привычным за прошлый год.

Хадсон подарил мне его, когда я стала детективом.

Он сделал мне подарок в тот день... а потом ночью мы занимались любовью.

Мы знали правила. О смешивании личных отношений с рабочими. Переспать со своим напарником было не просто неприлично — это был позорно. Но в самую первую неделю нашего знакомства мы поняли, что невозможно отрицать взаимное влечение.

Ты не можешь помочь тому, в кого влюблен.

Хадсон сказал мне это в первый раз, когда мы поцеловались. Мы неловко столкнулись громоздкой формой, гремя шкафчиками за спиной, когда наши губы встретились. Во время поцелуя мы смеялись, и от смеси желания и восторга у меня кружилась голова.

Он тренировал меня. Был на десять лет старше, и я боялась, что относилась к той категории женщин, которых влечет к своему боссу и притягивает силой и уверенностью. Но все было не так. Он был нежен, когда я нуждалась в нем, и жесток, когда работа требовала большего.

Мы поддерживали баланс между нашими отношениями и работой. Работа стояла на первом месте. Мы оба это понимали. И поэтому мы продолжали усердно трудиться, пока наши романтические устремления отходили на второй план, не имея каких-либо перспектив.

Он был моей первой любовью. Он был моим первым всем.

А потом его не стало.

Я бросаю рассеянный взгляд на груды папок в центре подвала.

Я не хочу к ним прикасаться.

Мои навязчивые поиски привели меня сюда. Это единственный ответ, который мне нужен. Монстр реален, и я нашла его.

Я ложусь на пол, прижавшись лицом к холодной плите. Я потерпела неудачу. Эти файлы мне не помогут. Даже если бы я направила пистолет на нужного человека... если бы я нажала на курок... ничто из этого не вернет Хадсона.

Это пустое осознание облегчает принятие моей судьбы.

Реальность мрачна. Меня убьет тот же зверь, что забрал жизнь Хадсона.

Почему?

Любопытный голос внутри меня задается вопросами, сомневаясь в мотивах убийцы. Я пытаюсь заглушить его, но эта мысль заразительна. Вирус, захватывающий мое сознание. Как и все дела, над которыми я когда-либо работала.

Из-за этого Хадсона и убили.

Его убили из-за меня.

Я крепко зажмуриваюсь от мучительной мысли. Но доказательства на лицо.

В своем невротическом стремлении найти убийцу Хадсона, я разработала параллельную теорию причин его убийства. И я упрямо держалась за нее. Я жевала эту тонкую ниточку, пока окончательно не лишилась вкуса. Малейшая, тончайшая зацепка стала центром моего разрушенного мира. Но я все равно держалась

«Майер Кейстоун Энтерпрайз».

Дело о пропавшей девочке — дело, из-за которого у меня развилась идея-фикс, а затем погиб мой напарник.

Я прерывисто выдыхаю и смотрю на стропила. Я провожу взглядом по балкам до того места, где стена смыкается с серым потолком. Я слышу глухой удар. Приглушенный звук отражается от стен.

Я так устала, что хочу сдаться, но я не могу снова подвести его. Я заставляю свое тело двигаться. Борясь с ноющей слабостью, я волочу ноги, цепь неприятным царапающим звоном бьется об пол. Я хватаюсь за шип и дышу, прижимая холодный металл к груди, прежде чем перекатиться к двери подвала.

Устав, я сначала провожу пальцами по тяжелой двери, благоговейно ощупывая грубую текстуру. И пытаюсь найти трещину. Любое отверстие, куда я смогу просунуть чертов кончик шипа.

Эта дверь — мой маяк в темноте. Она — все, что у меня осталось на пути надежды.

И все же швы настолько совершенно подогнаны, что образуют одну сплошную стену. Я сдерживаю раздражение и пытаюсь просунуть металлический конец под дверь. Я давлю на шип, пока моя ладонь не начинает гореть.

Со слезами на глазах я пытаюсь побороть горькое чувство поражения. Здесь что-то есть. Я чувствую это по другую сторону. Я снова пытаюсь просунуть шип под дверь, но она герметично закрыта. Я ругаюсь и бью острием по двери, громкий звон разрывает мою ноющую голову.

В порыве гнева я продолжаю бить по двери. И не останавливаюсь до тех пор, пока жгучая боль в руках не заставляет меня выронить шип.

Он отскакивает от бетонного пола.

Я сползаю вдоль двери, грудную клетку обжигает неровное дыхание, руки сжимаются в кулаки, и в них отдается пульсация каждого бешеного удара сердца. Я позволяю себе последний акт неповиновения и со злостью пинаю этот раздражающий железнодорожный шип. И, вообще, кто, черт возьми, имеет привычку держать в доме такие штуки?

Психопаты, которые убивают невинных людей в овраге и запирают женщин в своих тщательно подготовленных подвалах, — вот кто.

Я смотрю на шип, валяющийся на бетонной плите.

Шип оставил лишь едва заметные царапины там, где приземлился. Истон построил этот

подземный ад не просто так.

Мое сердце бешено бьется в груди, заставляя меня двигаться.

Я не настолько физически сильна, чтобы вонзить шип в литой бетон... но я могу попробовать соскрести слой залитой поверхности пола. Я могу копать. Я могу узнать, что он спрятал под этим адом.

Когда я пытаюсь ухватиться за шип, мою ладонь обжигает резкой болью. Я карабкаюсь к своей брошенной сумке и вытряхиваю свою одежду. Выбираю короткую футболку и оборачиваю вокруг руки.

В голове мелькает воспоминание, от которого по коже пробегает липкий холодок. Стоя на коленях над Хадсоном, Истон прижимал к его горлу нож.

Охотничий нож, который Истон носит с собой. Тот, что он приносит в этот подвал каждый раз.

Я начинаю скрести пол.

Я застряла на стадии между сном и бодрствованием. Состояние сонного паралича. Я осознаю, что если просто открою глаза, то полностью проснусь. Кажется, мое тело смещается, или меня кто-то двигает. Я паникую и пытаюсь стряхнуть с себя сон, но усталость и изнеможение не позволяют мне.

Стреляющая боль в голове полностью пробуждает меня, и когда сажусь, задыхаясь, я вижу, как открывается дверь. Моя нога лежит прямо перед порогом, и я отползаю назад, когда она распахивается шире, и входит Истон.

Мое тело все еще пропитано тяжестью сна, осознание захлестывает меня, когда я, наконец, окончательно просыпаюсь и понимаю, где нахожусь. Я моргаю, глядя на Истона. Он же пристально смотрит на меня.

Он толкает своей огромной ладонью дверь и захлопывает ее.

Удерживая в одной руке тарелку, Истон прислоняет пробковую доску к стене. Мой взгляд скользит по ней, пытаюсь разглядеть листы, прикрепленные спереди.

Он подносит тарелку ко мне и ставит бутылку с водой у моих ног.

— Возьми.

Своенравная и обиженная женщина внутри меня хочет пнуть бутылку. И наблюдать за тем, как вода расплескается прямо у его ног. Но я быстро прихожу в себя. Чтобы выжить — если я хочу выжить, — мне нужна пища.

Я тянусь к воде, мои руки дрожат, а предплечья пылают. Поморщившись, откручиваю крышечку и подношу воду ко рту, злобно и жадно глотая.

— Медленнее, — предупреждает он. — Ты снова сделаешь себе больно.

Я жадно глотаю воду, не сводя глаз с его наглого лица. Белые шрамы более заметны в тусклом свете. Он их больше не прячет. Когда мой желудок начинает гудеть от наполненности, я закашливаюсь и отрываюсь от бутылки.

— Поешь чего-нибудь, — говорит он. Это приказ.

Я закрываю воду и отставляю ее в сторону.

— Я не голодна.

Мгновение он изучает меня, и затем его взгляд перемещается на то место, где я оставила шип. Он обернут моей окровавленной рубашкой. Мне удалось выцарапать в его бетонной плите углубление приличных размеров.

Его черты лица дьявольской красоты искажаются гневом, когда он переводит взгляд с моей усердной работы на израненные руки. Они покрыты волдырями. И чертовски болят.

Он делает шаг в мою сторону, и я вздрагиваю.

Короткая пауза, и вместо этого он тянется к шипу. Он хватается за него и разворачивается к двери. Я вскакиваю на ноги как раз в тот момент, когда он запускает руку в карман куртки. Успеваю рассмотреть, как он достает связку ключей, но ничего не вижу из-за его массивной спины, закрывающей мне обзор. Я мысленно ругаюсь.

Дверь с грохотом встает на место, стук отдается пустым эхом в моих ушах.

Я проглатываю свой раздраженный крик и бросаюсь к двери. Обыскиваю переднюю часть, мои окровавленные и ноющие ладони ощупывают поверхность в поисках замочной скважины. Где же она? Давай же. Я обшариваю каждый дюйм, до которого могу дотянуться, и, прежде чем успеваю скользнуть выше, я слышу его шаги, сигнализирующие о его возвращении назад.

Дверь открывается, и на этот раз я стою на своем. И не отступаю.

— Тебе так нравится эта дверь?

Его вопрос выводит меня из равновесия, и вдруг я понимаю, что уже несколько часов была слишком занята своими переживаниями и этой дверью. Внезапно мой мочевой пузырь наливается тяжестью, и я знаю, что, если он упадет на меня, я обмочусь.

Из всего, что случилось, из всего, что он сделал со мной... самое унижающее, если он заставит меня справлять нужду в углу этого самого подвала, как животное.

Он шагает в мою сторону, ярость буквально хлещет изнутри. Я толкаю его ладонями в грудь, испытывая острую боль. Но продолжаю бить его, оставляя кровавые следы на его рубашке.

— Я не гребаное животное, — киплю я. — Мне нужно в чертову уборную!

Его руки ловко перехватывают мои ладони, и во мне не остается сил для борьбы. Он смотрит на меня сверху вниз, его свирепые голубые глаза — самое холодное, что есть в этом подвале.

— Конечно, нет, — говорит он, а затем быстро перекидывает меня через плечо. — Животные не калечат себя. Ты — гораздо хуже.

Я не сопротивляюсь ему. Я позволила чудовищу протащить меня через подвальную дверь. Он может привести меня прямо к смерти. Но даже если он поступит именно так, возможно, это единственный способ, наконец, найти Хадсона.

Глава 10

Холодный камень/Каменный холод.

Люк.

Я веду Макенну мимо лабиринта из недостроенных стен и балок. Ее хрупкое тело кажется еще более невесомым, когда она не борется со мной. Она здесь всего два дня, но уже сходит с ума. Что заставляет меня задуматься, не потеряла ли она его задолго до своего заключения.

Я усмехаюсь, и глубокий звук разносится по рядам бетономешалок и встроенных полок.

— Что здесь смешного? — ее тихий голос едва достигает моих ушей. — Убийство невинной женщины в твоём... — она замолкает. — Что это за место?

— Оно все еще в работе, — вот и все, что я отвечаю.

Уже много лет я достраиваю этот подвал. Я продолжаю продвигаться в своих планах.

Столько, столько это потребуется. Новая стена. Новый пол. Новые стропила. Выстроенное помещение тянется вдоль склона, и оно вдвое длиннее, чем дом над землей.

Возможно, я являюсь причиной ее поврежденного разума. Ведь именно я прикончил ее напарника, ее любовника. Уверен, что именно поэтому она больше не занимает должность детектива. По этой причине она искала меня. Чтобы заставить меня заплатить за мой грех.

Я поднимаюсь по винтовой лестнице и, открыв люк, заношу Макенну в дом.

Возможно, я совершаю непоправимую ошибку. Надо было просто поставить в углу комнаты ведро для ее нужд. Таков был первоначальный план, не так ли? Чтобы лишить себя сочувствия и посмотреть, сколько времени она будет терзаться. Я достаточно жесток, чтобы запереть женщину в этом подвале навсегда.

План не должен быть таким сложным. Макенна — идеальный подопытный для этого эксперимента.

Она прикасалась к этому куску дерьма. Она работала с ним. Трахалась. Ее кожа испачкана его гнилой плотью. Я держу эту мысль в голове, пока веду ее в ванную.

Я почувствовал себя практически виноватым за то, что сломал ее. Я знаю, каково это. Я испытывал такие же мучения, и если бы я смотрел на нее только под этим углом, то видел бы в ней жертву. И, кажется, будто мы похожи. Как близкие люди.

Но это не так.

Она носила на своей шее медальон моей покойной сестры, все улики были прямо перед ней... и она отказывалась видеть правду. Это ее выбор.

Я отодвигаю занавеску в душе и поворачиваю рычаг. Начинает литься вода, разбрызгивая капли во все стороны под напором. Я стаскиваю ее с плеча, удерживая в объятьях, пока вода не заполняет ванну, и затем сбрасываю ее туда.

Она отплевывается, когда вода заливает лицо. Ее глаза резко открываются, и она начинает растирать лицо, пытаясь очистить глаза от воды.

— Что...

— От тебя воняет, — я опускаюсь ниже, придвигаясь к ней. — Как от животного.

Она поднимает руку, чтобы дать мне пощечину, но, когда ее глаза наталкиваются на поврежденные руки, она останавливается на полпути. Ее взгляд останавливается на пятнах крови, которую она оставила на моей рубашке. Дело в том, что на самом она не воняет. Но если я оставлю ее с руками, покрытыми волдырями, она подхватит инфекцию. Ее будет лихорадить, и она заболеет.

Мне не нужна эта головная боль.

Я хватаю кусок мыла с углового выступа и бросаю ей.

— Помой руки.

Она все еще лежит в ванне, и вода каскадом стекает по ее телу. Моя белая футболка промокла насквозь, и сквозь тонкую ткань отчетливо просматривается ее грудь. Мыло бесполезно лежит у нее на животе. В этот момент ее глаза вспыхивают, и неотрывный взгляд впивается в мое лицо.

В ее глазах лишь частично мелькает отвращение, по большей части они полны отчаянным расчетом. Ее голова заполнена мыслями в поисках того, что она может использовать против меня. Мне следовало отвернуться, но мой взгляд притягивает очертание ее груди.

Я тоже животное.

Вкладывая все свои силы, она отталкивается и поднимается на ноги, и теперь ее лицо

оказывается на одном уровне с моим. Не сводя с меня глаз, она скрещивает руки на груди, хватается за край промокшей рубашки и стягивает ее через голову.

Мои ноздри раздуваются, дыхание становится тяжелым.

Ее бровь дерзко приподнимается.

— Ты забрал меня, — говорит она. Ее голос звучит ровно, несмотря на дрожащие губы. И все тело, содрогающееся мелкой дрожью. От холода, от наготы. — Ты хочешь меня.

Мой рот сжимается в жесткую линию, и, стиснув зубы, я опускаю руки на край фарфоровой ванны.

— Ты можешь взять меня... — она с трудом сглатывает. — Все, что я хочу знать, — это то, что ты сделал с телом Хадсона.

Я крепче стискиваю пальцы. И затем придвигаюсь к ее лицу так близко, что чувствую ее страх.

— Я не настолько монстр.

Ее охватывает дрожь, глаза блестят от злых слез. Она прикрывает грудь руками.

Я лезу в карман и достаю связку ключей. Там всего три ключа, и я выбираю тот, который подходит к замку на ее манжете. Я опускаюсь на колени, занимая выгодную позицию, чтобы ее ботинок не встретился с моей головой, но она остается неподвижной. Поэтому я все еще смотрю вверх, чтобы убедиться, что она все еще мысленно со мной, когда я обхватываю ее икру, чтобы вытянуть ногу вперед.

Я осторожно ставлю ее ногу на край ванны и провожу ладонью по ее мокрым джинсам, пока не достигаю манжеты. Все возможные неправильные мысли наполняют мою голову, и я вновь понимаю, насколько эта позиция опасна. Для нас обоих.

Один хороший удар в подбородок, и Макенна сможет выиграть достаточно времени, чтобы выбежать из этой комнаты. Выйти на улицу. И затеряться в темноте.

И несмотря на мое отвращение к ней, я не слепой. Ее мокрые джинсы — ужасное искушение, заставляющее меня гадать, как сильно мне придется дергать, чтобы стащить их с ее бедер. Слишком много лет я провел в лишениях, поэтому не был таким, как эти мерзкие дьяволы, и мог видеть свою цель ясно и четко; я слишком истощен, чтобы споткнуться у финишной черты.

Любовь, похоть, ненависть... все это взаимосвязано. Одно легко заменить другим.

Монстры просто берут желаемое. Монстры крадут это. Они лишают сил. Она видит во мне именно такого дьявола, но, несмотря на желание причинить боль, я не поддаюсь ему. Я не беру чужое. Я не лишую невинных их силы.

Такая тонкая грань между монстром и дьяволом.

Укрепившись в своей решимости, я расстегиваю манжету и освобождаю лодыжку. Затем, не встречаясь с ее темно-кариими глазами, я отодвигаюсь от ванны. Я двигаюсь на выход, не отрывая взгляда от ее полуобнаженного тела, пока не оказываюсь у двери, у которой я роняю манжету и цепь.

Я поворачиваюсь и упираюсь руками в раму. И прижимаюсь лбом к прохладному дереву. Мои глаза закрываются, когда я слышу, как она стягивает с себя одежду. Пропитанная влагой ткань падает на пол. Душевая занавеска задергивается.

Я выдавливаю напряжение из своего тела вместе с дыханием.

Даже если я не являюсь монстром, но все еще остаюсь полноценным мужчиной. Соблазненным. Искушаемым. Возбужденным. Она красивая, сексуальная и мягкая во всех нужных местах. И мой член остро ощущает, что она находится всего в трех футах от меня,

намыливая свое тело.

Я опускаю руку к брюкам и поправляю ноющий член. Ублюдок. И затем я крепко прижимаю руку к раме. Я не сдвинусь с этого места.

Достаточно одного воспоминания о Жюль, лежащей в морге, и фантазии о том, как я прижимаю Макенну к стене душевой, испаряются. Я выкидываю из головы оставшиеся образы распухших губ Макенны и ее аппетитной груди... потому что должен.

Хищник подражает повадкам своей жертвы, чтобы заманить ее в ловушку.

Я слишком долго пробыл в этих джунглях. В окружении самых жестоких зверей.

Если я буду действовать в соответствии со своими импульсами, то рискую превратиться в того, за кем охочусь.

Эта мысль отрезвляет меня.

Вода отключается, и я открываю глаза, немного успокоившись. Я хватаю полотенце с вешалки. Когда я оборачиваюсь, мое сердце пропускает стук.

Обнажена и лишена обычной жесткой оболочки, которой привыкла защищаться. Сейчас она не похожа ни на напарника дьявола, ни на грязного копа. Или даже плохого человека. СС нее слово содрали всю грязь и скверну. Полностью обнажена. И уязвима.

Она обладает мягкими изгибами и невероятной красотой. Я вбираю ее образ в себя: каждый сексуальный, соблазнительный дюйм ее тела, и часть моего жесткого самоконтроля ускользает.

Иисус. Какое-то возбужденное животное, словно почувствовав запах крови, начинает биться внутри меня, метаться, пытаюсь выбраться наружу и добраться до нее. Я хватаюсь за стойку и чуть не отрываю ее от стены.

Если она раньше не боялась меня, то ей стоит начать прямо сейчас.

Я слышу ее резкое дыхание, и маска равнодушия сползает с ее лица. Она ведет какую-то внутреннюю войну, я знаю это. Потому что вижу битву, бушующую в ее сверкающих глазах. Она напугана или взволнована, обнаружив во мне слабость?

— Не двигайся, — я делаю шаг вперед и протягиваю полотенце, приближаясь к ней, как к хрупкому лесному существу, которое можно спугнуть неосторожным движением. По правде говоря, если она сделает что-нибудь, отдаленно сексуальное, например, вздохнет, я могу наброситься на нее.

Она оборачивает полотенце вокруг своего тела, заправляя уголок в декольте, как это делают женщины. Это был настолько женственный жест, что у меня перехватывает дыхание.

У меня нет практики общения с женщинами. Я и есть то ужасное существо, которым она меня называет. Жизнь, посвященная мести, не оставляет места ни для отношений, ни даже для секса. Я многим обделен и развращен. И это мое наказание.

Я поднимаю взгляд и сосредотачиваюсь на уязвимости, которую вижу в ее глазах. Возможно, это просто хитрая тактика. Предложив свое тело, она не получила никакого результата, поэтому, возможно, нащупывает сейчас другие подходы ко мне. Пытаюсь отыскать слабые места монстра.

Не теряя бдительности, я открываю аптечку и достаю перекись водорода и бинты.

— Позаботься о своих руках, — я поворачиваюсь, чтобы выйти из комнаты, но останавливаюсь с открытой дверью. — Просто сделай это. Не трать время на попытки сбежать. Так ты только сильнее навредишь своим рукам.

Я хватаю стопку старых журналов со стойки и прижимаю их к дверному косяку, с силой закрывая дверь. Убедившись, что ей будет трудно выбраться из комнаты... или мне

вернуться к ней. Я опускаюсь на пол и прижимаюсь спиной к твердой деревянной опоре. А затем начинаю считать.

Один дом. Один подвал. Одна женщина.

Последний дьявол, которого надо убить.

Я оцениваю ситуацию, возвращая себе контроль.

Если я уже сейчас настолько слаб, как, черт возьми, я смогу пройти через это до самого конца?

Нет, это что-то другое. Совершенно другой сценарий.

А практика оттачивает навыки до совершенства.

Я смотрю на часы, заставляя себя сосредоточиться на цели. А затем за моей спиной раздаются крики.

Я вскакиваю и поворачиваю ручку, но дверь заклинило.

— Дерьмо, — я отступаю и пинаю ее, еще раз, прежде чем она раскалывается. Макенна балансирует на ванне, бьется о стены и зовет на помощь.

Я шагаю внутрь. Здесь нет ни окон, ни соседей.

— Никто тебя не услышит.

Она поворачивается ко мне, тяжело дыша от напряжения. В руках она сжимает ножницы, направляя их в мою сторону лезвиями.

Вот и результат моей собственной глупости. Я скрещиваю руки на груди, не испытывая никакого веселья.

— Знаешь, у меня есть работа. Вещи, которые я должен делать... помимо необходимости нянчиться с сумасшедшей женщиной, одержимой желанием убить меня.

— Тогда отпусти меня. Ты меня не убьешь. Если бы это было так, ты бы это уже сделал, — она спрыгивает с края ванны и нерешительно делает шаг вперед, ее мокрые волосы рассыпаются по плечам. — Я не собираюсь облегчать тебе задачу. Ты не можешь вечно держать меня взаперти. Есть только два варианта, Истон. Убей меня или отпусти, — она с вызовом поднимает брови.

Тяжело вздохнув, я роюсь в кармане и достаю монету, которую всегда ношу с собой. Серебряная монетка была единственной вещью, которую копы нашли на моей сестре, когда обнаружили ее тело. Один гребаный четвертак

— Почему ты думаешь, что я не убью тебя? — спрашиваю я.

Она моргает. Вскидывает ножницы выше.

— Ты хочешь отомстить. Причины я не знаю. Но это не имеет ко мне никакого отношения.

Я сжимаю монету между большим и указательным пальцами.

— Выбирай сама.

Она отрицательно качает головой.

— Нет.

— Да, Мак. Скажи мне. Ты хочешь знать, что я сделал с твоим любовником, поэтому постарайся, чтобы это случилось. Все в твоей власти. Ты хочешь быть свободной, и единственное, что необходимо, это сделать выбор.

Ее широко распахнутые глаза скользят с меня на монету.

— Орел — и ты скажешь мне, где тело Хадсона, а решка — ты освободишь меня.

Смех вырывается из моей груди.

— ЯЯ, должно быть, выгляжу, как большой и тупой ублюдок. Поверь мне, это не так.

Должен быть рычаг давления. Это азартная игра. Выбор должен быть равнозначным. Ты должна чем-то пожертвовать.

Она сглатывает, ее лоб нахмурен от раздумий.

— Отлично. Орел — скажешь мне, где Хадсон. Решка... — она поднимает глаза на меня. — Решка — и ты меня убьешь.

Черт возьми.

Я провожу рукой по волосам. Она смотрит на меня в ожидании моего следующего шага. Она не смотрит на меня так, как другие. С этим агрессивным, испуганным взглядом, ужасающе очевидным. Или как те, кто старается вообще не смотреть. Взгляд устремлен куда угодно, только не на мои шрамы.

Но она их видит.

Она судит обо мне, основываясь на том, как, по ее мнению, я их получил.

Я возвращаю монету обратно в карман

С ее губ срывается едва слышный вздох, и она опускает оружие.

— Почему ты не можешь мне сказать? Лучше быть убитой сейчас, чем никогда не узнать.

Я подхожу ближе, и она не отступает. Она отрицательно качает головой.

— Расскажи мне!

Я хватаюсь за ножницы и позволяю ей немного повозиться, прежде чем вырываю их из ее рук и кладу на стойку, подальше от нее.

— Все доказательства налицо. Хочешь получить ответы — найди их.

Ее пробирает дрожь, и она с трудом сдерживает гнев.

— Чего ты боишься, Мак? Правды?

— Я сказала, не называй меня так, — цедит она сквозь зубы, внезапно потеряв страх.

Я не могу сказать, настолько она крута или просто безумна.

— Ты знаешь, что у тебя проблемы с головой? Пойдем, — я хватаю ее за запястье, стараясь не задеть покрытые волдырями руки.

Она начинает сопротивляться.

— Я не вернусь туда... — она снова борется, становясь более решительной. Ногти впиваются в мое предплечье. Я начинаю походить на когтеточку.

— Это не входит в перечень вариантов для тебя, — я наклоняюсь, чтобы перекинуть ее через плечо, поскольку это, кажется, единственный способ справиться с ней.

Она хватается за рубашку, словно хочет оттолкнуть к стене, но я не двигаюсь с места. Я бы засмеялся, если бы не яркий блеск ее темных глаз, который пронзает меня насквозь.

— Я сама пойду.

Я выставляю руки перед ней, сдаваясь.

— Сделай лишь одну глупость...

— И ты убьешь меня? — Вызов в ее расправленных плечах заставляет мои брюки натянуться.

Клянусь, она либо пробуждает во мне дьявольское безумие, либо эта женщина инфицирует мой сломанный мозг. Может быть, немного и того, и другого.

Я накрываю ее пальцы своими и рывком отцепляю ее руки от своей рубашки.

— Есть вещи и похуже смерти.

Она резко встряхивает головой, убирая волосы с лица.

— Например, запереть женщину в подвале?

Насмешливый вздох вырывается на свободу.

— Может, тебе не стоит считать, что ее держат против воли. А что, если это для твоей же безопасности?

Она прищуривается, подтягивает полотенце повыше, крепко сжимая его.

— По крайней мере, Красная Шапочка увидела, как волк пытается ее съесть. Не пытайся морочить мне голову. Ты ничем не можешь оправдать то, что делаешь со мной.

Я хватаю бинт и засовываю его в карман.

— Я — большой плохой волк, — говорю я. — Это уж точно, черт возьми. Но в лесу водятся хищники и покрупнее, Мак. И ты позволила им учуять свой запах.

Глава 11

Призраки.

Макенна.

Когда я была ребенком, то часто видела, как моя мать теряет контроль. Она была героиновой наркоманкой. Она называла периоды своей отключки, когда она спала по несколько дней подряд, если у нее было достаточно припасов, путешествием в другой мир.

Другой мир.

Я лежала рядом с ней, когда она теряла сознание. Я складывала все свои игрушки вокруг нас, создавая наш собственный маленький мирок, защищая ее от плохих вещей, что могли настичь нас ночью. Я смотрела на нее и представляла себе другой мир, в котором она была, тот, куда я не могла попасть. Потому что я всегда оставалась в реальном мире. Испуганная, одинокая и голодная.

Я представляла себе прекрасное, иное место, которое было таким спокойным и неземным, что я просто не могла постичь его красоту. Подводная гавань, полная русалок, или Небесный дворец с волшебными принцессами.

Потом я оказалась в другом мире, которого боялась. Тот, из которого моя мама никогда не возвращалась. Темная пустота. Когда я стала старше, я все больше представляла себе свою мать. Обижалась на нее за то, что она бросила меня, за то, что была эгоисткой. Этот темный мир заполнял мои кошмары.

Таким я вижу бесконечный подвал Истона.

Подземелье тянется все дальше и дальше в глубину... адское измерение, темная пустота, вырытая в земле, где нет жизни. То абсолютное одиночество, которое я ощущаю здесь, в самом низу, крадет мое дыхание и заставляет мое сердце чувствовать, что оно вот-вот взорвется, поглощенное пустотой.

Я стою на винтовой лестнице, вцепившись в железные перила. И не могу пошевелиться. Все мое тело — сплошная ледяная жила.

Он стоит спиной ко мне, и мне в голову приходит мысль, что если он заговорит, его голос разрушит темное заклятие, которое он явно хотел наложить на меня. Поэтому, когда раздается его голос, я вздрагиваю.

— Это моя работа, — говорит он.

Это не работа. Это... навязчивая идея. Этот подвал Истона представляет собой запутанный лабиринт из демонов и темных видений в его сознании. Цементные

обезглавленные и выпотрошенные скульптуры... как некое святилище средневековых пыток. Украшения из дутого стекла кружатся темными красками, шары развешаны повсюду, свисая со стропил, чтобы продемонстрировать его работу.

Вдоль законченных стен и инкрустированных стеллажей стоят стеклянные статуэтки. Искусно выполненные демоны и дьяволы со змеиными языками и костяными рогами. Черепа. Великое множество стеклянных черепов.

— Это ад, — наконец, заключаю я.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, опираясь на перила.

— Это мой ад.

— Почему?

Он не отвечает сразу, и я мысленно заполняю тишину: он болен. Психически нездоров. Он должен быть нестабильным, так как нельзя объяснить по-другому, что за разум может вообразить такие изощренные пытки, а затем воплотить их в реальность, убивая людей посреди оврага?

Как давно он строит этот подвал?

Как много людей убил?

— Я должен продолжать работать, пока не закончу, — он проводит рукой по своим темным волосам, и я вижу белые шрамы на его лице в тусклом свете. — Мечь — дорогое удовольствие, — он пытается изобразить сардоническую улыбку, но безуспешно. — Это искусство, Макенна. Люди все еще приобретают произведения искусства. Не придавай этому слишком большого значения.

Я отрицательно качаю головой. Это гораздо больше, чем просто искусство. Это результат его болезни, его измученного разума. — Ты когда-нибудь закончишь это?

— Самое ужасное в том, что, — говорит он, и его глаза сверкают диким блеском, — мечь — это наркотик. Чем больше ты кормишь этого зверя, тем голоднее он становится. Но ты собираешься помочь мне с этим. Давай же, — он тянется ко мне.

Моя ладонь пульсирует жгучей болью, и я отдергиваю руку от перил, подальше от него.

— Я хочу знать, что ты здесь прячешь. Что скрывается за всем этим искусством? Что внутри? — Я все еще детектив и все еще могу собрать разрозненные фрагменты воедино и расшифровать улики. И моя интуиция говорит мне, что все не так просто... подвал — это катакомбы.

Я бросаю на него самый убийственный взгляд, какой только могу. И я уверена, его нельзя назвать пугающим, когда он исходит от женщины, завернутой в его полотенце. Но в этом что-то есть. Я чувствую. Нечто настолько порочное, что он даже мог бы солгать самому себе.

Звуки, которые я слышала, принадлежали ему. Он проводит здесь дни и ночи. В углу стоит койка, а на стене развешаны инструменты. По балкам проходит вентиляционная система с открытыми воздуховодами. Он работает здесь, он — зверь-страж, охраняющий этот подвал. Это подземелье полно его секретами... и если тело Хадсона здесь...

— Я нанимаю тебя на работу, — говорит он, вызывая у меня удивление. — Пусть и в экстремальных обстоятельствах. Это значит, что ты работаешь на меня, как мой частный детектив. И принимаешь от меня прямые указания.

Он подается в мою сторону, чтобы схватить меня, и я поднимаюсь по лестнице на несколько ступенек выше.

— Я не могу помочь тебе, Люк, — я произношу его имя, надеясь достучаться до него, и

надеясь на то, что и я сама что-то пойму. — Во что бы ты ни верил — это неправда. Ты болен, и нафантазировал себе нечто сложное об испорченных людях, заговоре и мести. Но человек, которого ты убил? Ройс Хадсон? Мой напарник? Он был хорошим человеком, Люк. Ты забрал невинную жизнь и причинил боль стольким людям в процессе.

— Я болен, — повторяет он. — Ты скорее умрешь, чем рискнешь раскрыть правду. Вот это ощущается больным для меня.

— Ты не просто причинил мне боль. Ты убил меня той ночью, — я качаю головой, чувствуя себя беспомощной и дезориентированной. — Какая разница, тогда это было или сейчас? Моя жизнь закончилась в тот момент, когда ты забрал у меня Хадсона.

Он протискивается ближе, мощные руки заключают меня в ловушку, обхватив перила.

— Я думаю, что твой мозг не просто поврежден, а хуже... Каждый раз, когда я предоставляю тебе реальные доказательства, ты игнорируешь их, отказываясь принять то, что они означают, — он лезет в карман и достает ожерелье с моим сердцем. — Три года назад пропала девочка-подросток. Через месяц она была обнаружена в морге, как неопознанное тело. Избитая, замученная, изуродованная... изнасилованная настолько жестоко, что медэксперт не смог ее опознать. Этот кулон принадлежал ей, — он сует амулет мне прямо в лицо.

Я пытаюсь отвести взгляд, но его рука крепко сжимает мой подбородок, не позволяя пошевелиться.

— Этот кулон в виде сердца существует не в единственном экземпляре, — выплевываю я сквозь стиснутые зубы. — Это еще не доказательство. А лишь предположение. И солидная попытка, чтобы привлечь детектива... к чему? К провалу в поисках пропавшей девушки?

Я не помню этого случая. Дело было не наше, но Истон мог перепутать детали, запутаться в фактах.

Его глаза вспыхивают, наполненные безумием и потусторонним синим цветом. Я чувствую, как быстро бьется его сердце, отдаваясь пульсом в моей челюсти, где его хватка становится лишь крепче.

— Джулс Истон была моей сестрой. А не какой-то пропавшей девушкой.

Он отпускает меня, и я почти спотыкаюсь от напряжения. Дрожащими руками мне удается подтянуть полотенце повыше.

— Мне очень жаль, но...

— Не надо, — Истон поворачивается ко мне спиной и преодолевает две последние ступеньки. — Я не хочу причинять тебе боль.

Его признание превращает это подземелье пыток и боли в нечто более пугающее. Потеря сломила меня, но его она опустошила. Я чувствую его утрату... я даже сопереживаю ему. Но я не могу понять этого....

Я прикрываю глаза лишь от самой мысли. Я не могу понять убийство.

Ощущение холодного дождя, хлещущего по коже, обостряет мои чувства, заставляя посмотреть на себя со стороны — держащую оружие, направленное на Келлера.

В тот момент мне хотелось отобрать жизнь. Я хотела отомстить за все.

Я искала его... желая и нуждаясь узнать почему. Мне нужно было знать, что случилось с Хадсоном и доказать, что его смерть — не плод моего больного воображения, и что я не была “диссоциативной”, как утверждала моя психологическая оценка, прежде чем меня уволили из департамента. С пометкой — ПТСР. Мне не нужно было доказывать им или кому-то еще то, что я знаю.

Я должна была доказать это самой себе.

Существует тонкая грань между страстью и одержимостью. Я пересекла эту черту и сейчас стою перед мужчиной, который бросился в эту яму одержимости с головой. Буквально.

Спускаясь по лестнице, я смотрю на широкий коридор. Бетон врастает в землю. Бесконечный навязчивый, безумный проект.

И я настолько глубоко вляпалась в это дело, что стала пленницей убийцы Хадсона, запертой в его подвале, где, прежде чем все это закончится, я сама трансформируюсь в некое извращенное произведение искусства.

Кто из нас больше травмирован? Более безумен?

Я начинаю смеяться в голос. Ничего не могу с собой поделать. Возможно, я уже заполучила диссоциативное расстройство личности. Может, у меня и вправду сломан мозг. Кто здесь, черт возьми, сумасшедший.

Я думала, что мое расследование стало причиной убийства Хадсона. И именно я привела Люка к оврагу той ночью. Может быть, я подобралась слишком близко. И кто-то был послан, чтобы остановить нас — остановить меня, а Хадсон попал под раздачу.

Но чем больше я узнаю о Люке Истоне, тем больше сомневаюсь в этой теории.

Если он верит в то, что говорит... если он выполняет какую-то безумную миссию возмездия... тогда ответов нет. Плохие вещи случаются без причины. Мать накачивается героином и умирает, а на детективов нападают сумасшедшие. И я споткнулась прямо о край своего личного ада. Другой мир вокруг меня... и я просто превратилась в очередную потерянную душу в темном небытие.

— Макенна, дыши.

Я чувствую на себе его руки, обхватывающие мою спину и плечи. Его голос звучит издали, погребенный под шумным потоком разразившегося шторма, увлекая меня под грохочущую волну.

Я закрываю глаза, мою грудную клетку охватывает жар от невозможности сделать вдох.

Затем кислород взрывает мои легкие. Я чувствую, как его губы прижимаются к моим. Мои глаза распахиваются, когда он целует меня в губы. Он делает еще один вдох, и ощущение его губ, прижатых к моим, заставляет меня задохнуться от шока. Он отпускает меня, и я сгибаюсь пополам, втягивая воздух.

— Не прикасайся ко мне, — выдыхаю я. — Уйди.

К моему недоверию, он делает это, давая мне пространство, когда я цепляюсь за перила для поддержки.

Когда мир перестает кружиться вокруг, я усиленно моргаю, пытаюсь восстановить зрение и подавить непролитые слезы. В моих глазах темнеет и рябит. Прежде чем я падаю, его руки прижимают меня к массивной груди.

Я не борюсь с этим, у меня нет сил. Я позволила Люку Истону, чудовищу, дьяволу вселиться, вновь утащить меня в свой подвал. Как в какой-то испорченной сказке.

Он отпинывает в сторону мою холщовую сумку и опускает меня на кучу разбросанной одежды. Затем начинает перевязывать мои руки. Его бережные действия полны неким сочувствием, он настолько нежен со мной, словно я слишком хрупкая и слабая в его глазах. Но на моей шее все еще видны следы его гнева — доказательство того, что он совсем не нежен.

И меня нельзя сломить.

Это становится психологической войной. Кто расколется первым? У кого в руках реальная власть? У похитителя или пленницы?

Сколько у меня времени до того, как он сломается, и я окажусь никому ненужным и скрюченным телом, закованным внутри этой подвальной комнаты.

Он смотрит на меня, мысленно что-то решая, его лоб морщится в раздумьях. Он оборачивается, и я принимаю решение: чего бы мне это не стоило, но я не могу остаться в этом месте одна. Мой единственный шанс на успешный выход из этой ситуации и побег — это он.

— Подожди.

Он останавливается, но держится на расстоянии от меня, чтобы я чувствовала себя в безопасности. Пока.

— Не притворяйся, — я сажусь, натягивая полотенце на ноги. Заметив, как он недоуменно сдвинул брови, я продолжаю: — Не будь милым, чтобы манипулировать мной. Ты сказал, что не хочешь причинить мне боль. Но простое желание не считается. Это просто заблаговременное извинение за то, что, как ты знаешь, произойдет. — Он не двигается, оставаясь на месте, но настолько крепко сжав кулаки, что вены на его предплечьях вздулись. Я быстро произношу следующую часть своей речи, чтобы закончить с этим:

— Всё это для твоего же собственного блага, а не для моего. Таким образом, ты можешь очеловечить себя в собственных глазах. Я дважды видела, как ты хладнокровно убивал. Ты для меня не человек. И никогда им не станешь.

Его движения стремительны — так же, как и в переулке. Он обхватывает меня за тыльную сторону шеи и заставляет встать. Я завожу руку за голову, пытаюсь оттолкнуть его, но его хватка так же крепка, как наручники, которыми он сковывал мою ногу.

Он тащит меня к пробковой доске. Мои ноги едва успевают за ним, босые ступни волочатся по шершавому бетону.

— Посмотри на это, — говорит он, тяжело дыша. — Смотри внимательно. Это не я из нас играю в притворство. Я — не тот, кто отрицает правду, которая буквально находится прямо перед ее гребаными глазами.

Он отпускает меня, и я делаю глубокий вдох. Я потираю забинтованной рукой затылок, который до сих пор словно сжимают тиски. Сквозь слезы паники я быстро моргаю, чтобы увидеть фотографии, прикрепленные к доске.

Хадсон.

Он стоит рядом с Милтоном Майером около входа в какое-то здание. Я не узнаю это место и не понимаю, почему, когда я взялась расследовать дело «Майер Кистоун Энтерпрайз», Хадсон был категорически против этого, и все же вот он — стоит рядом с главой этой компании.

Я отрицательно качаю головой.

— Я расследовала дело Майера, — выдавливаю из себя. — Мой напарник, видимо, шел по следу. — Не предупредив меня.

Я слышу раздраженное фырканье Истона позади себя.

— Дата. Посмотри на дату. Твое расследование относится только к прошлому году.

Я бросаю взгляд на сумку с документами. Все это время я занималась расследованием даже вне рабочего времени... из-за одной девушки. Девушки, которая потрясла меня до глубины души. После встречи с ней я еще несколько дней не могла выкинуть ее образ из

головы: ее изувеченное тело лежало на каталке скорой помощи. И медицинское заключение, в котором подробно описывались все жестокие действия, которым она подверглась.

Ей было только шестнадцать.

«Они убьют меня», — прошептала она тогда.

Я пыталась ее разговорить, просила рассказать мне, кто причинил ей боль, но изломанное тело и психологическая травма не позволили ей этого сделать. Именно "они" в ее кратком заявлении потрясли меня. И когда после бессонной ночи, проведенной за бесполезным поиском улики, я вернулась, чтобы снова допросить ее, но она уже ушла.

Я дышу сквозь воспоминания, мой взгляд задерживается на изображении Хадсона и Майера, но на самом деле я его не вижу. Я чувствую осуждающее давление Истона позади себя, будто некая доминирующая сила угрожающе нависла надо мной, в ожидании невероятного откровения.

Но ничего не происходит.

Что бы это ни значило для него... я не знаю. А, может, и не хочу знать.

Тошнотворное чувство пронзает мой желудок, когда я мельком замечаю визитную карточку, приколотую к верхней правой части доски. Я подаюсь в сторону, чтобы дотянуться до нее, а затем останавливаюсь, когда меня осеняет осознание. Такая же карточке уже есть в папке дела, которую собрала я.

МКЕ. На визитке было всего три инициала.

Карточка была единственной уликой, найденной при Лоре в отделении неотложной помощи. Медсестра положила ее в сумку, после того как вытащила из порванных джинсов. Это была единственная ниточка, ведущая к делу, которое, по словам Хадсона, должно было быть закрыто, потому что у нас больше не было ни жертвы, ни свидетеля.

Но я не могла просто пустить это на самотек.

Куда бы я ни посмотрела, мне всюду мерещилось разбитое и изрезанное лицо Лоры. Она преследовала меня. Она была так напугана... и мне следовало постараться заставить ее заговорить. Она смогла добраться до больницы, и я потеряла ее.

После этого о ней не было никаких известий. Я проверила записи о смерти и больничные картотеки. Но она так и не появилась вновь. Затем, когда поиски начали превращаться в навязчивую идею, я попросила технического аналитика поискать в даркнете любое упоминание МКЕ. Поиски дали лишь одно упоминание — весьма слабую зацепку, но я ухватилась и за нее.

Милтон Майер вел торговлю чем-то на черном рынке под именем Фишер. Техник не смог получить детальной информации о том, что это была за сделка, только цену — семьдесят пять тысяч долларов. Затем я принялась самостоятельно исследовать, что же могло стоить таких денег на современной версии Шелкового пути.

Это могли быть бриллианты. Или наркотики. Это могло быть что угодно... но я уже знала правду, потому что все время видела ее лицо и застывший ужас в глазах. Своим внутренним чутьем я уловила связь.

Кто-то приобрел девушку в компании Майера.

А, может быть, и больше.

"Они", — сказала Лора.

Она исчезла. Но я не собиралась прекращать расследование, пока не найду их.

Хадсон предупредил меня, чтобы я прекратила это дело, ведь я выдвигала обвинения против богатого, влиятельного человека с безупречной репутацией. А у меня, строго говоря,

по факту ничего не было. Мой партнер — моя вторая половинка — пытался защитить меня.

Я все еще верю в это. Мне приходится. Хадсон мог встретиться с Майером в любое другое время, по многим причинам...

Я закрываю глаза и отворачиваюсь. Холодный воздух подвала окружает мою обнаженную кожу, высасывая все тепло из моего тела, пока я пытаюсь заставить себя поверить в это. Потом я чувствую легкое прикосновение перышка к своему плечу и вздрагиваю. Я открываю глаза, когда фотография падает мне на колени.

— Твой напарник, — говорит Истон, и я поднимаю фото. Это тот снимок, где мы с Хадсоном были запечатлены в день, когда я стала детективом. Истон украл его из моей квартиры. — У него были секреты.

У нас у всех есть секреты.

Черные ботинки Истопа появляются перед моими глазами.

— Что ты услышала прошлой ночью? — спрашивает он. — Когда отследила Келлера до здания Майера.

— Ничего. — И это правда.

Истон тянется за спину и вытаскивает из-за пояса конверт. Он бросает его на пол передо мной.

— Открой его.

Я заправляю волосы за уши и хватаю бумажный пакет. Мое сердцебиение учащается, когда я вытаскиваю из него фотографии. Снимки с моей камеры. Он распечатал их. Фотографии Милтона Майера в его кабинете. Стрелявший Келлер держит пистолет на вытянутой руке. Это доказательство того, что произошло. Это доказательство того, что я была там... свидетельство этого.

Истон поворачивает фонарик так, чтобы свет попадал на страницы, приколотые к доске.

— Тебе нужны доказательства. Факты. Вот они, — бросает он мне. — Сравни мои исследования со своими собственными. Между Келлером, Майером и твоим напарником есть связь, которую ты упускаешь. Когда ты обнаружишь ее, то сможешь покинуть этот подвал.

Мое сердце подскакивает к горлу. Я роняю фотографии на пол и опускаюсь на колени.

— Что значит: я смогу уйти?

Скрестив руки на широкой груди, Истон выглядит более встревоженным этой каплей надежды, сквозящей в моем голосе, чем он был в том темном переулке.

— Именно так. Ты освободишь меня, — настаиваю я.

Он слегка склоняет голову, его взгляд скользит по моему полуобнаженному телу.

— Ложь может быть красноречивее правды, — с этими словами он разворачивается к двери.

В мою грудь словно вонзается ледяное лезвие, разрывая меня на части.

— Где ты это услышал?

Так обычно говорил Хадсон, перед тем как мы входили в комнату для допросов. Откуда Люк знает? Где он услышал эту фразу? Болезненная правда внезапно обрушивается на меня. Нападение на Хадсона в овраге той ночью не было спланированной атакой.

Люк следил за ним.

Я снова требую ответа, но он молчит. Вместо этого он открывает дверь. Пауза затягивается, и я чувствую, как натягиваются мои нервы до предела.

— Я убил одиннадцать дьяволов.

Я с трудом сглатываю, не в силах моргнуть, боясь, что любое движение может всколыхнуть неподвижный воздух, и он убежит. Одиннадцать дьяволов. Он видел в Хадсоне какое-то зло.

Есть и другие жертвы.

— В моих работах нет трупов, — говорит он. — Это было бы оскорблением для меня. Продолжай искать ответы, действуй. Обещаю, ты их найдешь, — он ступает за порог. — И надень что-нибудь на себя.

Дверь закрывается, высасывая весь воздух из комнаты. Я борюсь с реакциями своего тела, чтобы продолжать дышать, прижимая руки к свему горлу. Я чувствую пульсацию крови, бегущей по венам, и каждый удар вторит буре, бушующей внутри меня.

Глава 12

Голоса.

Люк

Все слышат голоса.

Внутри нас постоянно происходит монолог, проходящий шепотом на заднем фоне наших мыслей. Как и сердце, мозг никогда не перестает работать. Сердце продолжает биться, пока мы спим; эта мышца не прекращает функционировать, качая кровь к коре головного мозга и питая нейронные связи, чтобы этот внутренний монолог не прекращался.

Некоторые голоса звучат громче других.

Они словно кричат, запертые внутри черепной коробки, пробиваясь через подсознание силой.

Если вы принудите себя слушаться, если вы попытаетесь заставить затихнуть весь прочий шум внутри себя, вы распознаете приглушенный звук собственного голоса, шепчущего у вас в голове. Это и есть совесть. Она направляет нас, чтобы мы могли сделать выбор. Мы слышим этот голос так часто, что больше не замечаем его, он становится настолько привычным для нас, что превращается в утешение наших собственных действий.

Я не боюсь этих голосов. Они там, где должны быть.

Мне становится страшно, когда они замолкают.

Больше всего на свете я боюсь абсолютной тишины. Эта ужасная мысль обдаёт меня холодным и липким потом страха. В тот день, когда голоса исчезнут... я не буду больше знать, чем руководствоваться, и что такое совесть.

Ты становишься монстром, когда начинаешь по частям искоренять из себя человечность. Ни совести, ни сочувствия, а только пустота — идеальная почва для возвращения дьявола.

Монстры создаются из того, что мы позволяем украсть.

Я останавливаю машину на парковке напротив морга и слышу два голоса внутри себя, ведущих борьбу за главенство. Один шепчет так тихо, что мне приходится напрячь слух. Другой же ревет и мечется.

Этот голос начинает брать вверх с каждым разом, как я его слышу.

Я позволяю этому продолжаться уже достаточно долгое время. Макенна не может распутать паутину. Она слишком глубоко погрузилась в отрицание. Черт, возможно, она даже заслужила свою месть. Кто я такой, чтобы решать, идет ли она по правильному пути?

Столкнувшись с ужасающей правдой, она могла полностью погибнуть. Она уже сломана. Что бы я с ней ни сделал, Ройс Хадсон сломал ее задолго до того, как я добрался до нее.

Но другой голос против этой мысли, яростно возражает мне.

Она часть этого.

Правда ранит. Но я, блять, гарантирую, что девочки, над которыми надругались эти дьяволы, пострадали сильнее, чем Макенна может себе представить.

Незнание закона не освобождает от ответственности.

Она заперта в подвале. У меня есть ключ от двери, но все, что нужно ей для того, чтобы выбраться оттуда, уже находится у нее в руках.

Я натягиваю капюшон на голову и надеваю кожаные перчатки. А затем выхожу из этой чертовой машины. Я перебираюсь за забор, окружающий морг, и моя совесть — всего лишь тонко пищущий комар, от которого легко отмахнуться.

Отключив сигнализацию, я слышу шаги. Я надеялся, что сегодня будет легко, но, с тех пор как Макенна сорвала вечеринку, ничто не давалось мне с легкостью.

Прижавшись спиной к стене здания, я вынимаю нож и жду, когда из-за угла появится представитель службы безопасности. На этот раз я постарался прикрыть лицо носовым платком. В подвале становится тесно.

Я слышу звон ключей. Лезвие касается его горла, и я заглушаю его удивленный вопль, зажав предплечьем его рот, когда отталкивая его к стене.

— Я не хочу причинять тебе боль, — тихо произношу я. Ту же фразу я сказал Макенне, и осознание того, как близко я подошел к черте, заставляет меня остановиться. Увидев ожерелье Джулс на ее шее... тогда я оказался на грани. Всего лишь секунда — и ярость, которая всегда кипела внутри меня, заставила бы задушить ее.

Она мне не враг.

Время, которое требуется моему мозгу, чтобы понять это, дорого мне обходится. Охранник наносит мне быстрый удар под ребра. И мой нож скользит ниже, давая ему достаточно места для маневра, чтобы снова напасть, и, черт возьми, Макенна все же вполне может оказаться врагом. Завладев моим сознанием, он определенно приведет меня к гибели.

Охранника нельзя назвать высоким и крупным, но ублюдок обладал довольно жилистой фигурой, а такие парни на удивление весьма крепкие. Он перехватывает руку с оружием, одерживая верх, и я роняю нож. Но следом я бью прямым ударом в живот, и он падает на спину. Я хватаю его за волосы на затылке и прижимаю к стене, заставляя двигаться к главному входу.

— Теперь мне не нужно тратить время на то, чтобы вскрыть замок. Открывай.

Охранник перебирает связку ключей, пытаюсь нащупать нужный.

— Пожалуйста. У меня есть семья.

Ради всего святого.

— Вы все так говорите. Твои близкие сейчас здесь? Неужели они в опасности? Нет. В отличие от твоей никчемной жизни. Открой эту чертову дверь.

Наконец, он вставляет ключ в замочную скважину, и я удерживаю его на месте.

— Не двигайся с места, — я открываю дверь и протягиваю руку, нащупывая камеру слежения. В тот день, когда меня попросили опознать сестру, я мог позволить себе роскошь рассмотреть морг. Над стеллажами для хранения трупов была закреплена еще одна камера.

— Двигайся вперед и сядь за стол, — приказываю я ему. — Сделай хотя бы одно неверное движение, чтобы вызвать подкрепление, соверши лишь одну глупость, и я

отправляюсь к тебе домой, — я достаю его бумажник из заднего кармана униформы. — Иди.

Он выполняет все, что я ему сказал, но движения его были скованны, он слишком тяжело дышит и дрожит/, охваченный дрожью. Впрочем, этого вполне достаточно. Камеры записывает только видео, без звуковой дорожки. Как только он усаживается перед монитором, я прохожу вдоль стены к ряду шкафчиков. И снимаю эту камеру так же легко, как и первую.

В отличие от больничных моргов, в правительственных учреждениях не так уж много охраны. Кому может прийти в голову грабить морг.

Я осматриваю ящики рядом с раковиной. Нахожу бинт и вскрываю его, направляясь к охраннику

Он уже явно прокручивает в голове то, как будет умолять меня с поднятыми руками.

— Пожалуйста, — снова начинает он. — Я понятия не имею, кто вы такой. Что бы вы ни хотели сделать с телами... я не скажу ни слова.

Ответ на этот вопрос кажется очевидным. Кому взбредет в голову грабить морг? Некрофилу — вот кому. По крайней мере, это логичное объяснение для этого парня. Я не в обиде, поскольку действительно планирую осквернить тело.

Я молчу, обматывая бинтом его лицо, затем достаю из кармана куртки пару кабельных стяжек и связываю ему запястья за спиной. Его учащенное дыхание шумно вырывается из-под бинтов. Наверное, мне следует дать ему какие-то гарантии, что я не собираюсь его убивать. Но для него будет лучше, если он потеряет сознание.

Я вовсе не плохой парень. Но и не хороший. Я не провожу ночи, защищая невинных или наказывая злодеев во имя справедливости. Я не настолько милосерден. Существует справедливость, а, значит, и месть. Но они не взаимозаменяемы.

Если бы этот охранник принес проблемы своим желанием побыть героем и защитить права умерших на достойное упокоевание после смерти, он бы стал препятствием, и мой клинок нашел бы пристанище в его животе с такой же легкостью, как мои руки сломали шею Келлера.

Я хотел бы думать, что требуется время на то, чтобы зайти так далеко, и процесс превращения в убийцу постепенный. Но на самом деле это простой выбор. И я могу решиться на него в мгновение ока.

Мои часы пищат, напоминая о теле, ожидающем меня в бочке для сжигания. Мертвых тел становится больше.

Все началось с одного человека — одного дьявола с когтями и рогами, которого я никак не мог перестать рисовать. Он был призраком в этом самом морге, темным образом, выраженном в костюме от «Армани», источающим аромат дорогого одеколona, и его присутствие там в тот момент было неуместно.

Я и Джулис были сами по себе с тех пор, как она пошла в начальную школу. Наша мать заболела и обнаружила это на четвертой стадии рака груди, а затем и отец последовал за ней, попав в автомобильную аварию. Вместе мы преодолели самые тяжелые времена. Это заставило нас сблизиться. Я был единственным, кто следил за тем, чтобы она делала домашние задания, и чтобы у нее было достаточно денег для покупки модных нарядов, которые носили все ее друзья.

В то время не было проблемой поддерживать такой уровень жизни. Даже одной страховки было бы достаточно, чтобы позаботиться о нас обоих, но к тому же у меня была работа и карьера, которую я строил. Я носил сшитые на заказ костюмы и поднимался на

лифте в офис на шестой этаж, где занимал уважаемую должность директора по информационной безопасности.

У меня была девушка, которая постоянно твердила мне о браке и детях, а также самый полный страховой пакет с медицинскими и стоматологическими услугами. Я был нормальным. Вежливым и заурядным. Сомневаюсь, что сейчас узнал бы этого Люка Истона.

Это была другая жизнь.

Переключатель щелкнул прямо здесь, в этом самом месте, перед стеллажами с трупами. Мое тело сковало страхом и обездвижило, так что судмедэксперту пришлось трижды спрашивать меня, готов ли я. Готов ли я опознать тело.

Я был не готов, но в то же время и не верил, что там была она. Это была ошибка. Джуль исчезла почти четыре недели назад, так и не вернувшись домой после тренировки с группой поддержки. И я все время повторял себе, что она попала в аварию, что она оказалась в больничной палате или в чьем-то доме, где люди пытались разбудить ее и выяснить, кто она такая, найти ее семью...

Пока медэксперт не открыл шкафчик и не выкатил ее бледное тело из стального блока.

Я сморгнул прочь это воспоминание.

Я изо всех сил старался не вспоминать ее в том виде. Вместо этого я смотрел на человека в черном костюме. Его любопытный взгляд следил за мной, оценивая слишком пристально. И именно в тот момент меня словно кистью пощекотало шестое чувство...

Когда я спросил себя, чего хочет от меня этот человек, его вынужденное, пустое отрицание вызвало первобытный отклик откуда-то из глубины моей тьмы. Во мне шесть футов и три дюйма, и я не раз встречался с задирами, которые пытались спровоцировать драку со мной, но я предпочитал не конфликтовать. До этого момента я никогда никого не бил.

Одним ударом я сбил патологоанатома на пол.

К тому времени как я направился к человеку в костюме, он уже исчез, так же быстро, как и появился, чертов призрак. Я почти убедил себя, что это была галлюцинация, вызванная стрессом... если бы не судмедэксперт. Я ожидал, что он выдвинет обвинение, но он оправдал мое поведение горем.

Это сразу же убедило меня, что здесь было что-то не так.

Он хотел по-быстрому замять это дело.

Я думаю, он всегда сидел где-то глубоко внутри меня, являясь частью моего сознания, которая не имела шанса быть услышанной до этого.

В тот день, когда тело Джуль опустили в землю, я похоронил и Люка. Он исчез из своего бизнеса, разорвал все связи. У Люка не было семьи. Имелось лишь заявление розыска человека, а потом о нем забыли.

Последние три года я жил и дышал возмездием.

Когда-то у меня был небольшой художественный талант. В свободное время я все еще баловался этим. Выдувное стекло, сварка, волочение. Я воскресил эту забытую часть своего существования и нарисовал лицо человека в костюме. Со всех сторон, с каждой резкой чертой, а потом я использовала свои навыки, чтобы найти его лицо в ДаркНете.

Современный мир покрыт камерами наблюдения. Они повсюду. Видео системы домашней безопасности, банковские записи, розничные магазины. Даже в кофейнях и в любых местах для прогулок. Все эти видеоматериалы хранятся в облаке. Получение доступа ко всем этим сохраненным кадрам лишь вопрос практики и знаний в области интернет

безопасности.

Я нашел своего призрака. Кристиан Лэзье попал на камеру слежения, когда входил в банк в Коста-Рике. Он был настоящим. Я рылся в недрах интернета и прочесывал каждую ниточку, ведущую к нему, пока не создал профиль своего первого дьявола. А потом я подкрался к нему. Я последовал за ним в бар в верхнем Вашингтоне, где обнаружил целую компанию других дьявольских ублюдков, которые любили охотиться на несовершеннолетних девушек.

Я мучил Лэзье целую неделю, пока, наконец, не получил второе имя.

Это превратилось в испорченное домино. Сбей с ног одного — и следующий упадет за ним. А потом еще один.

Лэзье вместе с пятью другими изнасиловал, изувечил и забил до смерти мою младшую сестру. Я собрал имена всех. Но где-то на этом пути мне стало недостаточно мести эти пятерым ублюдкам, пытавшим мою сестру.

Голод нарастал.

За этим делом скрывалось что-то более серьезное.

Я охотился в течение долгих трех лет, пополняя свою коллекцию. Пока не зашел в тупик.

Я перекидываю труп Майера через плечо и забрасываю его на каталку. Я накрываю его мерзкий труп простыней, затем ищу белый халат и чистую шапочку. Это намного проще, чем ворваться обратно... с телом.

До настоящего момента я бы предпринял более обширные меры, чтобы спланировать все тщательно и эффективно. Но тот факт, что Келлер всадил пулю в голову Майера, доказывает, что они становятся ближе и подчищают за собой.

Пусть все идет своим чередом.

Один коронованный дьявол на вершине пищевой цепочки уничтожает всех паразитов, и я в этом списке. Время ограничено. Они найдут меня точно так же, как я нашел их, независимо от того, насколько тщательно я скрываюсь от них.

Я мог бы оставить Майера здесь, чтобы выиграть больше времени. Но он не заслуживает достойных похорон. Мне нужно оставить сообщение.

Когда я иду по коридору с маской на лице, я чувствую облегчение. Это настолько чуждо мне, что я почти не узнаю эту эмоцию. Так или иначе, но все уже почти закончилось.

Поначалу Макенна была неудобством, обременяющей меня проблемой, с которой нужно справиться. Ее появление на складе было просто невезением.

Я не мог ошибиться сильнее.

Она была подарком от самого дьявола.

У меня в кармане лежит монетка, которую так и хочется подбросить вверх, и пятьдесят на пятьдесят, что человек, за которым я охочусь все эти годы, находится всего в двух шагах от этого звука.

Макенна еще не поняла, почему ее послали в дом Майера. Но я точно знаю, как заставить дьявола выйти из укрытия.

Глава 13

Сторожевой пес.

Макенна

Я прижимаюсь к двери подвала, сжимая слабыми пальцами листы бумаги. Это единственное место в этом подземелье, где я чувствую, что могу свободно дышать. Из самой узкой щели доносится слабый поток воздуха. А воздух мне необходим.

Разбросанные страницы моего расследования устилают пол подвала.

Всего лишь одна произнесенная фраза, принадлежавшая Хадсону, и я превратилась в дикое, неконтролируемое животное, разрывающее свидетельские показания и банковские гроссбухи.

Вопреки всем моим разглагольствованиям, я сделала то, о чем говорил мне Истон: я сравнила свои заметки с его безумными теориями. Я попыталась разобраться в его записях, но там имелись пробелы. Во-первых, Джек Келлер отмечен в качестве акционера МКЕ. Келлер — это своего рода теневой партнер. Кроме этого, прослеживается слабая связь между Келлером и Мейером, которые оба имеют отношение к развлекательной компании. Но никаких записей нет. Как и денежных операций. Просто подпись. Скорее всего, это подставная организация, что неудивительно. Я заранее проследила незаконные и сомнительные сделки компании Майера.

Но меня остановило от дальнейших поисков одно всплывшее имя.

Лаура Сандерс.

У Люка есть копия ее медицинской карты. Бланк датирован той же ночью и тем же временем, когда я допрашивала ее в приемном покое. Но эта запись отличается от той, что хранится в моем файле. К ней прикреплено заявление медсестры, которое я никогда раньше не видела.

Моя рука дрожит, когда я снова перечитываю его. Я уже дважды прочитала каждую строчку. Я пытаюсь запомнить ее слова, установить связь, найти в них смысл.

Лаура упоминает название "Файзер", рассказывая о том месте, где ее держали во время ее исчезновения. Почему она не упомянула об этом во время моего допроса? И почему мне не передали этот документ?

Еще более тревожный вопрос: как Люк Истон получил его?

Я просмотрела все формы в отношении любой транзакции в поисках «Файзера», совершенной через МКЕ, и мое сердце подпрыгнуло, когда я наткнулась на «ЛЛС». Это название развлекательной компании.

Установив эту связь, я вскочила на ноги, несмотря на боль и ломоту во всем теле, и заколотила в дверь, отмечая, что повязка лишь немного приглушила дискомфорт. Я звала Истона. Я кричала до тех пор, пока у меня не пересохло в горле, но он так и не пришел.

Поэтому я плюхнулась на пол у двери и подтянула колени к груди. Буря в какой-то момент утихла. Я больше не чувствовала вибраций далекого грохота. Говорят, молния никогда не ударяет дважды в одно и то же место.

Но Люк Истон ударил по моей жизни дважды.

Он появлялся вместе с бурями, а потом так же быстро исчезал. Есть шанс, что он просто оставил меня здесь умирать. Унесенный грозой...

Я ритмично постукиваю затылком по двери. Я стараюсь не думать о том, почему среди исследований Люка имя Хадсона всплывает несколько раз. Он упоминается только в одной отсылке, но постоянно появляется в связке с четырьмя другими именами.

Сторожевой пес.

— Что это значит? Что это значит для Люка?

Все еще прижимаясь затылком к двери, я поворачиваю голову, напрягаясь, чтобы посмотреть на доску. Центральное место занимает своего рода генеалогическое древо. Ветви с именами запутанно протягиваются все дальше. Только это совсем не генеалогическое древо, а какая-то грязная иерархия.

Его доска с расследованием выстроена совсем не так, как те, к которым я привыкла на работе. Любое дело должно базироваться в центре. Но в схеме Люка отсутствует сама суть дела — преступное действие, но я сделала вывод, что он верит в преступление, над которым сам себя сделал судьей, присяжными и палачом.

«Файзер» — это подпольная торговая компания, специализирующаяся на молодых женщинах. В частности — несовершеннолетних девочках. Приобретаемых в других странах и доставляемых клиентам «Файзер» в США.

В это я могу поверить. Мое собственное расследование вращалось в основном вокруг Милтона Майера и незаконных сделок по секс-орговле людьми. Я так и не нашла «Файзер». Я не смогла связать Лауру ни с Майером, ни с какой-либо другой подставной компанией. И я действительно не обнаружила никакой незаконной деятельности.

Я не имела доступа к нужной информации.

Она была местной девчонкой с визиткой, которую могла взять где угодно. На что неоднократно указывал Хадсон.

Но у меня было предчувствие. Интуиция. Инстинкт копа.

Вот почему я должна была найти легальный доступ к компании Майера. Мне нужно было быть ближе к нему самому.

Если я сделаю шаг назад и посмотрю на дело в целом, то смогу увидеть пробелы. Недостатки. Слабые места, которые нужно закрыть, чтобы выстроить прочный каркас. Люк не был нанят Майером или кем-то, кто был связан с ним, чтобы положить конец моему расследованию, как я сначала предположила. Люк действует в одиночку, преследуя этих людей, как часть своей собственной программы мести за убитую сестру.

Если рассматривать его позицию слишком детально, как под микроскопом, то все выглядит довольно шатко. Но, посмотрев с достаточного расстояния, я смогу увидеть, как Люк вышел на эту теорию. Он ранен. Зол. Полон ненависти к этим людям. Прочитав отчет с вскрытия Джулс Истон, прикрепленный к его доске, я испытываю сочувствие и понимание.

Но он совершил ужасную ошибку, нацелившись на Хадсона. У него нет никаких достоверных доказательств того, что мой партнер был связан с этими людьми, кроме фотографии Хадсона и Майера и признания человека по имени Дельмарко. Который, как я догадываюсь, дал это признание под сильным давлением.

Я слышу глухое эхо шагов за дверью. Я лениво отодвигаюсь в сторону, так что на этот раз не блокирую ее.

Когда Люк входит, он быстро закрывает дверь и идет прямо к тарелке, которую принес раньше. Я съела столько, сколько смогла, несмотря на сомнения, что еда могла быть отравленной. Я подумала, что если Люк, в конце концов, собирается убить меня, то он сделает это собственными руками. Яд — это выбор женщины в качестве орудия убийства.

— Ты ошибся в своих исследованиях, — тихо говорю я.

Он поднимает тарелку. Он еще ни разу не взглянул на меня.

— Ты поела. Хорошо. Тебе понадобятся силы.

Я беру документ, который все еще держу в руках, и бросаю ему. Папка отскакивает от его спины, как брошенный с соседней парты смятый в комок лист, вырванный из тетради.

— Мы оба совершили ошибку.

Он снова ставит тарелку на стол. Я уже подумывала о том, чтобы ее разбить и использовать острый кусок, чтобы воткнуть его в яремную вену. Я все еще могу это сделать... позже. Но сейчас я хочу услышать, как он признает свою ошибку. Я хочу увидеть момент, когда он поймет, что убил невинного человека.

— Расскажи мне, — говорит он.

Я указываю на доску.

— Я искала зацепку касательно девушки по имени Лаура Сандерс. Ты сделал то же самое в отношении своей сестры. Две девушки из Сиэтла, которые пропали без вести, а потом либо исчезли, либо погибли.

Он скрестил руки в ожидании.

— ДаркНет специализируется на торговле людьми, — продолжаю я, — как бы это ни было отвратительно. Это правда.

— К чему ты клонишь, Мак?

— Я хочу сказать, что это должно быть очевидно. Для всех, кто не имеет личной заинтересованности в этом расследовании. Лора и Джулис были местными девушками. Их не похищали и не обменивали. Никто из нас не может связать их с «Файзер». Нет никаких доказательств. Здесь нет никаких следов/. Это просто досадное совпадение.

— Кроме «сторожевого пса», — говорит он, внимательно наблюдая за мной.

Я вздергиваю подбородок.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но не делай этого. Именно в этом ты чертовски ошибаешься.

— «Файзер» делает просто аморальное количество денег. Одного этого должно было быть достаточно для самого громкого разоблачения, чтобы покончить с извращениями, которые им управляют, — он медленно приближается ко мне. — Но ты же работала в отделе особо тяжких преступлений. Ты уже составляла профиль на преступников-садистов. Так скажи мне, каков шанс, что их интересы выходят за рамки получения прибыли? Зачем им понадобился «сторожевой пес»? Некий человек внутри системы, который мог предупредить их и защитить. Сделать так, чтобы улики исчезли.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Ничто из того, что ты можешь сказать или показать мне, никогда не заставит меня поверить в это, — я поднимаюсь на ноги. — Я установила связь. А теперь отпусти меня.

Люк возвышается надо мной всем своим ростом, слишком внушительный. Но я отказываюсь чувствовать угрозу. Я слаба, измучена и истощена, но я не отступлю.

— Бери куртку, — бросает он.

Я хмурюсь. Он отпускает меня... с курткой?

— Что?

— Либо куртка, либо поводок, — он лезет в карман и достает собачий ошейник с выдвижным шнуром. — Мы можем бросить монетку.

— Ты не позволишь мне уйти...

— Я же сказал, что, когда ты установишь связь, то сможешь покинуть этот подвал. Я человек слова. Так что хватай гребаную куртку и пошли. Если ты попытаешься сбежать...

— Не попытаюсь.

Его голубые глаза сужаются.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь, потому что тебе любопытно. Потому что ты забралась слишком далеко в недра адского дела, и теперь тебе нужно увидеть дьявола.

Он идет к двери в подвал, размахивая поводком.

Я разбрасываю свою одежду по сторонам, пока не обнаруживаю куртку цвета хаки. Я просовываю руки в рукава, уверяя себя, что он ошибается. Я уже заглянула в глаза дьяволу, и он находится здесь — в этом подвале.

Глава 14

Кости в пепел.

Люк

Мы рождаемся с рецепторами. В отличие от компьютерной системы, мы сформированы из живых и взаимосвязанных органов чувств. Физические клетки нашего тела реагируют на внешние раздражители и передают сигнал в центральную нервную систему. Жар, холод. Боль, наслаждение. Мы — сеть, состоящая из ощущений.

Когда рецептор становится нечувствительным, он немеет. Отмирает.

Существует лимит боли, который человеческое тело может выдержать, прежде чем рецепторы дадут осечку и отключатся. Срабатывает защитный механизм мозга — для нашей же собственной сохранности.

Но как быть с жертвами этого процесса десенсibilизации? Повторное воздействие чего-то, что раньше вызывало боль, становится менее ущемным и отталкивающим. Мы перестаем реагировать на раздражитель, как бы то ни было.

Я веду Макенну к гаражу, и она все внимательно осматривает. Она возбуждена, почти перегружена информацией от того, что ее окружает. Она была заперта в темной комнате почти три дня, почти полностью лишенная возможности чувствовать. Теперь же ее разум намечил выход.

Люк Истон еще три года назад не смог бы представить себе, что запрет женщине в своем подвале. И, более того, он не смог бы вообразить, что когда-нибудь рано утром выведет эту женщину на улицу, чтобы избавиться от трупов.

У меня ушло три года на то, чтобы лишиться себя чувствительности. Годы блуждания по самым темным уголкам Интернета, изучая все те отвратительные деяния, что они совершали. Изображения и видеозаписи самых ужасных издевательств... омерзительные и тошнотворные действия, от которых меня выворачивало.

Я превратился в абсолютно другую версию себя. Я знаю, что в тот момент, когда Макенна выйдет наружу, она попытается убежать, спастись. И я знаю, что когда она это сделает, я совершу что-нибудь ужасное, чтобы предотвратить это. Потому что это то, что я должен сделать.

Так вот каким образом те дьяволы приобрели свою жестокую сущность?

Была ли это искра чего-то неестественного, которое они постоянно подпитывали, пока оно не взревело в бушующий огонь? Моя сестра стала жертвой людей, которые были радикально десенсibilизированы? Является ли Макенна жертвой того же самого процесса, даже если так, найду ли я способы оправдать ее лечение?

Эти мысли тревожили. Сравнить себя с дьяволами, которые причинили вред Джулс. Они даже не были людьми, и все же... единственное, что Макенна видит во мне, это

чудовище.

Я приспособился, чтобы походить на дьявольских созданий, на которых охочусь, и иметь возможность передвигаться в их мире. Это неизбежное зло. Я все еще верю в это. До тех пор, пока я не подарю Макенне ее собственную месть в конце.

Ее взгляд скользит по голым белым стенам.

— Это не твой дом, — наконец, говорит она.

— Мой. — Я нашел его наполовину законченным и заброшенным. У хозяина дома были проблемы с деньгами, и он не мог позволить себе достроить дом своей мечты. Имелись лишь каркас и проект дома. Я выкупил все. Наличными. Легкая сделка для человека, желающего избавиться от долгов.

Я отделал все гипсокартоном и поставил в гостиной стул и компьютер. Никаких фотографий. Никакого телевизора. Никаких личных вещей.

— Пустой дом с подвалом, полным садистских пыточных артефактов, — она идет позади меня. — Ты действительно сумасшедший

Я останавливаюсь перед дверью, ведущей в гараж.

— Полагаю, ты достаточно квалифицирована, чтобы дать мне такую оценку. Нормальные люди не запрыгают на чужие спины в разгар драки.

Я смотрю на нее, чтобы уловить реакцию, и ее лицо задумчиво морщится. Я так и думал. Открывая дверь, я оставляю свет выключенным и нажимаю кнопку подъема ворот. У меня есть четыре машины, которые я меняю. Вероятно, пришло время купить новую, но опять же — время. Я бегу от него.

Я выбираю черный «Чарджер», потому что именно в багажник этого автомобиля я засунул тело Майера.

Пальцы Макенны нервно сжимают бинты, цепляясь за рукава куртки, а зубы впиваются в нижнюю губу. Она переводит взгляд с машины на открытую дверь гаража.

Не делай этого.

Она тянется к дверной ручке.

Я обхожу машину, и, когда сажусь за руль, она выбегает.

Прежде чем вылезти из машины, я глубоко и безнадежно вздыхаю.

— Тебе некуда бежать, — кричу я.

Макенна успела добраться до самой ограды. К счастью, плен не полностью уничтожил ее способность воспринимать реальность. По периметру дома тянется шестифутовый забор, а к фасаду прилеплена ярко-красная наклейка "под напряжением".

Она идет вдоль забора в поисках прохода.

— Пожалуйста... — умоляет она, когда я подхожу. — Я не хочу умирать вот так. Не зная... не видя его в последний раз. Ты не можешь похоронить меня в лесу.

Христос. Я вытираю лицо руками. Я очень устал. Слишком измотан после кражи тела из морга, чтобы справиться с ее безумием.

— Просто садись в эту чертову машину.

Она снова пытается бежать. На этот раз я бросаюсь вдогонку, хватая ее за талию, прежде чем она успевает сделать еще несколько шагов по двору.

— Здесь нет соседей, Мак. Никого. Отсюда нет выхода.

Я несу ее, брыкающуюся и визжащую, к машине, и усаживаю ее на пассажирское сиденье. Мне удается перекинуть ремень безопасности через ее грудь, и защелкнуть его. У меня остался один кабельный жгут, и я использую его, чтобы стянуть ее запястья вместе

вокруг ремня.

Не самый лучший способ ее удержать, но...

— Если ты попытаешься выброситься из машины на ходу, это будет глупо. В конце концов, тебя просто потащит за ремень.

С упрямством она несколько раз дергает ремень, прежде чем сдаться. И я вижу, как сдувается ее смелость.

— А какая у меня альтернатива? Подвал?

В ответ я шлепаю поводком по приборной доске.

Я не могу видеть ее глаза, а мне это необходимо. То, как деликатно я откидываю ее волосы в сторону, кажется мне странным. Мышечная память явно подводит меня за отсутствием практики. Я вижу это по тому, как ее глаза пронзают меня насквозь. Эти темные озера светятся от отвращения.

Она отводит голову в сторону, и я хватаю ее за подбородок, заставляя посмотреть на меня.

— Ты хочешь убить меня или сбежать? Ты не можешь получить и то, и другое, Мак. Сделай свой безумный выбор.

Она плюет мне в лицо.

Я никак не реагирую. Я не двигаюсь, глядя ей в глаза, моя ладонь прижата к ее лицу. Затем я слизываю ее слюну со своих губ с порочностью, которая будоражит давно потухшие угольки похоти.

— Продолжай провоцировать монстра, и я покажу его тебе.

Я захопываю дверцу. Больше никаких игр. У меня есть всего несколько часов, и я хочу добраться к месту до рассвета.

Поляна выглядела именно такой, какой я ее оставил — с россыпью недавно упавших веток от бури. Я припарковался подальше и оставил Макенну в машине, пока убирал брезент.

Гнилостный запах мертвого тела вызывает тошноту и отвращение. Этот смрад встречает меня мощным ударом, когда я откидываю толстый пластик. По всей границе я расставил ловушки для животных, ведь этот запах привлекает хищников: от медведей и до пум.

К счастью, похоже, редкий ливень загнал более крупных животных глубже в лес. Проливной дождь тоже помогает ослабить трупный смрад.

Я возвращаюсь к «Чарджеру» и открываю багажник. А затем, подойдя к переднему сиденью, смотрю на Макенну.

— Ты сможешь мне. И было бы крайне глупо с твоей стороны пытаться сбежать в этом месте. Если ты не умрешь от переохлаждения, то тебя наверняка растерзает медведь.

Я отпираю ее дверцу и достаю охотничий нож. Я одариваю ее долгим, пытливым взглядом, когда просовываю лезвие между ее запястьями.

— Я не собираюсь тебе помочь, — говорит она.

Я разрезаю стяжку.

— Посмотрим.

Вылезая из машины, она осматривает окрестности. Макенна выглядит более спокойной и уравновешенной. Поездка, должно быть, охладила ее пыл. Признаюсь, в подвале я тоже схожу с ума, мне нужно быть на открытом пространстве, чтобы ощущать реальность.

Но моя реальность сильно отличается от ее. Возможно, ей действительно понадобилось всего несколько дней, чтобы сойти с ума.

Я хватаюсь за труп Майера и смотрю на нее с поперх машины.

— Возьми его за ноги.

На самом деле мне не нужна ее помощь. При жизни Майер был худошавым парнем. Мертвым он слегка тяжелее, чтобы таскать его на себе, но я словно создан для этого дерьма. Раньше я был занят не той работой. Я должен был специализироваться на смертельной мести еще в колледже.

К моему удивлению, Макенна хватается за лодыжки, совсем не брезгуя. Она же коп, напоминаю я себе. Она уже видела мертвые тела. Дело в том, что я, честно говоря, мало что знаю о ней. Я был так увлечен Ройсом Хадсоном, что не замечал его напарника. Ее не было на моем радаре.

Как только Майер оказывается у края ямы, я прыгаю внутрь и снимаю крышку с бочки. Макенна прикрывает нос своей курткой.

— Ты оставил Келлера здесь на все это время? — В ее голосе звучит обвинение. Словно я должен был похоронить этот кусок дерьма.

Я извлекаю канистру с бензином из грязи и обливаю им Келлера. Вылезая из ямы, отвечаю ей:

— Нельзя сжечь свежий труп, — я занимаю место рядом с ее хрупкой фигурой и достаю из кармана коробок спичек. Я чиркаю одной и наблюдаю за тем, как огонек танцует, подрагивая в воздухе, прежде чем бросить его в бочку.

Наступает напряженная пауза, когда спичка догорает, а затем огонь с ревом оживает до высокого пламени, быстро охватывая тело словно в аду.

— Люди думают, что все, как в кино, — произносит Макенна. — Мне доводилось исследовать места пожаров. Наполовину обугленные тела. Всегда что-то остается.

Я украдкой бросаю взгляд в ее сторону, гадая, насколько это ехидное заявление должно было оскорбить меня.

— Если только ты не убедишься, что это не так.

На меня накатывает осознание, что мы с ней сейчас разговариваем. Этот разговор тревожил меня, но впервые с тех пор, как началась эта трагедия, мне захотелось поговорить с другим человеком.

— Бензин выгорает, — продолжаю я. — Поэтому необходимо постоянно подливать горючее в огонь. Горящее тело выделяет жир от термического воздействия. Так что ты не сможешь сжечь тело, как хворостину на костре в детском лагере. Металлический каркас емкости отражает поглощаемое тепло. Тело горит быстрее и тщательнее. И ничего не нужно подчищать. Двух зайцев одним выстрелом.

Она смотрит прямо на меня.

— И ты так детально изучил этот вопрос только для того, чтобы избавляться от тел?

— Я использую сварку и ламповую горелку для выдувания стекла. Так уж получилось, что в искусстве действуют те же принципы, что и в смерти.

— Я на это не куплюсь. Смерть уродлива. Нет ничего поэтического или художественного в передозировке или, — она сурово смотрит на меня, — в убийстве.

Я засовываю руки в карманы.

— Огонь по своей природе наиболее приближен к понятию очищения души. Пламя очищает.

— Значит, ты приносишь искупление их душам? — спрашивает она. — Так вот чем ты оправдываешь свои действия?

Я придвигаюсь ближе к ней, заставляя ее поднять глаза.

— У меня есть все необходимые оправдания. Их души ничего для меня не значат... если только они не будут гореть в Аду, когда я с ними покончу.

Она моргает.

— А как насчет грудной клетки? — в ее голосе слышится вызов. Тон звучит почти... взволнованно.

Я подозреваю, что этот диалог больше всего похож на настоящий разговор — и для нее тоже. С тех пор как она потеряла своего напарника. Потому что она больше не детектив.

— Позже я тебе покажу, — отвечаю я. Я спрыгиваю вниз и вливаю в бочку еще одну порцию бензина.

Одно признание — и все будет кончено. Я держу эту тайну при себе. Я просто эгоист. Вот уже три года я наношу удары в полную силу, не сбавляя скорости, и вот теперь я в тупике. Это самое долгое время, что я провел с другим человеком, которого не собирался убивать.

В каком-то смысле я использую Макенну. Я хочу ощутить хотя бы один миг той прошлой, нормальной жизни, которой я пожертвовал. Прежде чем все закончится, я хочу заполучить хотя бы минуту спокойствия. Даже если я сейчас с человеком, который больше всего на свете хочет видеть меня мертвым.

Словно прочитав мои мысли, она вдруг произносит:

— Ты привел меня сюда, чтобы я могла... что? Правильно распорядиться твоим телом?

Я ставлю канистру поверх ямы, подальше от огня.

— Я не хочу быть похороненным рядом с Джулс. Я уже не тот человек, кем был ее брат. Просто выпотроши меня и брось в горящую бочку.

— Вот так просто.

Я киваю.

— Вот так просто.

Она нервно оглядывается по сторонам. Затем поправляет повязку на руках.

— Эту часть я не продумала...

Я вылезаю из ямы, спасаясь от палящего зноя. И устремляю свой взгляд на нее. Она в полном беспорядке. Волосы спутаны в воронье гнездо, одежда сбилась набок. Но в этом ярком свете она — самое прекрасное, что я когда-либо видел.

— Ты хотела моей смерти. Это все, что у тебя есть.

Она кивает.

— Да.

— Месть требует планирования, — говорю я, делая шаг к ней. — Ты должна осознавать без всяких сомнений, что человек заслужил такую смерть. Затем ты должна довести дело до конца. И тебя не должны поймать. Быть наказанной за свершение правосудия, которое ни одна судебная система не осуществит, не соответствует этой цели.

Она моргает в лучах восходящего солнца.

— Ты убил Хадсона.

Я стою неподвижно.

Она быстро втягивает воздух.

— Я знаю, ты считаешь, что он заслужил такую смерть, но ты ошибся. Я не могу допустить, чтобы это сошло тебе с рук.

Я пожимаю плечами.

— Тогда просто передай меня властям. Зачем ты взяла с собой пистолет, Мак? А затем целилась из него?

— Мне никто не поверит. Нет никаких доказательств. Ты сам об этом позаботился.

— Тебе нужно тело.

Она нервно потирает руки, глядя вниз, в яму, на охваченное пламенем тело. Слезы наполняют ее глаза, но она с трудом сдерживает их, шмыгая носом.

— Нет никакого тела.

— Ты зашла в тупик, — говорю я. — Нет тела — нет дела. Ты веришь, что ты единственная, кто может отомстить за своего напарника, и все же...

Ее пристальный взгляд устремляется на меня, и страх вспыхивает за ее гневом.

— Я бы спустила курок, — говорит она.

Я в этом не особо уверен.

— Наверное, все так и было бы, — отвечаю я. — Тогда. В тот самый момент. Укрытая ночью и бурей. Но можешь ли ты сделать это сейчас?

Я слегка колеблю ее уверенность. Убийство — хладнокровное и вынужденное — требует отпущения грехов.

Она была обижена, напугана и рассержена. Она потеряла не только напарника или любовника. Она потеряла весь свой мир. Карьеру. А как насчет семьи? Но в ту ночь я видел, что у нее больше ничего нет. Она совсем одна в этом большом, злом мире.

Я отхожу в сторону и подтаскиваю тело Майера поближе к яме. У нас впереди еще несколько часов.

— Я просто не могу допустить, чтобы это сошло тебе с рук, — ее голос звучит мягко и уязвимо. Надломлено. Я все понимаю. Она теряет запал.

Ну и ладно. Как только я расскажу ей то, что она до смерти хочет узнать, она вернет его обратно, а потом и еще кое-что. Она станет громоотводом для мести. Я совершу свое последнее убийство, и тогда Макенна избавит меня от моего жалкого существования.

Иногда все просто идет по плану.

Глава 15

Разрушение.

Макенна

Я наблюдаю, как Люк с отстраненностью опустошает бочку. Он раскладывает оставшиеся несгоревшие кости поверх прозрачного пластика. Сейчас я должна была бы почувствовать отвращение или возмущение.

Но какого бы чувства справедливости, разделяющего все на черное и белое, на то, что правильно и неправильно, я ни придерживалась, я потеряла его в ту ночь в овраге. Эти люди — ошибка. Они не должны были появляться на свет. Они просто оказались умнее обычного хищника.

Если бы им предъявили обвинение, они бы внесли залог. Наняли высококлассных адвокатов, чтобы затянуть их расследование. Наверняка на многие годы. До тех пор, пока это перестало бы кого-либо волновать. Они бы отсидели срок в какой-нибудь тюрьме для белых воротничков. А потом их отпустили бы на свободу. И это в случае, если бы они вообще были бы осуждены и наказаны. Если бы их дорогие адвокаты не избавились бы от них полностью

с помощью какой-то формальности.

Такие люди, как Майер, за это не платят. У них достаточно средств, чтобы купить себе свободу.

Но это не значит, что Люк поступает правильно. Хотя я уже не знаю, что правильно. И это одна из причин, по которой я не сопротивлялась, сдавая свой значок. Я думаю, он делает то единственное, что в его силах.

Он уничтожает людей, которые причинили боль его сестре, точно так же, как я хочу уничтожить его самого. Всегда кто-то случайно ранен в перекрестном огне. Вы не можете взять правосудие в свои руки, не причинив при этом вреда невинному человеку. Любые действия имеют последствия. Это то, что я знаю наверняка.

Я могу спокойно смотреть, как он заворачивает в полиэтилен кости Келлера и Майера, потому что я терпелива. Ведь он ведет меня к ответу. Люк считает, что он выше закона, и что он полностью уничтожает любые следы улики.

Всегда что-то остается.

Я смотрю на почерневший ствол. Остался лишь пепел, после того как Люк убрал кости. Но этого достаточно. Владеть прахом Хадсона. Для меня этого было бы достаточно.

— Оставим их здесь, — Истон указывает на место, куда собирается спрятать останки, завернутые в пластик.

Подвал Люка представляет собой лабиринт недостроенных плит и стен, своим ужасающим талантом он создает запутанные переходы, тянущиеся через всё подземное помещение.

Здесь слишком темно, чтобы иметь полный обзор, выдувные стеклянные шары дают достаточно тусклого света, чтобы был виден вход. Дверь в подвал находится справа от меня. Винтовая лестница — слева. И я замираю посередине... с костями и пеплом, запертая со всех сторон.

Меня охватывает тревожное чувство, я теряю спокойствие.

— А где ты хранишь пепел?

Он позвякивает ключами в руке. Он не может снова запереть меня в этой комнате... пока нет.

— Где, Люк? — требую я.

Он кладет ключи в карман, и я с облегчением вздыхаю.

— Мы еще не закончили.

Он направляется в дальний угол подвала, где на инкрустированных полках лежат несколько его демонических стеклянных осколков. Он берет в руки кувалду. А затем протягивает мне тяжелый инструмент.

Я почти готова рассмеяться. Это просто безумие. Я смотрю на мешок с костями, потом перевожу взгляд на свои забинтованные руки.

— Я не буду ломать кости.

Склонив голову набок, он говорит:

— Представь, что они мои.

В его голосе не было и капли иронии. Он очень серьезен. Я протягиваю руку, и он вкладывает рукоять кувалды в мою ладонь. Инструмент всего лишь в два раза меньше меня. Я поднимаю его, и задача кажется почти невозможной, будто если я сделаю это, то уничтожу часть себя.

— Она слишком тяжелая, — я бросаю молот на плиты.

Люк двигается позади меня, и я чувствую, как мои защитные инстинкты активизируются. Плечи напрягаются.

— Почувствуй вот здесь, — говорит он, оборачивая руку вокруг меня, чтобы дотянуться до ручки. — Используй ее.

Он опускает свою ладонь на мою, и по моей коже бегут мурашки. Он помогает мне поднять инструмент, я чувствую, что он нацелен сделать. Мы опускаем кувалду вниз. Гулкий хруст костей под молотом проходит сквозь брезент, вибрируя по всей рукояти.

Именно так он полностью избавляется от грудной клетки своих врагов, превращая ее в пыль.

Он отступает, когда я снова поднимаю молот.

— Ты думаешь, что сможешь вернуться.

Я роняю тяжелую рукоять наземь. Громкий удар о бетон эхом разносится по комнате.

— Как только ты сделаешь свое дело, — продолжает он, — отдашь судмедэкспертам останки Хадсона. Притащишь мой труп в отделение и предъявишь как улику. А затем составишь подробный рапорт. И ты уверена, что сможешь вернуть свою жизнь обратно.

Я снова бью молотом по мешку с костями.

— Это единственная жизнь, которую я знаю.

И это самые правдивые слова, которые я когда-либо произносила в этих стенах. Хадсон стал моим напарником вскоре после того, как я поступила на службу в полицию, и как моя мать совершила свое последнее путешествие в другой мир. Я была молода, и у меня не было дома. У меня никогда не было своего места... никогда. Но я нашла его там. С ним. В полиции Сиэтла.

Я опускаю молот, и мои мышцы сводит от напряжения. Но обжигающая боль кажется терпимой, даже в чем-то приятной. Я стараюсь не думать о том, что находится внутри пластикового пакета.

— А что вы делали в ту ночь у оврага?

Его вопрос заставляет меня остановиться. Я замираю над костями, пристально глядя на стеклянные шары, переливающиеся отблесками в темноте подвала. Здесь есть пробелы. Упущенные моменты. Но мне нужно знать о них, чтобы закончить эту историю.

Я с глухим стуком опускаю молот.

— Это было наше место.

Люк самостоятельно заполняет пробелы.

— В такое время. После работы. Вот куда вы отправились, чтобы быть вместе.

Я тяжело дышу, кровь несется по венам, ведь я не привыкла задействовать определенные мышцы. Но я методично опускаю молот вниз. Кости хрустят уже не так сильно. Почти стертые в порошок.

— Да.

— В ту ночь была гроза, — говорит он. — Как долго ты вела расследование в отношении Лауры на тот момент? Шесть месяцев?

Я киваю.

— И Хадсон пытался помешать этому расследованию, не так ли? Он отвез тебя к себе в ту ночь, когда небо разверзлось, и под покровом проливного дождя и темноты он тебя подставил.

Инструмент накренился на моем плече, когда я повернулась к нему лицом.

— Ты сошел с ума. Не пытайся втиснуть свой искореженный мир в мою жизнь.

Глаза Люка превращаются в лед. Они такие холодные... но неземная синева его взгляда держит меня в плену. Все прочее, кроме его глаз, которые видят меня насквозь, кажется искаженным и неправильным.

— Я думал об этом последние несколько дней, — произносит он. — О том, что ты здесь, и том факте, что ты не помнишь часть того, что произошло.

Я не смогла сдержать издевательского смеха.

— Какой-то сумасшедший мститель ударил меня по голове. Возможно, именно это является причиной провалов в моей памяти.

Его ничем не смущает мой ответ.

— Или она избирательна, — он встает передо мной, заставляя меня запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. — Подумай хорошенько, Макенна. Что вы там делали? И что произошло до того, как тебя сбросили с насыпи?

Гнев опалает мои и так взвинченные нервы. Это приводит в бешенство, когда кто-то совсем посторонний пытается выудить фрагменты твоей жизни, которые ты не можешь вспомнить.

— Я трахалась со своим парнем, — я выплевываю это со всем презрением, которое испытываю к нему.

Люк не колеблется, он не отступает. Это еще не все... когда я думаю о прошлом, это все равно, что пытаться смотреть сквозь снежную бурю. Память словно туннель, и я вижу только самый центр. А то, что вокруг, кажется темными размытыми пятнами. Я быстро моргаю, пытаюсь сосредоточиться на мелькающих в памяти кусочках событий.

— Он трахнул тебя, прежде чем попытался убить.

Его слова вытягивают меня из туннеля, и легкие начинают гореть от шока. Я пытаюсь дышать сквозь нарастающую панику.

— Пошел к черту!

— У сторожевого пса была своя работа. До этого момента он пытался защитить тебя, пытался заставить бросить это дело. Вот почему мне не подалось твое имя. Он пытался защитить тебя, но через шесть месяцев понял, что это должно закончиться. Или ты, или он.

— Заткнись, к чертовой матери, — я крепче сжимаю рукоять, представляя себе, что всаживаю ему в висок заостренный конец молота. Я зажмуриваюсь, прогоняя этот образ прочь. Я снова в овраге, глаза застилает дождь.

Я не вернусь туда, и я не вернусь в эту проклятую подвальную комнату. Я взваливаю кувалду на плечо и проскальзываю мимо него, дверь подвала всего в нескольких футах от меня. Я беру молоток и направляюсь прямо к ней, каждый удар причиняет сокрушительную боль моим рукам. Грудную клетку и спину сводит спазмом, будто у меня сердечный приступ. Возможно, так и есть. Но я продолжаю опускать молот, разламывая дверь.

Я чувствую, как он обнимает меня со спины и обхватывает рукоять.

— Остановись.

Я борюсь с ним, зная, что это бесполезно. Но я хочу уничтожить эту чертову дверь. Я хочу разбить вдребезги каждый стеклянный шар, каждую безумную скульптуру. Все, что имеет его отпечаток.

Он с трудом перехватывает из моих рук кувалду, а я слишком измучена болью, чтобы пошевелиться. Мое тело обвисает рядом с ним, дыхание становится прерывистым, слишком много боли, чтобы сделать вдох. Мои руки горят, и мне не нужно смотреть на них, чтобы понять, что раны снова открылись. Я чувствую тепло крови, покрывающей мои ладони.

— В ту ночь ты была не одна, — говорит он, прижимая мою спину к своей твердой груди. Я ненавижу его грудь. Я ненавижу его пронизательные глаза. Я ненавижу то, что не могу пошевелиться, и то, что я не хочу этого делать, ведь его сила — единственное, что удерживает меня на ногах.

— А кто еще там был? — он хочет знать правду.

— Ты.

Кто же еще!

Фигуры двигаются в темноте. Вспышка. Я помню, как рассказывала Хадсону, насколько странно выглядит молния, прорезающая небо. Было так сексуально и эротично заниматься любовью в машине без включенных фар и прямо посреди бури.

Я качаю головой, и внутренности словно стягивает в тугий комок.

— Я могу рассказать тебе, что случилось, — говорит Люк. — Но ты мне не поверишь. Ты должна это вспомнить сама.

Как я могу ему доверять?

— Ты просто лжец.

— Пора возвращаться в подвал.

— Нет, не надо!

Перед глазами вспыхивает лицо Хадсона и его тихое «Прости, Мак».

Дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Это воспоминание захватывает меня целиком.

— Пусть это прекратится. Меня сейчас стошнит.

Я лежу мертвым грузом в руках Люка, пока он пронесет мое тело через дверь. Эта чертова дверь. Я закрываю глаза, я не хочу видеть эту комнату. Запах сырой земли и бетона заполняет мои легкие — он повсюду вокруг меня.

Люк не опускает меня на кровать с разбросанной одеждой поверх. Я жду, когда он сделает это, чтобы использовать свой последний запас энергии и пробиться наружу. Я не могу оставаться в этом месте наедине с собой, с этими воспоминаниями.

— Пожалуйста...

Он перестает двигаться, его руки — единственное, что удерживает меня и не позволяет соскользнуть в омут прошлого.

Я не могу дышать и вцепляюсь в его рубашку окровавленными руками.

— Пусть это прекратится.

И он решает сесть вместе со мной у стены.

— Это будет больно... но поможет, — его руки сжимаются вокруг меня тисками, и удушающая боль становится почти невыносимой, но паника ослабевает. Он отключает мою нервную систему. Я уже видела, как это делают с детьми в участке. Когда они слишком расстроены, чтобы справиться с ужасными событиями, разрушившими их мир.

— Зачем ты это делаешь?

— Это поможет, — снова говорит он.

Я качаю головой, упираясь затылком в его грудь, ненавидя его чертовски мужественный аромат, который приносит мне утешение. Я чувствую головокружение.

— Зачем ты трахаешь мне мозги? Недостаточно того, что ты держишь меня здесь, в ловушке, пытаешься сломить. Нужно еще и мозги мои поиметь?

Его вздох перерастает в тяжелый стон, будто поиск ответа причиняет ему боль.

— Прежде чем посвятить себя мести, ты должна знать, кто твой враг.

Я тяжело сглатываю, в горле пересохло.

— А почему тебя это волнует? И какое, собственно, это имеет значение? Либо я больная, бредящая женщина со скрытыми воспоминаниями, либо просто была неправа, фатально неправа в отношении Хадсона... ничто из этого не меняет того, что должно произойти между нами.

Это тот самый монстр, который притащил меня в свое логово.

Тот самый злодей, который убил моего напарника на моих глазах.

Ничто не изменит этих фактов.

А факты — это то, что имеет значение, то, что можно доказать.

Воспоминания о произошедшем той ночью лишь причинит еще больше боли. Теперь я чувствую, как она буквально ползет по моей коже. С каждой вспышкой, с каждым проблеском прошлого меня накрывает еще одним слоем страданий, и я начинаю раскапывать этот туннель.

— Я скажу, что мы почти квиты.

Его руки все еще крепко обнимают меня, и я утыкаюсь головой ему в грудь, не в силах смотреть на него.

— В этом нет никакого смысла.

Он не отвечает на мой вопрос.

— Ты ворвалась в тот переулок, ведомая свирепой, неистовой силой, и я должен был избавиться от тебя. Но я уже давно не видел ничего более прекрасного. Меня окружали только мерзкие уродливые вещи... а потом появилась ты, вся промокшая, сломленная и прекрасная. Ты украла мое дыхание, заставила меня остановиться... сделать паузу. Я никогда не сомневался в своем следующем шаге.

Я замедляю дыхание, стараясь не двигаться. Мое сердце отчаянно бьется в груди, и я боюсь, что он может услышать это или почувствовать мой учащенный пульс, и он ошибется в том, что я ощущаю.

— Итак, я говорю, что мы квиты, — продолжает он. — Ты проникла в мою голову, ты заразила меня. Ты заставляешь меня думать о другой жизни, когда я уже похоронил эту жизнь. Это очень больно.

Я сглатываю.

— Я причиняю тебе боль. Необходимую боль.

Наконец, он опускает взгляд и убирает волосы с лица.

— Твоя красота слишком жестока.

Этот момент хрупок, и я могу разрушить его, если надавлю слишком сильно... но есть тонкая нить, за которую я могу потянуть, чтобы разгадать правду. Я смотрю мимо шрамов и холодных голубых глаз человека, который разорвал мой мир на части. Мы даже и близко не квиты.

— Так где же его прах, Люк?

Он еще несколько секунд молчит. Затем ловко снимает меня с себя, чтобы встать. Он направляется к двери. Задержавшись в ней лишь для того, чтобы сказать:

— Все вокруг тебя. Кости и пепел в каждом слое бетона, который я проложил в этом подвале. Все мои дьяволы и демоны, Мак. Они все вокруг тебя. Даже он сам. Прямо здесь превратившись в часть этого подвала.

Злая боль.

Люк

Макенна уже два дня не двигается с места. Я думаю, что сломал ее.

Мне пришлось заставить ее поесть. Запихивать по ложке с супом и размоченные крекеры в рот, как больному пациенту. А она была по-настоящему больна. Отрицание — это форма болезни, и ее недуг ввел ее в кататоническое состояние. Она сделала свой выбор — чахнуть в этом подвале, вместо того чтобы принять правду.

Ройс Хадсон никогда не сможет ее спасти.

Воскрешение его костей не изменит ее исход. Та жизнь, которую она знала — ее жизнь детектива — закончилась. Как только она выйдет из этого подвала и вернется в свой мир, как только она вернется в свою квартиру, они узнают.

И на этот раз они постараются закончить работу быстро и качественно.

Таков был план, конечно же. Использовать Макенну как приманку. Вытащить их из глубокой норы.

Только в ее нынешнем состоянии это было равносильно тому, чтобы бросить беспомощного ягненка своре волков.

Я прислоняюсь к стене подвала, наблюдая за ней. Я перенес сюда свою койку из верхней комнаты. Я спал на полу, прислушиваясь, не появится ли она по ту сторону двери подвала. В какой-то момент ночью она все же передвигалась по своей комнате. Потому что бумаги, которые были разбросаны по полу, теперь прикреплены к доске, и там, где она пыталась выбежать из комнаты, она прикрепила их к стене полосками от своей повязки.

Поэтому я продолжаю наблюдать за ней, чтобы не пропустить, что она сделает дальше. До этого момента в том переулке я бы без раздумий принес в жертву этого ягненка. Одна жертва ради общего блага. Должна пролиться кровь, а люди заплатить за свои грехи.

Невинные женщины оказываются сопутствующим ущербом.

Это именно та логика, которой придерживаются люди, за которыми я охочусь уже три года.

Это горькая правда, которую трудно принять. Сколько пользы приносит моя месть? Я вершу справедливость, устраняя одну цель, как тут же появляется следующая. Единственный способ спасти и защитить невинные жизни от страданий — это отрубить голову.

Так что же мне делать с Макенной? Оставить ее гнить здесь в муках? Пока сам схвачу голову главного змея? Я уже думал об этом. Долго и упорно. Желая сделать именно это. Но что будет, если я потерплю неудачу? И не вернусь?

Она станет просто еще одним призраком в этом подвале.

— Тебе не нужно в туалет? — спрашиваю я, не ожидая ответа, но продолжаю пытаться добиться ее реакции.

Два раза в день я вожу ее наверх в ванную комнату. Один раз сегодня уже был. По крайней мере, она проявляет достаточную реакцию, чтобы позаботиться о своих нуждах и привести себя в порядок. Я не уверен, что смогу заботиться о ней, и не хочу проверять это на практике.

Эта мысль заставляет меня сомневаться, смогу ли я на самом деле пройти через все это.

Вместо того чтобы ожесточить меня, она сделала меня слабее.

Я должен отпустить ее. Сейчас самое время. Я могу поместить ее в безопасное место на несколько дней, спрятать подальше. Это даст мне достаточно времени, чтобы сделать то, что

нужно, и исчезнуть.

Если я не умру в попытках завершить намеченное.

После этого она будет уже сама по себе. Если она никогда не признает правду, то это ее вина. Я пытался ей показать правильный путь. Как проклятый суп, который я вливаю ей в рот, я кормил ее ответами всю прошлую неделю, просто ожидая, когда правда вспыхнет и осветит эти темные глаза. Ее невосприимчивое состояние не будет иметь значения для людей, которые ее ищут. Как только я уйду, они спустятся вниз, обрубая последние концы.

— Мне нужно понять, — ее голос становится низким и хриплым. Он кажется бесплотным, потому что она не пользовалась им слишком долго. Если я сделаю резкое движение, она снова замкнется в себе.

Я замираю, не двигаясь с места.

— Что тебе нужно понять, Макенна? — я перестал называть ее Мак. Было бы жестоко называть ее так же, как делал это Хадсон, и я решил не пользоваться этим в своих интересах.

Она не поднимает глаза. Макенна просто лежит, свернувшись калачиком на койке, глядя на свои колени. Ее волосы все еще влажные после душа, и темные пряди закрывают ее лицо, падая на голые ноги. Она натянула на себя мою футболку, прежде чем снова упасть на матрац.

— Спроси меня... обо всем, — говорит она. — Допроси меня.

Запертая в своем собственном сознании, она обдумывала детали в течение последних двух дней. Все правильно. Психически здоровые люди могли бы назвать это обработкой. Я называю это отрешенностью. Если она столкнется с каким-то конкретным фактом, который не может принять, она просто может соскользнуть обратно.

— Почему детектив Хадсон отвел тебя к оврагу? — я уже задавал этот вопрос раньше, и тогда ее ответ был честным. Но и выдавал защитную реакцию.

— Меня подставили, — отвечает она. — Ройс Хадсон привел меня в место, где, как он знал, я ослаблю бдительность и не буду ожидать... — она замолкает, и по ее телу пробегает дрожь. — Туда, где я буду уязвимой. Я была слишком близка к раскрытию участников местной организации секс-торговли, о которой я вела расследование. Это было угрозой для него. Я представляла угрозу. Он был одним из главных игроков — известный, как Сторожевой Пес. Его работа заключалась в том, чтобы защищать...

Я колеблюсь, ожидая, что она продолжит, чтобы установить связь.

— Макенна?

Она надолго закрывает глаза.

— Его работа состояла в том, чтобы защищать этих людей. Не меня.

Я сглатываю комок боли, застрявший в горле. Я не сентиментальный парень. Но видеть, как она обретает смысл в жизни, полной лжи, — это извращенный тип боли. Группа «Файзера» не просто уничтожала девушек — они устраняли всех, с кем вступали в контакт.

До сих пор я не думал о Макенне, как о жертве

Вся эта ярость и бравада, которые наполняли ее... слой за слоем исчезают, когда она открывает правду о себе.

С другой стороны, это может оказаться фарсом. Я не настолько опытен, когда речь заходит о женщинах-заложницах. В отличие от мужчин, на которых я охочусь, это не моя специализация. Аспект, который может навредить мне.

Ее рассуждения вслух могут быть просто проверкой теории. Если она так сильно хочет вернуть свою жизнь, и у нее достаточно доказательств — ее досье, мои исследования,

возможно, это будет ей по силам. С останками своего напарника или без них она может запятнать репутацию полицейского. Подобные дела невозможно урегулировать в полицейском кругу. Понимает ли она, какой это риск?

— Почему Джек Келлер убил Милтона Майера? — спрашиваю я.

Если она уже придумала ответ на этот вопрос, то ее согласие с подвалом будет иметь больше смысла. Здесь она в большей безопасности, чем за пределами этой комнаты.

— Джек Келлер — наемный убийца, — ее глаза встречаются с моими. Впервые за последние сорок восемь часов она по-настоящему видит меня. — Человек, который контролирует организацию секс-торговли, пытается все подчистить за собой.

Я делаю глубокий вдох в ожидании, пока она выстроит полную логическую цепочку.

Она теребит край своей повязки. Я проверял ее руки только вчера. Они заживают, но я решил оставить повязку, чтобы она не повредила руки еще сильнее, если снова потеряет контроль. Мне не нравится не знать, что будет дальше. Она непредсказуема, и это беспокоит меня больше, чем пять наемных убийц.

— Я не должна была входить в офисное здание, — говорит она, разворачивая свои руки. — Меня наняли для расследования, для обычной слежки. Для того, что делают детективы. Но тот выстрел. Джек Келлер не пользовался глушителем. Это было сделано специально, чтобы вытащить меня из машины. Я пошла за стрелком.

— Что это значит, Макенна?

Она сбрасывает использованные бинты с края койки и прижимается спиной к стене. Она знает, из чего сделан этот подвал, и все же не возражает, прикасаясь к этим стенам. Может быть, здесь она чувствует себя ближе к Хадсону. Эта мысль тревожит, но мы ищем утешения даже у тех, кто причиняет нам боль. Иногда мы жаждем этого от них больше всего на свете.

— Что это значит? — повторяет она со вздохом. — Это значит, что меня послали на смерть, — она неуверенно поднимается на ноги, и я почти дергаюсь в ее сторону, но позволяю ей самой обрести равновесие. — Майер и, возможно, еще несколько человек, замешанных в этом деле, отклонились от курса. Они похитили местных девушек. Несколько из них даже оказались мертвы. С этим нельзя было мириться. Такое самоуправство представляло угрозу для более высокого звена в иерархии — для самого главного из них, — она расхаживает по комнате, размышляя вслух. — Вот почему Келлер убил Майера. ИПо этой же причине меня отправили туда. Не стать свидетелем, как я сначала подумала, а погибнуть под перекрестным огнем. Тот же самый человек узнал о моем расследовании и захотел, чтобы я исчезла вместе со всеми, кто задает вопросы или... — она смотрит на меня, — мстит.

Я медленно киваю.

— Кто отправил тебя к тому месту?

— Дженнифер Майер. Жена Милтона Майера и теперь единственный владелец фирмы "Файзер", когда ее муж мертв.

Это заслуживает обстоятельных аплодисментов. Вместо этого в награду я даю ей еще один кусочек головоломки.

— Когда Келлер исчезнет, его место займет кто-то другой. Возможно, они уже это сделали. Это не прекратится, Макенна. Нет, пока не остановят Дженнифер Майер. Мне потребовалось три года, чтобы добраться до этой точки.

Она сжимает подол футболки, дрожь проходит по ее миниатюрному телу.

— Все это делает женщина. Женщина... мучает этих девушек. Почему? Как же так?

Ответ на этот вопрос очень прост.

— Деньги.

— Так вот почему Хадсон был вовлечен в это дело? Ради денег?

Я засовываю руки в карманы. Мои пальцы касаются кулона Джулс.

— А ты как думаешь?

— После того как Хадсон ушел, им понадобилось шесть месяцев, чтобы найти меня. Раньше я для этих людей не существовала. Я думала... может быть, Хадсон защитил меня, укрыл от них. Но ведь это не правда?

Она начинает нервничать, ускоряя шаги. Ее стопы в носках тихо двигаются по бетонному полу. Я сам натянул эти носки на нее, чтобы она не замерзла. Эта мысль бьет меня насмешливым ударом наотмашь.

— Он был на десять лет старше меня, — раздается ее безумный смех. — Десять лет. Боже, я была просто игрушкой, развлечением. Побочным вариантом, когда ему нужна была доза, или чтобы обуздать его... девиантные желания, — она закрывает глаза. — Они не знали обо мне, потому что я была его тайной. А когда я начала вынюхивать что-то о Майере, то выдала себя с головой. Дженнифер посмотрела на меня, узнала, кто я, и установила связь. Она наняла меня, и я добровольно пошла навстречу собственной смерти, — она дергает футболку. — Я сама виновата в этом.

Когда она подходит ближе, внутри меня начинает сигналить тревога.

Ее влажные, спутанные в роскошные волны волосы сочетаются с диким блеском в глазах. Она бесстрашно приближается ко мне. Я позволил ей подойти, прежде чем поднял руки, чтобы остановить ее. Я обхватываю ее за плечи, удерживая на безопасном расстоянии.

Она прикасается ладонью к моей груди, а затем медленно опускает ее вниз, заставляя мои мышцы напрячься. Я резко втягиваю воздух от ощущения ее прикосновения.

— Маккенна...

Предупреждение в моем голосе ее не останавливает. Она дотягивается до пояса моих джинсов, и ее пальцы скользят ниже, прежде чем она опускает руку в мой карман. Я все еще сжимаю ее плечи, когда она достает кулон.

— Это мое доказательство, не так ли? — ее голос срывается. — Доказательство того, что Хадсон занимался этим не только ради денег. Он творил ужасные вещи, а потом заставил меня носить на себе его трофей.

Я делаю тихий вдох.

— Да.

Она сжимает ожерелье дрожащей рукой, заставляя покачиваться кулон.

— А на сколько лет я выгляжу? — Когда я не отвечаю, она добавляет: — Без макияжа на семнадцать? Может быть, шестнадцать лет? Я маленького роста. Пять и один фут. Я всегда выглядела моложе своего возраста. Сколько лет было твоей сестре?

Я проглатываю жгучую боль.

— Шестнадцать.

Ее пристальный взгляд изучает мое лицо.

— Я была девственницей, когда встретила его, — признается она.

Христос.

— Макенна, остановись.

Она отрицательно качает головой.

— Так и было. Я была нетронутой и чистой. Видимо, все, как он любил. Наверное, именно это и привлекло его поначалу. Но позже... я поняла, что он теряет интерес. Это то, через что проходит каждая пара, или то, о чем я читала в интернете. Но ведь это нельзя назвать обычной проблемой, да? Проблемой здоровой пары. Моя грудь, — она хватается себя за грудь и крепко сжимает. — Она стала больше. Моя мать, перед тем как покончить с собой, говорила, что я буду таким же поздним цветком, как и она, — и ее смех звучит глухо и надломлено. — Именно это во мне изменилось со временем. Я больше не была похожа на маленькую девочку.

Она прижимается ко мне всем телом, распалая огонь, и каждая клеточка моего тела борется, чтобы не прикоснуться к ней в таком состоянии. Я не двигаюсь, позволяя ей делать то, что ей нужно.

— Но тебе же нравятся моя грудь, — продолжает она. — Я тебя возбуждаю. Женщина может сказать, когда мужчина ее хочет. Маленькая девочка не сделает этого для тебя, но пленница? — она улыбается. — Да, именно это — позволить контролировать и обладать властью.

Когда ее ладонь скользит вверх по моей руке, я перехватываю ее запястье.

— Тебе нужно поспать.

Ее рука сжимается в кулак, цепочка спутывается между пальцами.

— Ты думаешь, что ты не такой, как они, что ты совсем другой монстр. Но это не так. Ты такой же, как и они, Люк Истон. Как ты хочешь, чтобы тебя называли? Они используют девушек... а ты планировал использовать меня.

Я забираю ожерелье у нее из рук, прежде чем проталкиваю ее запястья между нашими телами.

— Я делаю то, что должен, — признаюсь я.

Она медленно кивает.

— Вот почему ты принял решение держать меня у себя. Вместо того, чтобы избавиться от проблемы, после того как понял, что я была целью, что была уже мертва, — она горько смеется, — ты знал, что можешь использовать меня.

Я этого не отрицаю. Я и есть чудовище. Но в этом было нечто большее — нечто более значимое, чем просто приманка для Дженнифер Майер.

— Мне нужно было знать, каково это запереть женщину в подвале, — говорю я. — И услышать ее крики и мольбу о пощаде. Чтобы ее отпустили на свободу... Мне нужно было знать, что я не сломаюсь.

Ее брови сходятся вместе.

— «Это место было предназначено не для тебя», — шепчет она. — Именно это ты и сказал, когда привез меня сюда. Я все слышала.

Я никак не могу оставить ее. Мне больше нечего сказать, и я должен уйти. Но я не могу оставить ее.

— Я все еще здесь, — говорит она, откидывая голову назад. — Ты еще не воспользовался мной, а я все еще здесь, — она приподнимается на цыпочки и шепчет мне прямо в губы. — Я не думаю, что ты хочешь отпустить меня, Люк.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю, что им потребовалось шесть месяцев, чтобы найти меня, — говорит она с вызовом в глазах. — Отчасти это была грязная тайна Хадсона, но другая причина, по которой они ненашли меня сразу, заключалась в том, что ты убил единственных людей,

которые знали обо мне. Ты столкнул меня в овраг, чтобы я была в безопасности, пока ты избавляешься от плохих парней. В ту ночь ты меня не убил. И до сих пор не сделал этого.

Я тяжело выдыхаю...

— Я не герой. Я далек от этого... Если бы ты видела мое лицо в ту ночь, я бы убил тебя. Все очень просто.

— Нет. Я так не думаю. Ты не убил меня тогда, и ты не убил меня в переулке.

— А должен был. — Мне следовало поступить иначе. Эта ситуация кажется опасной.

Она пытается высвободить руки, но я прижимаю их к ее бокам, не позволяя ей прикоснуться ко мне. Она встает между моих ног, тесно прижимаясь ко мне, и каждая клеточка моего тела воспаляется.

Я балансирую на краю пропасти. Контроль ускользает. Это нужно прекратить.

— Я отведу тебя в постель, — я разворачиваю ее и хватаю за талию. А затем тащу ее к койке. — Игры закончились. — Она просто морочит мне голову.

Пока я укладываю ее на матрас, она наблюдает за мной. Я собираюсь уйти, но она хватается за руку. Она недостаточно сильна, чтобы заставить меня остаться, но меня останавливает не это. А ощущение ее пальцев, переплетающихся с моими.

— Я слышу, как ты, — выдыхает она, — разговариваешь сам с собой. Разговариваешь со стенами. С подвалом, — она встает на колени, почти поравнявшись со мной. Ее пальцы тянутся к моему лицу, и я отстраняюсь.

— Позволь мне, — шепчет она. Это не просьба и даже не требование. Отсутствие страха и отвращения в ее голосе успокаивает мою кровь, и дыхание замедляется, когда мягкие подушечки ее пальцев находят неровные шрамы на моем лице.

— Хадсон сделал это с тобой, — произносит она.

Моя рука обхватывает ее запястье, и я останавливаю ее.

— Ты довольно хорошо его раскусила, — говорю я и отодвигаю ее на пару дюймов от себя, мне нужен воздух, чтобы подумать. Ее запах буквально окружает меня, крадет гребаный здравый смысл.

— Ему нравилось наносить мне эти шрамы. Он был ненормальным, Макенна. Хищник-садист, которому нравилось причинять боль. В ту ночь, в овраге, я сделал свой выбор. Да, я пощадил тебя. Но не спас. Не путай два этих понятия. Я был сосредоточен на том, чтобы покончить с Хадсоном, а ты просто мешала.

— А почему он тебя порезал?

— Если ты не можешь убить своего врага, то покалечь его, — отвечаю я. — Он пометил меня, потому что был грязным копом, но все же копом. Шрамы на моем лице делали меня более узнаваемым. Это ведь полицейские штучки, верно?

Она не отвечает, но я вижу боль в ее глазах, пока она изучает меня

— Господи, Макенна. Поспи немного. Твое поврежденное сознание издевается надо мной, — я пытаюсь уложить ее на спину, но она не отпускает мою руку.

— Эти голоса отвечают тебе, да? Я тоже их слышу. Называют меня ребенком. Наивным ребенком, что поверил ему. Я же офицер полиции. Я была детективом. Меня учили распознавать отклонения в поведении преступников, и все же я упустила все признаки, которые он проявлял.

Я крепко сжимаю ее руку. Какое дерьмо осталось от "хорошего" парня. Я не знаю, что еще можно сделать. Возможно, заставить ее увидеть правду было неправильным решением. Невежество гораздо добрее к ее чувствам.

Я ставлю одно колено на кровать и снова пытаюсь уложить ее, чтобы она отпустила меня.

Ее руки обвиваются вокруг моей шеи.

— Давай устроим представление стенам. Вотрем его в лицо Хадсону. Пусть он посмотрит, как ты меня трахнешь.

Член мгновенно реагирует, хотя мозги знают, что лучше для меня. Я пытаюсь высвободиться из ее объятий, но она цепляется за меня, упираясь бедрами прямо в затвердевшую длину, спрятанную в штанах.

— По-моему, ты свихнулась, — говорю я. — Это извращение.

Она смеется.

— Мой похититель называет меня извращенкой, какая ирония судьбы, — она теснее прижимается ко мне, двигая бедрами, уничтожая остатки моего контроля. — Трахни меня, Люк. Давай дадим голосам то, о чем они действительно говорят.

Я на мгновение закрываю глаза, просто чувствуя, как ее мягкое тело обволакивает меня... легкое прикосновение ее дыхания к моему рту. Я удерживаю каждую унцию контроля и хватаю ее за бедра. И затем бросаю ее на матрас.

— Нет, — мой голос звучит строже, чем я чувствую себя на самом деле в этот момент.

Ее ноги обвиваются вокруг моих икр, и, лежа подо мной, она шепчет:

— Иди ко мне. У меня есть секрет.

Я думаю, что сломал ее.

И все же я хочу глубоко погрузиться в нее, чтобы заставить ее забыть.

Я и сам хочу забыть.

Она елозит бедрами, привлекая мое внимание к промежности, раздвигая ноги в стороны для меня, и это самая сексуальная гребаная вещь, которую я когда-либо видел.

Боже, помоги мне, я склоняюсь над ней, накрывая ее тело своим. Прямо сейчас я — мазохист. Мучая себя прикосновением ее тела, желая ее так сильно, что могу затеряться во всем этом вместе с ней.

Затем моя шея встречается с холодным давлением стали.

Глаза Макенны теряют сексуальную и несфокусированную дымку, когда она поднимает глаза прямо на меня. Она сжимает рукоятку моего охотничьего ножа в левой руке, /целясь лезвием прямо в артерию на моей шее

Черт возьми! Я должен был это предвидеть.

Она облизывает губы, все еще такие соблазнительные.

— Так кто теперь держит ситуацию под контролем?

Глава 17

Болезнь.

Макенна.

Нож в моей руке кажется тяжелым, рукоятка слишком велика для моей ладони. Несмотря на то, что это незнакомое мне оружие, я держу его крепко. Я знала, что в следующую секунду Люк потеряет бдительность, и воспользовалась этим. Я действовала.

Теперь я уже не могу колебаться.

— Контроль всегда был у тебя, — говорит Люк. Его взгляд скользит по моему лицу. —

С той самой секунды, как ты посмотрела мне в глаза в том переулке, ты завладела всем.

Я с трудом сглатываю. Моя рука дрожит.

— Я не запирала саму себя в этом подвале, — бросаю я вызов.

— Нет. Но ты хотела получить ответы. И это был единственный способ заполучить их, — каждый раз, когда он произносит слова, лезвие дергается, прочерчивая красную линию там, где сталь касается его кожи.

Его бедра покоятся между моими. Ощущение тяжести его тела на мне и давление затвердевшего проявления его желания, все еще прижатого ко мне, делают эту ситуацию еще более опасной.

В моих ли руках контроль?

У меня есть оружие. Все, что мне нужно сделать, это провести лезвием по его шее. Но угрожающее и болезненное ощущение, которое перетягивает мое внимание на себя, заставляя задаться вопросом, почему я тяну время.

Я же не убийца.

Когда пришло время, я могла нажать на курок на складе. Я была разбита. Слаба, напугана и жаждала мести.

Но после всего, что я обнаружила...чего же я жажду сейчас? Справедливости? Возмездия? Кто же должен заплатить за всю эту боль?

— Я просто хочу уйти, — говорю я. — Вот и все. Просто позволь мне уйти.

Взгляд Люка блуждает по моему лицу, медленно и осторожно.

— Дверь прямо там. Ты можешь уйти в любое время, когда захочешь.

— Я не могу.

— Почему?

Я хочу закрыть глаза, чтобы не видеть его лица... этого прекрасного лица, испещренного шрамами. Но я не могу отвести от него глаз, я не могу колебаться.

— Потому что ты придавливаешь меня сверху.

— Так убей меня.

Ключ. Я протягиваю руку к его карману, и он перехватывает мое запястье, прижимая его к матрасу. — Твой выбор говорит за тебя, Макенна. Точно также ты могла бы с легкостью украсть ключ и сбежать в любое время. И все же твоя жажда правды победила. Разве мы чем-то отличаемся? Как ты можешь быть менее чудовищной, чем я? Сделай это. Ты хотела отомстить. Отомсти сейчас.

Я крепче сжимаю рукоять ножа.

— Я не такая, как ты.

Его улыбка — знающая и прекрасная — пронзает меня насквозь.

— А ты не хочешь подбросить монетку? Орел — ты перерезаешь мне горло. Решка — я тебя трахаю.

Я смещаю лезвие на миллиметр, наблюдая за тем, как оно окрашивается красным.

— Я могу сделать и то, и другое.

— Я могу обещать, что и то, и другое доставит тебе удовольствие. Даже вызовет привыкание. Есть тонкая грань между похотью и ненавистью, — его бедра упираются в меня, и пульсация глубоко внутри моего тела лишает меня рассудка. Я делаю глубокий вдох, и он останавливается. — Мне любопытно... если бы я трахнул тебя достаточно сильно, если бы я мог разорвать тебя пополам, разрешило ли бы это мою дилемму.

— Дай мне ключ, — с трудом выговариваю я.

— Для этого тебе придется убить меня.

Я пытаюсь высвободить зажатую им руку, ведь мне нужны обе руки, чтобы держать нож, но он лишь крепче сжимает мое запястье.

— Ты сможешь. Просто двигайся дальше. Пройди сквозь кожу. Надави достаточно сильно, чтобы повредить хрящ и перерезать сонную артерию. Я обещал тебе, что ты заберешь мою жизнь. Она твоя. Но ты должна пообещать мне, что не остановишься на этом. Отомсти, вступи в схватку с Дженнифер Майер. Если ты прикончишь меня здесь и сейчас, то будешь мне должна. Заставь ее заплатить за то, что сделали с моей сестрой. Если ты мне это обещаешь, я не буду сопротивляться. Тебе с легкостью удастся меня убить.

— Как вообще убийство может быть легким, ты, ублюдок? — я чувствую, как наворачиваются слезы, и сдерживаю их. Мои эмоции не соответствуют тому, что я чувствую... но я уже не знаю, что чувствую.

— Ты вся дрожишь, — говорит Люк. — Это просто страх.

Я издаю презрительный смешок.

— Чего ты хочешь, Макенна?

Я качаю головой, прислонившись к койке.

— Освободиться.

— Освободиться от чего?

Я устала бояться, сомневаться в своем прошлом, сомневаться во всем. Если отказ от контроля означает освобождение от боли и страха, тогда я должна встретиться лицом к лицу со своими демонами. И теперь я смотрю прямо в одни из этих демонических глаз.

— Если я открою эту дверь, куда ты пойдешь? Что будешь делать?

Я закрываю глаза. Слеза скользит по моему лицу, стекая по виску.

— Кто-то должен заплатить.

Его большой палец скользит по нежной коже моего запястья.

— Я устал расплачиваться, — произносит он. — И я думаю, что и ты заплатила достаточно.

Я делаю неглубокий вдох, ощущая тяжесть. Его свободная рука касается моей талии, а пальцы скользят по чувствительной коже моего бедра, посылая электрический ток через мое тело, пронзая каждое нервное окончание. Чудовище все еще здесь. Я вижу его в вызывающем голубом пламени его глаз. Люк заставит их заплатить.

Моя месть... она принадлежит не мне. Она не моя собственность.

Как только я осознаю это, тяжесть отпускает мою грудь. Я не жертва, и я не позволю Хадсону превратить меня в жертву.

Я убираю нож с шеи Люка и снова поднимаю руку над головой. Давая безмолвное разрешение. Он скользит пальцами вверх по моим ребрам, осторожно касаясь кожи, пока не достигает руки, все еще сжимающей нож. Его большая ладонь накрывает мою.

— Скажи это, — его рот оказывается ниже, прямо у моих губ. Его слова, вырывающиеся с теплым дыханием, звучат как вызов. — Я не сдвинусь ни на дюйм, пока ты не скажешь это вслух.

Я знаю, что ему нужно услышать, но мое горло словно перехватило и сжало, не позволяя выдать ни звука. Он совсем не такой, как те люди, которые загнали нас в это место и уничтожили. Превративших нас в дьяволов, и все же я не могу сказать ему это, потому что я все еще вижу его синие свирепые глаза сквозь шторм, пока он забирает чужую жизнь.

Он выхватывает нож из моей руки и подносит его к моему лицу. Лезвие не касается

меня, но оно не менее опасно.

— Ты мне доверяешь?

— Нет. Никогда.

Он останавливается.

Я делаю глубокий вдох.

— Единственный человек, которому я доверяла настолько, чтобы позволить прикоснуться ко мне, был недостоин этого. Он осквернил меня. Я была молода и нетронута. Хадсон не может быть последним мужчиной, который когда-либо прикасался ко мне, — я облизываю губы. — Я хочу, чтобы память о той последней ночи была стерта навсегда.

Люк пристально смотрит на меня.

— Сначала я чудовище, а теперь святой? Ты же не думаешь, что я не хочу осквернить тебя? Я хочу сделать нечто плохое, я хочу сделать с тобой много плохих вещей, Макенна. Я же не гребаный святоша.

И я чувствую, насколько яростно его желание. Я двигаю бедрами под ним, грубый шов его джинсов цепляется за мои прозрачные трусики, и я чувствую... полный контроль. Этот чудовищный человек возвышается надо мной, доминируя во всех отношениях, все же я та, кто обладает властью над ним.

Я чувствую, что он на грани, и желание бороться с плотскими желаниями ослабевает. Я выгибаю спину, наблюдая за тем, как его зубы впиваются в нижнюю губу, пока он пытается сохранить контроль.

Я медленно подношу руку к его лицу. Он пытается отстраниться, но я все равно дотрагиваюсь до него. Я благоговейно обвожу пальцем его шрамы. Чувствуя неровность кожи и глубину порезов.

— Я ношу свои шрамы внутри, — произношу я, когда мои пальцы касаются его губ.

Его рот ловит мои пальцы, захватывая зубами, а затем мягкие губы покусывают их. Он отпускает меня и говорит:

— Как думаешь, каково это будет — отдаться мне?

Я все еще чувствую на себе руки Хадсона. Он всегда был нежным, ласковым. Я думала... потому что он любил меня. Но теперь я знаю, что, возможно, причина была в другом. Просто думая о том, чего он действительно хотел, и что проделывал в тайне, садистки и безжалостно пытая своих жертв... мои мысли уносятся в самые темные закутки сознания. В гораздо более мрачное место, чем этот подвал. И я должна сделать так, чтобы это прекратилось.

— Мне нужно знать, каково это, когда тебя хотят, — выдыхаю я. — Больной... развратный... мне все равно, лишь бы ты хотел меня.

То, что сдерживало Люка, разбилось вдребезги. Плотину прорвало, и Люк, наконец, сдается, вся сила его веса обрушивается на меня, когда он толкается между моих бедер, крадя мое дыхание.

— Я хочу тебя, — его рука смыкается вокруг моего горла. — Я так сильно тебя хочу, что вытрахаю этого больного ублюдка прямо из твоей головы, — он прижимает меня к кровати, и нож появляется у моего ворота. Я слышу, как рвется ткань, когда он разрезает мою футболку, прежде чем холодный воздух касается обнаженной кожи. Оставшуюся часть он рвет руками.

От паники у меня перехватывает дыхание, на краткий миг я боюсь того, кого сама выпустила на свободу. Мои пальцы скользят по его плечам в поисках опоры, и я впиваюсь в

них, сжимая его рубашку, чтобы обрести хоть какой-то контроль.

Его пристальный взгляд блуждает по мне, задерживаясь на обнаженной груди, и я вижу в нем голод — то, чего никогда не видела в глазах Хадсона, грубое, распутное желание. Люк смотрит на меня так, словно хочет овладеть мной и поглотить меня. Словно он на грани боли, пока не внутри меня.

И это самое опьяняющее чувство. Я опьянена этой силой, тем, что могу полностью владеть им.

Его голова опускается вниз, когда он приближается, чтобы попробовать меня на вкус. Я задерживаю дыхание в предвкушении, чувствуя, как его волосы касаются моей челюсти, простреливая низ живота острым желанием. Он начинает с моей шеи, поцелуй слишком нежный... и это пытка. Я дрожу, то ли от нервов, то ли от страха, а, может, от паники, я не знаю. Но я хочу этого — хочу его. Когда он прижимает меня к матрасу, его рот скользит по линии моего подбородка, прежде чем его большой палец поднимает его вверх и он захватывает мой рот.

Все мысли исчезают из моей головы, когда его язык глубоко погружается, переплетаясь с моим в чувственном поцелуе, который контрастирует с грубым ощущением его ладони, путешествующей по моему телу.

Из меня вырываются стон прямо сквозь поцелуй, и это все, что нужно — один отчаянный звук, чтобы отправить его за грань. Он хватается за край моих трусиков, сжимая их в кулак. Его бедра тяжело давят на мои, прижимая меня к кровати, и он срывает тонкую ткань с моего бедра. Затем он прочерчивает линию через тазовую косточку и бедро, прежде чем крепко обхватить мою задницу своей большой ладонью, устремляясь пальцами ниже...

Люк склоняется к моему уху, тяжело дыша.

— Здесь ты девственна?

Я судорожно выдыхаю, мои глаза плотно закрываются от ощущения его пальца, прижатого к моему анусу.

— Да.

Он стонет и покусывает мочку моего уха, заставляя мои бедра изгибаться, ударяясь о него.

— Не будь таким нежным, — прошу я его. Хадсон использовал меня, чтобы удовлетворить какую-то извращенную потребность, и я думала, что это нормально. Что со мной обращаются так деликатно. Но это была всего лишь уловка. Я была прикрытием, чтобы защитить его. — Делай, что хочешь, и так жестко, как хочешь.

Мне нужно почувствовать, каково это быть взятой силой, подчиненной всеми способами, далекими от нормальных, когда мужчина не может совладать с собой. То, о чем пишется в любовных романах. Горячий и грязный секс, который заставляет тебя кричать.

Словно ему требовалось разрешение от меня. Вес его тела исчезает, и на меня обрушивается шквал ярких ощущений, заставляя задыхаться, когда он спускается вниз по моему телу, прокладывая себе путь губами и руками, стремясь к точке между бедрами. Он раздвигает мои ноги шире и тыльной стороной ладони прижимается к клитору, заставляя мои бедра оторваться от матраса.

Прижимая большой палец к комочку плоти, другим он толкается внутрь меня сзади, заставляя держать бедра приподнятыми от острых ощущений, пронзающих тело. Я поднимаю руки над головой, чтобы нащупать стену и найти опору, пока его рот смыкается на моей плоти, а пальцы продолжают работать, делая мое тело все податливее.

Давление внутри меня нарастает, я чувствую, что перегружена ощущениями, захлестнувшими меня, вероятно, в этом и был смысл. Слишком интенсивная стимуляция, и поэтому я не могу сосредоточиться на боли в области заднего прохода. Его язык скользит по клитору в пульсирующем ритме, распалая меня изнутри. Я словно наэлектризованный комок нервов, пытающийся контролировать свое дыхание.

В моей груди разрастается страстное томление, и каждое прикосновение его языка отзывается в ощущении толкающихся в меня пальцев. Все мое тело сведено от напряжения в нарастающем удовольствии. Мою голову наполняют идиотские мысли. О том, насколько происходящее действо было неправильным и грязным. И я должна испытывать боль, а не находиться на краю гребаной кульминации.

Внезапно все прекращается, и мое тело безвольно падает на кровать. Люк приподнимается и протягивает руку за голову. Он стягивает с себя рубашку, обнажая твердую плоскость груди, сухожилия и мышцы, которые я только что ощущала над собой. Резкий изгиб его V-образной мышцы уходит вниз за пояс джинсов, и я похотливо прослеживаю за ней, пока он нависает надо мной, одновременно спуская молнию. Этот звук вызывает пульсирующую боль, а затем я ощущаю касание его гладкого члена, прижатого к моему центру, заставляющего мои внутренние мышцы болезненно сократиться.

— Я хочу тебя... и я хочу, чтобы ты сжимала мой член, когда кончишь, — его рот обрушивается на мои губы, лишая меня рассудка, и я обхватываю ногами его бедра, используя ступни, чтобы стянуть его джинсы вниз.

Он прерывает поцелуй только для того, чтобы задрать мою порванную футболку вверх и завязать ее на запястьях, удерживая мои руки в плену. Затем его тело накрывает мое, и твердая длина трется о мой клитор, скользя по набухшим губам, раскрывая их и толкаясь внутрь.

Я крепко зажмуриваюсь, чтобы не чувствовать, как он погружается внутрь до самого упора. Его глубокий стон грохочет у самого уха, и мое тело реагирует, принимая его целиком. С наших губ срываются горячие проклятия, когда он подается назад ровно настолько, чтобы снова погрузиться в меня. И он ведет себя не особо нежно со мной. Он крепче сжимает футболку, стягивая мои запястья вместе, пока его бедра ударяются о мои. Он обхватывает свободной рукой мое бедро и подпирает его коленом, подтягивая мою ногу вверх, чтобы он мог трахать меня так сильно и глубоко, как ему хочется.

Я умоляю его не останавливаться. Я не разбираю собственных слов, срывающихся с губ, которые сплетаются в страстный поток просьб и приказов каждый раз, когда он покидает мое тело, и крики удовольствия, оглушающие меня, когда он погружается в меня.

Его ни с чем несравнимые прикосновения очищают мой разум и тело от любых мыслей о прошлом — от каждого воспоминания о прикосновении Хадсона ко мне. Теперь я понимаю, что имел в виду Люк на месте сожжения. Огонь очищает. Я чувствую, будто меня опалило изнутри, и каждая запятнанная частичка меня, каждый поврежденный кусочек плоти сгорел дотла, позволяя на своем месте взойти чему-то новому.

Теряя контроль, он, наконец, отпускает мои руки, чтобы я могла дотронуться до него. Я нащупываю его затылок и прижимаю к себе, вернее, прижимаю себя к нему. Мы так тесно переплетены друг с другом, что двигаемся как единый организм. Я чувствую момент, когда он оказывается на грани, и его толчки становятся быстрее, а член становится еще более твердым, как и мои внутренние мышцы, плотно сжимающиеся вокруг него, и когда он входит в меня в последний раз, оставаясь глубоко внутри, его грубое рычание проносится

сквозь меня, пока я разбиваюсь на тысячи осколков.

— Христ... — недоговаривает он, опалая жарким дыханием мое плечо.

Я запускаю пальцы в его волосы, хватаюсь за них на мгновение и срываюсь в пропасть.

— Я хочу большего, — слышу я свой голос. Только один раз... и я уже наркоманка. Мне даже не стыдно признаться в этом. Быть желанной может войти в привычку для того, кто никогда по-настоящему этого не чувствовал. — Я хочу, чтобы ты коснулся каждого дюйма моего тела, — шепчу я.

Он приподнимается на локтях, его голубые радужки настолько прозрачные, что это поражает.

— Ты станешь моей погибелью.

Я перестаю дышать, но затем его рот ловит мои губы, и воздух взрывает мои легкие. Как и в тот момент, когда он делал мне искусственное дыхание, я чувствую себя очнувшейся. Живой.

Люк перекатывает меня на себя, и скачу на нем, пока не выдыхаюсь. Мы трахаемся у стен и у двери в подвал. Мои ногти скользят по бетону, когда он толкается в меня и прогоняет всех демонов, притаившихся в самых темных уголках моего сознания.

Глава 18

Кроличья нора.

Макенна

Я вслушиваюсь в медленное и ровное дыхание Люка, лежащего рядом со мной на кровати. Он спит крепко и глубоко. Я же лежу без сна уже по меньшей мере час. Просто уставившись на потолочные балки.

Я чувствую, что сама не своя. Вероятно, в моей жизни происходит много всего, с чем мне надо иметь дело, прямо смотреть проблемам в лицо и ощущать определенные эмоции. Но сейчас я в приятном оцепенении. Впервые, с тех пор как я потеряла Хадсона, я ничего не чувствую.

Но все это в компетенции психотерапевта. Об этом я подумаю позже. Как только, наконец-то, освобожусь, и у меня появится время все обдумать. Когда моя жизнь снова будет в безопасности, полная скучной рутины, типа просмотра телевизора. Именно тогда наступает момент самокопания. Попытки исправить то, что сломано, попытки понять, как стать нормальной.

Сейчас об этом даже не стоит думать, но это хорошая цель на будущее.

А пока я смотрю на потолок, прослеживая за линиями балок, тянущихся до самого стыка со стеной. Слушая дыхание Люка рядом с собой. Убедившись, что он пребывает в цикле быстрого сна, я опускаю сначала одну ногу с кровати, а затем другую.

Я проверяю, насколько могу устоять, когда сползаю с матраса. Я дрожу и чувствую боль, и когда направляясь к брошенным на пол джинсам Люка, особо болезненные ощущения пронзают область бедер. Это не такая уж плохая боль, она свидетельствует о том, что тебя хорошенько оттрахали.

Я продолжаю цепляться за эту мысль, отодвигая все прочие о Хадсоне на задворки сознания. Я поднимаю джинсы Люка, слыша звон ключей в кармане.

Беру ключи и нож, который все еще валяется у подножия кровати.

Я надеваю рубашку через голову и натягиваю трусики. А затем и джинсы поверх них, пока ищу...

Что?

Мой пиджак? Что мне нужно взять с собой?

Когда я смогла нащупать замочную скважину на двери подвала, пока Люк яростно толкался в мое тело, на мгновение меня охватил восторг — это было обжигающее чувство триумфа.

Теперь же я смотрю на дверь подвала.

Я могу уйти отсюда... и начать новую жизнь.

Я могу оставить Люка Истона. Как и Хадсона и этот подвал, и мою квартиру на чердаке, которую я так и не закончила обживать, и мою запятнанную карьеру... я могу оставить все это позади.

Я буквально смогла увернуться от смертельной пули.

Я могу уйти прямо сейчас и никогда не оглядываться назад. Потому что, если я не уберусь подальше от этого места и людей, которые хотят моей смерти, я просто лишусь своей жизни, и нечего будет планировать.

Я бросаю взгляд на доску, гадая, кто же именно пытается выяснить мое местонахождение. Кого Дженнифер Майер послала на мои поиски? И сколько времени им понадобится, чтобы меня найти?

Пока я медленно иду к двери, мои пальцы скользят вдоль стены. Кости и пепел, погребенные внутри, и тайны, скрытые в этом подвале. Теперь все это горит клеймом на мне. Куда бы я ни пошла, подвал всегда будет присутствовать в моей жизни. Закрывая глаза и видя сны. Всякий раз, когда погаснет свет. Или разразится шторм.

От истины невозможно убежать.

Я могла бы рассказать свою историю начальникам департаментов. Выдать все, что знаю о Люке, Хадсоне и Дженнифер Майер, властям. Но меня уже признали невменяемой. Моё dossier содержит психологическую оценку, которая будет преследовать меня дольше, чем призраки, заключенные в этом подвале.

Сколько времени им понадобится, чтобы надеть на меня смирительную рубашку? Кто еще мог быть у Дженнифер Майер внутри системы? Возможно, я даже не успею переступить порог участка, как пуля, от которой я увернулась, попадет прямо в цель.

Я приподнимаюсь на цыпочки и ищу замочную скважину. Мои пальцы ощупывают бетон и прочно сваренную сталь, пока я не нахожу искусно скрытую защелку на двери. Металлическое крепление поддается, и я твердой рукой вставляю ключ в замок. Все не так сложно, стоит лишь понять, в чем заключается хитрость устройства.

Дверь открывается с тихим щелчком.

И я переступаю порог, оказываясь в помещении за пределом этой комнаты.

На мгновение я замираю, не решаясь двигаться дальше, и поэтому просто стою посреди комнаты. Доски выстраиваются в ряд из недавно залитого бетона. Останки Майера и Келлера были использованы, чтобы стать еще одной частью подвала Люка.

За частично возведенными стенами проглядывают лица скульптур, словно застывшие в момент самых изощренных и ужасающих пыток, дразня мой взгляд. Я изо всех сил стараюсь не бояться того, что может случиться со мной, если я не сбегу...

Но еще больше я боюсь встретиться лицом к лицу с Хадсоном.

Я уверена, что он здесь, среди скульптур, заключенный в образе вечных мук.

Я должна увидеть его прямо сейчас. Двигаясь по лабиринту из монументов — святилища смерти и мести, — я ищу лицо человека, которого когда-то любила, человека, который предал меня.

Изучая застывшие в муках лица, я понимаю, что было недостаточно того, что они мертвы, Люк должен был увековечить пытки, которые они перенесли. Чтобы он снова и снова мог переживать эти убийства, зная, что наказал тех, кто причинил боль его сестре.

Я оглядываюсь вокруг, убеждая себя, что это не мой мир. Какого черта я думала, что заслужила это, я... я уже выстрадала все, что должна была. Я посмотрела своему демону прямо в глаза, и теперь мне позволено уйти, стать свободной.

И я ухожу прямо сейчас.

Я делаю шаг к винтовой лестнице, и тут раздается глухой удар.

Глухой звук эхом разносится по подвалу, окутывая меня страхом, и внезапно я не могу пошевелиться. Я жду... и звук снова повторяется. Став громче.

Я резко оборачиваюсь, мой пульс бьется в бешеном ритме. Я не заставляю себя двигаться, мои ноги сами несут меня обратно к двери в подвал. Я заглядываю внутрь: Люк все еще спит на койке.

Грохот рикошетом разносится по подземной камере, и мои глаза наполняются слезами. Я напугана и рассержена, но не могу контролировать нахлынувшие на меня эмоции, и просто качаю головой. Я ничего не хочу слышать. Это просто плод моего воображения. Как только я покину это темное место, я больше никогда не услышу этот стук.

Но это ложь.

Я знаю, что если не последую за этим звуком, если не встречу лицом к лицу со страхом, он будет преследовать меня, как этот проклятый подвал, и я никогда по-настоящему не буду свободна.

А свобода — это знание правды.

Да. Это означает узнать правду... и захоронить ее в глубокой могиле, никогда не позволяя выйти на дневной свет.

Этот звук упорядочивается в ровной барабанный стук, направляя меня призрачным ритмом к его источнику, пока я пробираюсь через лабиринт скульптур и выдувных стеклянных шаров. Когда я обхожу последнюю наполовину незаконченную стену, мое сердце перестает биться.

Дверь.

Но это не выход. А еще один спуск, ведущий в самые глубины извращенного разума Люка.

Эта дверь отличается от той гладкой бетонной плиты, что держала меня в плену несколько дней. Она имеет более сложный дизайн. На ней вырезаны кости и зубы. Искусно выполненный узор тянется по всей поверхности. Это прекрасное произведение искусства, которое предупреждает о том, что внутри.

Оно буквально кричит: «Не входи».

Я крепче сжимаю ключи.

Я слишком долго держу глаза закрытыми в ожидании, когда этот глухой звук повторится, и, раздавшись тяжелым грохотом, он отдается вибрацией в моей груди, заставляя меня сделать шаг вперед.

Я вставляю ключ в замочную скважину и нажимаю на ручку. Дверь со стоном открывается, и я задерживаю дыхание.

Зрелище, открывшиеся моим глазам, пронзает мою грудь ужасом.

Нет.

Я качаю головой. Нет, нет, нет. Отрицание простреливает мой разум, и я не знаю, произношу ли я это вслух или кричу в голос. Бешеный стук моего сердца заглушает весь остальной шум.

Хадсон привязан к стулу посреди белой комнаты. Его запястья обмотаны колючей проволокой. А ноги заключены в бетонном кубе. Прозрачные трубки тянутся к венам на его руках, то ли для того, чтобы не допустить обезвоживания, то ли питая его внутривенно, я не уверена. Он бледен, его едва можно узнать: выглядит истощенно и болезненно. Железнодорожный шип вбит в его плечо... другое же покрыто засохшей кровью. В голову мне приходит мысль о шипе, который Люк использовал, чтобы приковать меня к полу в первый день, и эта мысль отдается глухой болью в желудке, вызывая тошноту.

Мой мир снова переворачивается.

На горле Хадсона виднеется грубый шрам в том месте, где был нанесен длинный порез. Грубые беспорядочные швы представляют собой ужасающее зрелище. Словно передо мной чудовище Франкенштейна. Да, настоящее чудовище.

И его глаза, которые я никогда не забуду, смотрят прямо на меня. Он беспомощно открывает рот, но из него вырывается лишь еле слышный шепот.

— Он не может говорить.

Я даже не вздрагиваю при звуке голоса Люка. Ничто не может напугать сильнее, чем открывшееся передо мной зрелище.

— Но он любит стучать своим бетонным блоком, чтобы привлечь внимание, и прекрасно слышит. Ты действительно устроила ему шоу вчера, — говорит он, и я на мгновение закрываю глаза, чувствуя, как отвращение холодной тяжестью оседает в животе. — Я бы не возражал против выступления на бис.

Люк выхватывает ключи из моей руки, и я думаю о ноже, выглядывающем из заднего кармана.

— Он часто ворчит, — продолжает Люк. — И производит достаточно много шума, чтобы можно было понять, чего он хочет, но в остальном он абсолютно бесполезен.

Я сглатываю желчь, поднявшуюся к горлу.

— Ты сохранил ему жизнь.

— Я всегда держу их живыми некоторое время. Пока не сдадутся и не назовут имя. Назови мне имя, — он входит в комнату и останавливается прямо за мной. Я чувствую тепло его тела вдоль своей спины. — Хадсон, безусловно, самый упрямый из всех. Либо он больше боится того, что они сделают с ним, либо он действительно не знает, кто главный.

Из него вырывается судорожный вздох.

— Почему же ты его не убил? — я хочу отвернуться, но не могу... Хадсон задыхается от боли, не в силах произнести ни слова. Он уже наполовину мертв. — Когда ты получил ответ, почему просто не убил его?

Это эгоистичный вопрос.

После того как открылась правда о моем напарнике, мне стало легче осознавать, что он мертв. Что он уже заплатил свою цену, и я ничего не могу поделать с этим. Не нужно было принимать никакого решения или пытаться наказать его. Это было больше не мое дело, потому что его не стало. Ведь мне никогда не пришлось бы посмотреть Хадсону в глаза и спросить почему.

— Ты права, — доносится голос Люка. — Он мне больше не нужен. Ты дала мне ответ в первый же день своего пребывания здесь, Мак, — он выплевывает мое имя, и я не уверена, было ли это сделано с целью оскорбить меня или же Хадсона, используя имя, которым тот называл меня.

— Тогда зачем все это? — требую я.

— Посмотри на стены, — говорит он. — Посмотри вокруг себя. Вот, — он срывает закрепленный файл со стены. И я впервые замечаю белые листы, расклеенные по комнате. На них значатся имена. Боже, сколько еще? Сколько он планирует пытаться и убивать?

Он протягивает мне папку. На обложке от руки выведено: "Детектив Ройс Хадсон". Я отрицательно качаю головой.

— Нет, — я не могу открыть этот файл. Это же настоящий ящик Пандоры. Если я увижу, что там внутри, меня засосет в ту же беспроглядную дыру, что и Люка.

— Я не хочу этого знать, — отказываю я, пытаюсь обойти Люка. Мне нужно уйти. Я была так близка... почти сбежала, и мне просто нужно вернуться. Всего на пять минут назад. Ровно до того момента, когда я открыла дверь.

Люк преграждает мне путь, вырастая передо мной непреодолимой преградой. Он берет меня за руку и заставляет взять папку. Я поднимаю на него пристальный взгляд, безмолвно моля не заставлять меня делать этого.

— Я был соблазнен, — произносит он. Он сглатывает, его кадык с трудом двигается вниз. — На секунду я подумал о том, что если... что если бы ты была тем прекрасным ангелом со сломанным крылом, посланным, чтобы спасти меня?

— Это звучит безумно.

Он грустно улыбается.

— Я знаю. Я уже понял это. Ты — не ангел. Но ты все еще прекрасно справляешься с тем, чтобы заглушать мою боль, и это заставило меня задуматься, а что если... нас будет достаточно.

Я тянусь к нему, и он позволяет мне положить руку ему на грудь. Его сердце глухо стучит о грудную клетку под моей ладонью. Для меня этого достаточно — знать, что он жив внутри. Это возможно...

Я убираю руку.

Люк поднимает подбородок и смотрит на меня сверху вниз.

— После всей этой тьмы, Макенна, — продолжает он, — нам никогда не будет достаточно друг друга. И ты это прекрасно знаешь.

— Мы можем попробовать... когда все закончится, — но даже когда эти слова слетают с моих губ, я знаю, что это ложь. Я оглядываюсь, пробегая глазами по папкам. — Но это никогда не закончится, — мой голос дрожит от осознания этого.

— А почему это должно закончиться? — спрашивает Люк. — Ты думаешь, что Майер и ее империя — единственные монстры на свете? Их так много... иногда я не могу дышать, зная, что каждые несколько секунд пропадает чья-то дочь, сестра, подруга, и каким мучениям они подвергаются. Это настоящий ад, Макенна. Вот что творится у меня в голове. Чистый гребаный ад. Так что, нет, это никогда не закончится.

Я киваю, закрывая глаза от пламени в его сияющих голубых глазах. Он мой монстр, и я должна принять его. Размыкая веки, я вижу его настоящего, и я знаю, что вокруг нас слишком много непроходимых руин, чтобы когда-нибудь выбраться из этого подвала.

И в этот момент я чувствую прикосновение его руки. Он ласково скользит по моей

щеке, приподнимает большим пальцем подбородок и смотрит на меня сверху вниз, с восхищением, мелькнувшим на мгновение, прежде чем скользнуть руками по моим плечам и заставить меня развернуться лицом к Хадсону.

Люк надевает на меня кулон, застегивая его на шее. Нежно целует меня, жестоко напоминая о том, как сильно я люблю его прикосновения, а затем ощущение его присутствия исчезает.

— Чем дольше я держал тебя в этом месте, — произносит он, и его голос удаляется от меня, — тем больше я понимал кое-что, — он достает нож из моего заднего кармана и вкладывает рукоятку в мою ладонь. — Он — не моя добыча.

Я оборачиваюсь, но слишком поздно. Люк уже за дверью. Наши глаза встречаются, и я вижу правду в этом ледяном голубом взгляде. Он достает из кармана монету и подбрасывает ее вверх.

— Не надо, Люк — прошу я, сжимая нож так крепко, что у меня болят костяшки пальцев.

— У тебя есть выбор, который ты должна сделать, — он подбрасывает монетку еще раз. — Орел — ты его убьешь. Решка — ты ждешь здесь, чтобы убить меня, — он смотрит на монету. — Черт. Я очень надеюсь, что монета ошибается.

Он с грохотом захлопывает дверь.

Я слышу, как засов с леденящим душой звоном встает на место.

Глава 19

Возгорание.

Люк

Дженнифер Майер создала целую империю.

Теперь, когда ее муж мертв, она — единственная владелица всех его компаний. Всех его акций. Облигаций. Каждой инвестиции. И любой собственности.

Она короновала себя.

И, как у истинной королевы, у нее есть защита. Прежде чем нанятый ею частный детектив исчез, а Келлер был убит, прежде чем Милтон превратился в кучку пепла, она была надежно спрятана за спиной мужчины, она была скрыта в тени. Теперь же, когда мститель на свободе, есть угроза разоблачения ее истинной личности и положения в «Файзере».

Она не станет рисковать. Слишком много игроков уже было устранено, чтобы Дженнифер не обезопасила себя самым надежным способом, который только можно купить за деньги — дерьмовую кучу грязных денег.

Я припарковался через дорогу от кладбища Лейк-Вью. Дождь наполняет влагой воздух. Это своего рода дождь из пара, который идет со всех сторон — тот, который вы вдыхаете в свои легкие с каждым вдохом. Серо-сланцевое небо создает идеальный унылый фон для встречи с подозрительными людьми на кладбище

Я забираюсь на пассажирское сиденье и хватаю жестяную банку, прежде чем выйти из «Чарджера». Похлопав по капоту, я прощаюсь с ним. Моя машина, вероятно, превратится в кучу обломков, когда парни Дженнифер закончат с ней.

По первоначальному плану Макенна должна была быть здесь. В роли приманки. Она не несет в себе угрозу, поэтому Дженнифер могла бы явиться с меньшим количеством своей

СВИТЫ.

Правда, говоря обо мне, сейчас, по меньшей мере три снайпера, целятся мне в голову. Но я готов поспорить, что никто не нажмет на курок. Только не здесь. Нет, пока миссис Майер не получит то, за чем пришла.

Есть одна особенная вещь, которая нужна этой женщине даже больше, чем назойливый бывший детектив.

Кроме того, Макенна сейчас очень занята.

Я чувствую укол стыда, но это лишь кратковременная вспышка. Ее легко подавить. Я уже давно овладел навыком отключения чувств и эмоций. Я не могу позволить отголоскам нашей жаркой ночи ослабить меня. Когда я иду через кладбище, клянусь, я слышу ее голос и вижу ее темные глаза, которые следят за мной. Что бы ни случилось дальше, я, по крайней мере, должен был испытать ее, даже если это был неестественный, искусственный момент. Хотя всё ощущалось достаточно реально.

Макенна достаточно подготовила меня за время своего короткого пребывания в подвале. Во-первых, я ношу длинные рукава. Женщины любят царапаться.

А во-вторых, все контролируют женщины.

Этого невозможно отрицать. Все эти три года я служил Джулс, первой женщине моего сердца. Память о ней диктовала мне каждый следующий шаг, каждое принятое решение. Пока я не посмотрел в глаза Макенны в том самом переулке.

В тот долгий миг она заставила меня усомниться в своей правоте.

Чудовище или человек?

Страх отдавал привкусом кислоты и болезненным осознанием того, что я погружаюсь в темноту, которой больше не управляет мое желание отомстить. Я кормлю зверя.

И я мог бы легко сорваться прямо в пропасть. Это намного более легкий выбор, чем постоянно жить с болью.

Я кладу пепел Майера на сгиб локтя и прохожу мимо двух роскошных автомобилей. Один из них — серебристый "Лексус" Дженнифер. Другой — ее службы безопасности. Она предпочла бы не находиться здесь и позволить своим коллегам заниматься всеми грязными делами, как это делал ее муж, но эта проблема должна была решиться без заминок. Она была слишком важна. Дженнифер больше не может позволить себе допускать ошибки.

— Остановись прямо здесь.

Я останавливаюсь по команде. Крупный мужчина в сером костюме выходит из-за дерева и приказывает мне поставить жестяную банку на землю. Я делаю это медленно, а затем поднимаю руки вверх, и он начинает ощупывать меня.

— Он чист, — бросает мужчина Дженнифер.

Она сидит на каменной скамье в окружении еще трех парней в черных костюмах, таких же габаритных и пугающих. Они выражены соответственно этому месту. Даже Дженнифер одета в абсолютно черный брючный костюм, закрыв лицо большими черными очками. В конце концов, она вдова.

— Эта просьба нелепа, — начинает Дженнифер. Она встает и перебрасывает ремешок сумочки через плечо. — Я так понимаю, есть причина, по которой вы хотели встретиться здесь, мистер Истон. Некое дело, которые вы хотели бы проверить.

Я удобнее перехватываю металлический сосуд. Моя грудь вспыхивает от знакомой боли, когда глаза наталкиваются на мраморное надгробие всего в нескольких футах от меня.

— Здесь похоронена моя сестра, — отвечаю я ей. — Я нахожу это весьма уместным.

Она хмурится и отмахивается рукой от двух амбалов, стоящих у нее за спиной. — Дайте нам немного уединения, джентльмены.

Мужчина справа выглядит неуверенным, но делает, как приказано. Я жду, пока они отойдут в сторону, прежде чем сказать:

— Ее звали Джулс. Ей было всего шестнадцать лет.

Сдвинув темные очки на лоб, Дженнифер пристально смотрит на меня, и между ее бровями пролегает глубокая морщинка. Ее глаза изучающе скользят по шрамам на моем лице.

— Я сожалею о вашей утрате, мистер Истон. Но удерживание моего мужа в заложниках не вернет ее назад.

Мой затылок опалает ярость. Я подавляю это чувство и пытаюсь проглотить все те слова, что хочу бросить ей в лицо. Она все держит под контролем. Мне нужно позволить и дальше ей чувствовать себя на вершине.

— Так это он? — она указывает на жестяную банку.

Я киваю в ответ один раз.

— Тогда давайте продолжим, — она достает телефон из своей сумки и стучит по экрану. Она несколько раз пролистывает, прежде чем вздохнуть. — Десять миллионов, как вы просили.

Я достаю телефон из заднего кармана и открываю банковское приложение. Денежные средства были перечислены на указанный счет. Десять миллионов долларов. Вот так просто. Скорее всего, это мелочь для миссис Майер.

— А сейчас, — продолжает Дженнифер, — я бы хотела, чтобы мой муж вернулся ко мне. Знаете ли вы, как трудно заполучить средства собственного супруга без тела? — Когда я ничего не говорю, она громко шмыгает носом. — Я полагаю, вы знаете. Поэтому мы здесь.

Я ставлю жестяную банку на газон, и парень, который любит раздумывать, сначала осматривает ее, а затем открывает крышку. — Выглядит как прах, миссис Майер.

Он бы не заметил разницы, даже если бы это был пепел из камина.

— Тогда мы закончили, — я поворачиваюсь, чтобы уйти, но парень в сером костюме преграждает мне путь.

— Я не судебный эксперт или что-то в этом роде, — произносит Дженнифер. Я бы не называла себя хорошим бизнесменом, если бы проводила все сделки, веря на слово, — она щелкает пальцами, и двое мужчин становятся по обе стороны от меня.

— Мы так не договаривались, — отвечаю я.

До этого я лишь издали наблюдал за Дженнифер Майер. Видео в Интернете фотографии во время интервью. Я видел, как она взаимодействует с людьми, и она полностью соответствует титулу, который заслужила, за исключением этого момента. На долю секунды я вижу, как спадает личина, и сквозь нее проглядывает безжалостная натура, которую она искусно прячет за фасадом успешной женщины, удачно вышедшей замуж.

Она хищно улыбается, обходя меня по кругу. Как акула, кружащая в воде, учуявшая легкую добычу.

Это была не та сделка, которую мы заключили. Она подразумевала обмен, где я должен был доставить прах ее покойного мужа в выбранное мною место и получить миллионы за свои усилия. Выплату за мои боль и страдания. А потом я должен был взять деньги и исчезнуть.

Это звучит достаточно правдоподобно только для таких людей, как Дженнифер,

которые ценят только одну вещь больше, чем жизнь. Деньги.

— Сделка, мистер Истон, будет окончательно завершена, когда я получу достоверные доказательства того, что эти останки принадлежат Милтону, — она поворачивает голову в сторону роскошных автомобилей, и ее охрана подхватывает меня под руки, сопровождая в указанную ею сторону. — А пока можете считать себя моим гостем.

Я позволяю себе рассмеяться.

— А мои апартаменты расположены в морге?

Она идет передо мной.

— И это говорит человек, который выкрал тело и осквернил его. Я думаю, что такой человек будет чувствовать себя как дома в холодильнике для трупов.

Ствол пистолета упирается мне в ребра, когда меня запихивают на заднее сиденье серебристого "Лексуса". Мужчина следует за мной внутрь и садится рядом, держа пистолет на прицеле. Дженнифер усаживается на пассажирское сиденье, и ее водитель заводит машину.

Когда мы выезжаем с кладбища, я бросаю взгляд через заднее ветровое стекло. Черный «БМВ» следует прямо за нами. Я устраиваюсь на заднем сиденье.

— Я сохранил зубы, — говорю я Дженнифер. Никакой реакции с ее стороны. — Это ваше достоверное доказательство гибели супруга.

— Даже если так, мне нужно будет для начала проверить записи о его зубах, — она надевает темные очки. — Как только это подтвердится, вы сможете уехать из Сиэтла.

Я улыбаюсь. Конечно.

Она поворачивается в мою сторону, глядя прямо на меня.

— Чего же вы хотите, мистер Истон? Я имею в виду, помимо денег.

— Я думаю, что мы достаточно хорошие знакомые, чтобы вы могли называть меня Люком.

Ее полные коллагена губы ухмыляются.

— Ты хочешь извинений, Люк? Хотя мне и жаль, что ты оказался в таком положении, но я не убивала твою сестру. Милтон мертв. Он тоже не может извиниться перед тобой. Ты лично убедился, что все они мертвы. Так что же тебе еще нужно?

Мои руки сжимаются в кулаки.

— Это еще не конец.

— Я не одобряла дополнительные увлечения Милтона, — говорит она с презрением в голосе. — Такие люди, как Милтон... рожденные в богатстве, никогда ни в чем не нуждающиеся, никогда не слышащие "нет", легко впадают в скуку. Они ищут себе проблемы и желают заполучить трофеи.

— Моя младшая сестра не была трофеем.

— Нет. Ты меня не понимаешь. У таких мужчин, как Милтон и его... друзей, — она делает ударение на последнем слове, — есть особые пристрастия. Раздвигать границы и выходить сухими из воды... Ну, это их возбуждает. Придает смысл их мирской жизни.

— Как ты можешь так бесцеремонно похищать и подвергать насилию молодых девушек?

Мой вопрос вызывает беспокойство у водителя и человека, сидящего справа от меня. Они посвящены в дела компании Дженнифер, но, в отличие от ее покойного мужа, она не окружает себя садистами и извращенцами.

Она слишком умна для этого.

Вот почему она — королева.

— Честно говоря, — наконец, отвечает она, — Я не такая уж и беспринципная, Люк. Не я устанавливала правила в этом мире. Я не первая, кто наживается на этом виде торговли и валюте. Женщины продавали свое тело с незапамятных времен. Это не изменилось и не изменится в ближайшее время. Этот бизнес — просто результат спроса и предложения. Ты можешь видеть во мне злодейку, а можешь указать пальцем в правильном направлении.

Я приподнимаю бровь.

— Направь его на себя, — говорит она. — Направь его на каждого мужчину. Без спроса не было бы и предложения. Мужчины всегда в центре всего этого. Этот мир вращается вокруг мужских желаний. Я же просто предприниматель. Рынок уже давно существовал, и я просто сделала его более эффективным. А теперь, что касается твоей сестры... — она замолкает, вынужденно поджав губы с сочувствуем.

— Этого не должно было произойти, — продолжает она. — Я искренне сожалею. Но, видишь ли, я пытаюсь эффективно управлять всеми сферами деятельности своей компании. Я была уверена, что этого больше никогда не повторится. Я не хотела избавляться от Милтона. Я действительно любила его. Но наказания было недостаточно. Ты сам об этом позаботился. Ты заставил меня сделать это. Поэтому я говорю, что мы квиты.

— Ты хочешь сказать, что моя сестра и твой муж — это просто кровь за кровь?

Она пожимает изящным плечом.

— Я бы выразилась не так, но все верно. Мы оба потеряли кого-то из-за эгоистичных мужчин и их ненасытных appetitов. А теперь они исчезли. Мы оба можем двигаться дальше.

Но у нее нет никаких планов на то, чтобы дальше двигался я. Я никогда не покину Сиэтл. Вероятно, я даже не выйду из этой машины, разве что ногами вперед.

Я бросаю взгляд на наемника рядом с собой. Глушитель вбивается мне в бок, когда он поворачивается, чтобы посмотреть в окно. Пока Дженнифер болтала без умолку, она не заметила, как автомобиль свернул не в ту сторону.

— Миссис Майер, мы едем не в ту сторону, — пистолет, упирающийся мне в бок, соскальзывает на дюйм.

— Бен, а почему мы едем по трассе пять-двадцать? — Дженнифер бросает взгляд на знак "съезд", когда мы проезжаем мимо него по шоссе. — Вези нас вон к тому выходу. Возвращаемся в центр города.

Но Бен продолжает вести автомобиль в том же направлении.

— Позвони охране, — говорю я ей. — Скажи им, что у тебя изменились планы. Избавься от них.

На ее слишком гладком лице появляется тень недоверия.

— А зачем мне это делать, Люк? — но ее вопрос чисто риторический. Она сразу же переключает внимание на водителя. — Езжай к следующему выезду. Сейчас же.

Мы — рабы наших привычек. Мы можем думать, что нам нравятся перемены и спонтанность, но все же мы тяготеем к тому, что знаем, к тому, на что можно положиться. Для Дженнифер Майер это люди, от которых она зависит, чтобы сохранить свою безопасность.

Для меня — это риск. Я избегаю риска, держа наготове детальный план. Я могу подбросить монетку, чтобы решить свою судьбу, но в этом броске никогда не будет неизвестных переменных.

Чтобы подобраться так близко, мне пришлось действовать вслепую. Я должен был рискнуть всем.

Парень, сидящий рядом со мной, отвлекается на недовольство Дженнифер, и я действую быстро. Я ударяю локтем в почку, а потом бью его головой об окно.

Пистолет выстреливает.

Я его не слышу, но чувствую.

Острый укол в бедро, а затем выброс адреналина, чтобы заглушить боль. Я снова бью его головой об окно и сбиваю пистолет на пол. Он наносит мне сильный удар по ребрам, прежде чем броситься на меня обеими руками.

Я откатываюсь по заднему сиденью и втискиваю ногу между нами, удерживая его от себя. Затем с силой пинаю в лицо. Кровь забрызгивает кремовые сиденья, тонкий туман окутывает мой ботинок. Он дезориентирован достаточно надолго, чтобы я успел занять позицию и сделать крепкий захват его шеи.

Сквозь пульсирующий свист, наполняющий мою голову, я слышу отчаянный голос Дженнифер.

Парень хрюкает, когда я крепче сжимаю его шею. Я отталкиваюсь от консоли и разворачиваю торс. Это дается мне с трудом. Его голова резко поворачивается вправо. И я чувствую громкий хруст, когда шейный отдел отделяется от позвоночника.

Тяжело дыша, я отталкиваю его к дверце.

— Ты совершаешь ужасную ошибку, — говорит Дженнифер водителю.

Я оглядываюсь назад, прямо на машину, которая все еще держится слишком близко к нам. — Избавься от них.

Она с упрямством смотрит вперед.

Я наклоняюсь вниз и поднимаю пистолет. У водителя есть один, и я сомневаюсь касательно ее страха, что он воспользуется им. Я просовываю глушитель через консоль и сиденье, подталкивая ее локтем.

— У меня нет никаких сомнений по поводу того, чтобы всадить в тебя пулю, — говорю я. Пуля в моей собственной ноге начинает пульсировать.

После паузы молчаливого раздумья она делает звонок. Она говорит своей службе безопасности, что возникла экстренная ситуация, но уже все улажено. А затем приказывает им вернуться в особняк.

— Они мне не поверят, — говорит она. — Я готовила их к таким ситуациям.

Я вижу, как черная машина сворачивает к съезду. Они не будут держаться слишком далеко. Прямо сейчас они пытаются отследить ее. Но мне не нужно много времени.

Дженнифер бросает взгляд на Бена.

— Я учила их действовать именно в таких ситуациях, — повторяет она.

А это значит, что Бен покойник. Но для некоторых людей десяти миллионов долларов вполне достаточно, чтобы продать свою жизнь. Для правой руки Дженнифер — парня, которого видели с ней повсюду, это оказалось волшебной цифрой. Провернуть это дело было так же просто, как позвонить по телефону и открыть банковский счет на его имя.

За те два дня, пока я наблюдал, как Макенна обдумывает открывшуюся правду, сидя в подвале, я выработал свой план. Я организовал все самостоятельно. С тщательностью я проработал каждую деталь. Я ждал ответа. Терпеливо. И оставив Макенну в той комнате, я уже знал, что для меня нет пути назад.

Я сделал звонок.

Был шанс, что все пойдет наперекосяк. И Бен останется верен своей королеве. А я окажусь в деревянном ящике, а я все еще могу оказаться там. И Макенна рискует остаться запертой в подвале с изуродованным и замученным Хадсоном.

Если я выберусь отсюда живым, я заплачу за то, что сделал с ней. Я никогда не сомневался в этом. Она заслуживает мести.

Я опускаю руку в карман куртки и касаюсь монеты, стараясь не обращать внимания на боль в ноге. Возможно, Макенна не последует выпавшей стороне орла или решки, она доказала, что чрезвычайно упряма. Есть шанс — ничтожный шанс, — что она не воткнет мне нож в живот. Но что тогда?

В нашем будущем не будет белого забора.

Вся загвоздка в том, что она все еще дает мне надежду.

А что если ее присутствия в моей жизни хватит, чтобы заглушить голод и убить зверя?

Я пытаюсь затолкать эту мысль подальше. Сейчас подобные размышления только ослабят меня, а мне нужен весь мой запал до самой последней капли, чтобы пройти через это.

Водитель съезжает с шоссе. Он едет по согласованному маршруту к машине, которую я припрятал под подземным переходом.

— Мое убийство ее тоже не вернет, — говорит мне Дженнифер. А затем бросает Бену: — Сколько бы он тебе не заплатил, ты же знаешь, что я дам тебе больше.

Жадность — это мощный инструмент для манипуляции. Но также она притупляет нашу бдительность.

Я выхожу из "Лексуса" и открываю багажник своей «Импалы». Моя кровь осталась на заднем сиденье "Лексуса", и у меня нет времени на уборку. Я хватаю тряпку и вытаскиваю из багажника канистру с бензином. Огонь никогда не разочаровывал меня в своей действенности. Быстрый и эффективный способ избавиться от улики.

— Дай мне свой телефон, — я протягиваю руку Дженнифер.

Она колеблется, пока я не толкаю дуло пистолета в ее поясицу. Я не люблю оружие. Слишком многое может пойти не так. Как в случае с Беном, который сейчас направляет ствол на своего босса. Я вижу нерешительность в его глазах, он сомневается.

Дженнифер протягивает мне телефон, и я бросаю его на заднее сиденье. Затем обливаю салон и мертвого парня бензином.

— Уходи, — говорю я Бену.

Он не двигается с места, его глаза бегают между мной и его боссом. У меня нет времени на жадность или нерешительность. Он переводит свое оружие на меня, поэтому я прицеливаюсь и нажимаю на курок. Пуля входит ему в горло, и он хватается за шею, выпучив глаза, прежде чем упасть головой вперед на переднее сиденье.

Дженнифер чертыхается.

— Я дам тебе больше денег, — умоляет она меня. — Что угодно. Все, что ты захочешь.

Я убираю пистолет за пояс, прежде чем схватить ее за руку.

— Не начинай умолять так быстро. Это не подобает женщине твоего положения.

Когда я силой сажаю ее на пассажирское сиденье "Импалы", она протягивает руку, не давая дверце закрыться.

— Я не такая, как они, — предпринимает она еще одну попытку. — Я не причинила вреда ни твоей сестре, ни какой-либо другой девушке.

Я наклоняюсь вниз, придвигаясь близко к ее лицу.

— Мы оба знаем, что это неправда.

— Я клянусь, — умоляет она.

— А как же Макенна Дэвис?

Последовавшая за этим тишина служит исчерпывающим ответом.

— Будет проще, если ты поспишь, — я обливаю тряпку и прислоняю к ее лицу. Она сопротивляется, блестящие розовые ногти впиваются в мои руки, пока я плотно держу тряпку у ее рта и носа.

У нее будет жуткая головная боль, когда она проснется, но она проснется.

Полностью затолкав Бена в "Лексус", я чиркаю спичкой. А затем сбрасываю ее на переднее сиденье и жду, пока оно загорится, прежде чем сесть за руль своей машины и покинуть это место.

Мельком я замечаю пожар в зеркале заднего вида. Зловещее зрелище, будто воочию наблюдаешь за тем, как твоя жизнь выходит из-под контроля. И только одна женщина может заглушить этот рев.

Глава 20

Корона.

Люк

Пуля в бедре делает побег болезненным. Каждое чертово движение отдается болью. Но мне удастся протащить Дженнифер Майер через гараж и спустить ее вниз по винтовой лестнице. Она начинает приходить в сознание, когда я бросаю ее на холодный пол перед дверью в подвал.

Я достаю из кармана связку ключей и устремляю взгляд вдоль коридора, на дверь, где меня ждет Макенна. Я просто решаю оставить Дженнифер там, где она лежит.

Некоторые проблемы должны быть решены, прежде чем двигаться дальше.

Я закрепляю на лодыжке ту же самую манжету, которой сковывал Макенну, и фиксирую ее у того же места.

— Я ненадолго, — бросаю я Дженнифер, когда она со стоном просыпается. — Так или иначе, ты получишь по заслугам.

Смерть или, возможно, тюремное заключение, организованное Макенной, я не уверен.

Я пробираюсь к скрытой комнате пыток и на мгновение останавливаюсь, чтобы полюбоваться гравировкой на двери. Макенна была права: что-то всегда остается. Убийца не может расстаться со своими трофеями. Он должен сохранить хотя бы одно реальное напоминание.

Я вставляю ключ и поворачиваю замок.

Раздается прерывистый вдох, когда дверь со щелчком открывается, и я выжидаю, прежде чем толкнуть ее вперед. Я представляю, как ее маленькое тело нападает на меня со спины, а нож вонзается мне в шею.

Блуждая взглядом по комнате, я нахожу ее у стены. Она держит мой охотничий нож на коленях, медленно обводя пальцем кулон в виде сердца, сосредоточив пристальный взгляд на Хадсоне. Он все еще жив. Едва ли. Я вижу, как приподнимается его грудь, но он без сознания.

— Он потерял слишком много крови, — говорит Макенна.

Я делаю шаг в ее сторону, но тут же останавливаюсь. Файлы, которые расклеенные по стенам, были сорваны и сложены в стопку рядом с ней.

— Ты его не убила.

— Но и не спасла, — отвечает она.

Невмешательство — само по себе преступление.

Она не смотрит на меня, да и не должна смотреть. Справа от нее я замечаю раскрытую папку с досье на Хадсона. Может быть, если бы она не открывала ее, не видела все те мерзкие фотографии и не читала подробное описание его садистских преступлений, то смогла бы скользнуть лезвием по его шее. И подарить ему смерть из милосердия.

Но она не смогла... Чтобы сделать это, ей придется простить его. Вместо этого она наблюдает, как он страдает, умирая медленной, мучительной смертью.

— Дай мне нож, Макенна, — ради нее я покончу с этим сам. Это длилось достаточно долго.

Она подтягивает ноги и обхватывает руками колени.

— Я хочу видеть.

Через несколько минут после того, как она закончила вслушиваться в то, как ее напарник борется за последние глотки воздуха, ее внимание привлёк шум, пробудивший ее от транса. Наконец, она переводит взгляд на меня.

— Ты привел ее сюда.

В ее словах звучит обвинение и вопрос о том, почему Дженнифер все еще жива.

Я не совсем уверен, как ответить на эту претензию.

— Это потому что она женщина? — спрашивает Макенна. — Потому что ты не смог убить меня?

— Да, — отвечаю я, позволяя этому быть моим ответом. Хотя я не уверен, что это правда. — А может быть, я боюсь того, что случится, когда все это закончится.

Удерживая меня в плену своего пристального взгляда, как она делала это прошлой ночью, когда я потерял контроль над своей чертовой целью, Макенна поднимается на ноги. Ее взгляд скользит к кровоточащей ране на моем бедре.

— Ты ранен.

— Царапина, — отмахиваюсь я, хотя это не так. Я теряю очень много крови.

Она перехватывает папки и решительным шагом приближается ко мне.

— Дай мне монету.

Я колеблюсь лишь секунду, прежде чем вложить четвертак в ее раскрытую ладонь.

— Чего же ты хочешь? — спрашиваю я.

Она обходит меня по кругу.

— Чтобы она сама решила свою судьбу.

Макенна даже не оглядывается. Просто выходит из комнаты, ни разу не взглянув в сторону Хадсона. Теперь он для нее мертв.

Я закрываю дверь, оставляя его тело внутри.

Прежде чем подойти к Дженнифер, Макенна изучает женщину, которая наняла ее для работы. Взгляд Дженнифер скользит по Маккене. Даже сейчас, свергнутая с престола и бессильная, она не может скрыть отвращения, которое испытывает к женскому полу.

— Как же я пропустила, что вы оба были вовлечены в это дело, — произносит Дженнифер. — Ну, конечно же, это так очевидно. Мертвые девчонки и погибшие любовники. Идеальная формула, чтобы сойтись вместе.

Положив папки у основания лестницы, Макенна поворачивается к Дженнифер.

— Сколько их было? — требует она.

Дженнифер непонимающе приподнимает бровь.

— Сколько чего, мисс Дэвис?

Макенна подходит ближе, и Дженнифер дергается, чтобы встать, забыв о цепи, прикрепленной к ее лодыжке. Она спотыкается и выбрасывает руку вперед, чтобы не упасть.

— Дерьмо. Сколько чего, мать твою, мисс Дэвис?

— Сколько девушек ты продала в рабство?

Она с возмущением скрещивает руки на груди.

— Тебе не понравится мой ответ. — Услышав тревожное молчание Макенны, Дженнифер вздыхает: — Их слишком много, чтобы сосчитать. Дело не в качестве. Вся суть в количестве.

Я прислоняюсь плечом к стене, нуждаясь в поддержке, чтобы удержать себя в вертикальном положении.

Мне казалось, что я уже видел самое беспроглядное дно пропасти, посмотрев в глаза всем уничтоженным демонами. Но эта женщина — зло в чистом виде.

Внимание Дженнифер переключается на меня.

— Ты шокирован, Истон? Сколько лет ты убивал моих сотрудников, прежде чем нашел меня? Как думаешь, почему это заняло так много времени? — она с вызовом вздергивает подбородок. — Потому что ты не мог представить себе женщину, управляющую «Файзером» — вот почему. Это идеальное прикрытие. Мой покойный муж был согласен с этим, чертов ублюдок, пока его член не встал на моем пути.

Макенна продолжает выпытывать у нее ответы.

— И детектив Ройс Хадсон работал на вас.

Глаза Дженнифер загораются темным блеском.

— Он больше всех остальных получал наслаждение от бонусов компании.

Макенна прижимает ладонь к животу; слова Дженнифер ударяют по ней словно острое лезвие, вспарывающее плоть.

— По крайней мере, Хадсон был аккуратным и чистоплотным. Милтон же стал небрежным. Мужчинам не следует давать никакой власти, когда речь заходит о сексе. Они не могут не гадить там, где едят. Они похожи на животных, — она поворачивается к Макенне. — Черт возьми, мне кажется, мисс Дэвис говорила что-то в этом роде, когда я ее нанимала. К сожалению, это оказалось неоправданной инвестицией. Вы же понимаете, что не сделали того, для чего вас наняли. Стать свидетелем смерти моего мужа.

— Меня наняли не для этого. Я должна была умереть.

Не хотите — не тратьтесь. Я минималист.

Я отталкиваюсь от стены и направляюсь к Макенне.

— Она любит болтать без умолку. Просто сделай это. Прямо сейчас.

Макенна отрицательно качает головой.

— Я не могу этого понять, — говорит она. — Я не могу себе представить, как женщина может быть такой... — она замолкает.

— Это сексизм, — отвечает Дженнифер. — Я ожидала большего от женщины-детектива. Почему женщины не могут руководить деятельностью такого масштаба? Весь вопрос сводится к масштабам или успеху бизнеса? Или именно ужасные подробности беспокоят вас больше всего?

Подняв руку, Макенна разворачивается, собираясь уйти.

— С меня хватит. Я сыта по горло.

Дженнифер улыбается.

— Хорошо. А теперь забирай меня. Арестуй или что там еще ты должна сделать, — она стряхивает с глаз белокурую челку. — О, и мне понадобится телефон. Я должна заранее позвонить своему адвокату.

На другом конце комнаты я встречаюсь взглядом с Макенной. Она замерла на первой ступеньке.

— Я не стану тебя останавливать, — говорю я.

Она может уйти. Она не должна быть частью всего этого.

Я уже давал ей возможность выбора. Она могла бы выпотрошить меня в тот момент, когда я вошел в ту комнату, и я бы не стал сопротивляться ей. Я просил только об одном: чтобы мне удалось закончить то, что я начал. И я это сделал. Главная змея теперь заключена в этом аду, где ей самое место.

— Уходи, — говорю я Макенне.

Она опускает глаза и смотрит на мою монету, все еще зажатую в руке.

— Она должна получить наказание и отбыть срок за всех этих девушек.

— А она получит по заслугам, если ты ее арестуешь? — это честный вопрос. Проведет ли Дженнифер хотя бы один день в тюрьме? «Файзер» может ослабнуть и развалиться, после того как его деятельность станет известна общественности, но Дженнифер провернула все свои дела ужасно чисто, поэтому кто захочет поверить в ее виновность, чтобы она понесла наказание?

Дженнифер снова пытается пошевелиться, но длина цепи слишком ограничена.

— Сними с меня эту чертову штуку

Я достаю ключи из кармана. Макенна вздрагивает от этого звука, когда я открываю дверь в подвал.

— Здесь тебе самое место. Твоя собственная личная тюремная камера.

— Подожди, — начинает паниковать Дженнифер. — Честно. Все, что ты захочешь... я могу сделать так, чтобы любое твоё желание осуществилось. Пожалуйста, не делай этого. У меня есть сын.

Взрослый сын, которому, возможно, будет лучше без матери-социопатки. Я снимаю с нее кандалы, и она отчаянно борется, царапаясь и кусаясь. Ее вопли оглушают меня. И все это время, пока я занят Дженнифер, я чувствую Макенну рядом с собой. Она также принадлежит всему этому, как и я.

Я толкаю Дженнифер через проем, и она с трудом поднимается на ноги. В беззащитном жесте складывая руки. Самое правдоподобное выражение обиды отпечатывается на ее лице.

— Просто убей меня, — говорит она.

До того, как Макенна оказалась в этом подвале, я, вероятно, так и поступил бы. Убийство из милосердия намного легче дается, чем видеть, как кто-то деградирует, и это гораздо проще, чем пытки. Как уже выяснила Макенна.

Прихрамывая, я направляюсь к полке, чтобы вручить Дженнифер заготовленный подарок к ее новоселью в этом месте.

— Я сделал это для тебя, — говорю я. Зубы ее мужа, соединенные проволокой в форме короны. — Верифицируемое доказательство, которое ты хотела получить. Все вокруг принадлежит тебе. Этот подвал, полный призраками, темное царство пыток и боли. — Я

опускаю это ужасающее украшение ей на голову. — Это твоя новая империя, и ты можешь управлять ею по своему усмотрению, миссис Майер.

Я бросаю последний взгляд на нее, стоящую посреди подвала с короной на белокурой голове. Ее глаза были широко распахнуты от ужаса, полные мольбы...

Я закрываю дверь в подвал.

И раздаются ее крики.

Я ковыляю к лестнице, чувствуя, как моя нога пылает от боли.

— Ты собираешься подбросить монетку?

Словно очнувшись, Макенна, наконец, поднимает голову. В одной руке она все еще держит монету. В другой руке сжимает нож.

— Нам нужно извлечь эту пулю, прежде чем ты потеряешь сознание.

— Или... — я опускаюсь перед ней на колени. — Орел — моя смерть будет быстрой. Решка — ты проследишь, чтобы Дженнифер никогда не вышла из этой комнаты, и сделаешь мою смерть быстрой.

Она тяжело сглатывает, а затем подталкивает ботинком стопку папок.

— Орел — мы найдем каждого из них и сделаем частью этого подвала. Решка — мы просто спрячем их и никогда больше не будем об этом говорить.

Макенна подбрасывает монету. Она ловит ее налету и шлепает на тыльную сторону ладони, которой сжимает нож.

Я накрываю ее руку своей, не давая посмотреть результат. Ее глаза пытливо встречаются с моими, и я тону в глубине ее темных радужек, прежде чем взять монету и швырнуть ее на пол подвала.

Эпилог

Грозовой охотник.

Макенна.

Я не помню, кто точно это сказал, но существует мнение, что «дверь в подвал», вероятно, самая красивая фраза в английском языке. Услышанные вне контекста, эти два слова в паре вызывают меланхолию, которая оседает глубоко в моих костях. Эхо красоты, которая кажется запретной.

Наверное, я слышала это в школе от какого-нибудь претенциозного учителя английского языка. Их было несколько. Люди, которые появлялись и исчезали из моей жизни без всякой цели.

Фрагменты моей жизни просачиваются, напитывая светом расходящиеся паутиной трещины. Я опускаю ладонь на холодный пол и ловлю мерцание лучей.

Дверь в подвал.

Дверь в подвал.

Дверь в подвал.

Я повторяю эту фразу снова и снова, пытаюсь заставить свой разум не осознавать значение этих слов. Я хочу услышать их сквозь призму чужого сознания — я хочу знать, что они могут значить для другой женщины.

Его тень скользит по свету, заслоня единственный источник освещения в комнате.

Мои легкие перестают работать.

Я не могу сделать вдох, пока не вернется свет.

Я часто задерживаю дыхание во время грозы, считая секунды после удара, ожидая раската грома. Но все стихии исчезли из моей реальности в тот момент, когда он украл меня. Прекрасное чудовище, полное боли и гнева, вырвало меня из моей жизни.

Теперь я его пленница.

Но выход есть всегда.

И лишь мой разум бунтует против этой ловушки, настаивая на том, что именно этот путь должен быть найден. Окно в душу. Через глаза. Должно быть, это я тоже когда-то слышала в школе.

Он смотрит сквозь льдисто-голубые витражи.

Какой он видит меня?

Как я выгляжу вне контекста?

Подобно двери в подвал, которая скрывает наши секреты, если я достаточно часто прокручиваю правду в своем сознании, повторяя ее снова и снова, она теряет смысл и становится неясной и далекой версией нашей реальности.

Но здесь больше одной двери. Существует вереница этих дверей. И все они ведут туда, где захоронены наши самые темные тайны. У каждого из нас есть своя уникальная подвальная дверь.

Моя дверь вырезана из костей и пепла.

Он находится прямо подо мной, как неодушевленный предмет, который стал такой же частью меня, как и частью этой комнаты. Его легко не замечать и ничего не чувствовать. Люк называет это процессом десенсбилизации. Я каждый день смотрю на дверь в подвал и больше не боюсь того, что находится за ней

Солнце заглядывает в витражное окно, попадая прямо на меня, и я делаю глубокий вдох. Я слышу удары молота. Глухой отзвук проходит через пол, отдаваясь вибрацией на моей коже. Этот звук ощущался как хруст костей, когда их превращают в пыль.

Я загоняю эту мысль обратно.

Пребывая в этой комнате, окруженная свидетельствами того, кто я есть и что сделала, я чувствую себя изолированной от внешнего мира. Я чувствую себя в безопасности, несмотря на кровавые напоминания, которые наполняют это пространство.

Сегодня Люк заканчивает последнюю пристройку к дому. Я перенесу все свои материалы расследования в новый офис, где они будут надежно храниться и не попадаться больше на глаза. Я просидела в этой комнате три месяца, ходила вокруг люка, врезанного в пол, зная, что именно мы захоронили в подвале.

Мы заварили крышку люка и больше никогда не говорили об этом.

Вместо этого я перешагнула через все это и окунулась с головой в новую одержимость. Для меня была закрыта дорога к работе детективом, но это не значит, что я потеряла запал и страсть к раскрытию преступлений.

Мы те, кто мы есть.

Люк перенес свои проекты в гараж, где он имеет возможность творить свои произведения искусства в полном покое, больше не окруженный смертью и разложением. Но его работы — это лишь маскировка, которую мы используем, чтобы скрыть то, что мы делаем. Еще одна разновидность двери.

Понять, как двигаться дальше, было так же просто, как подбросить монетку.

Месть людям, которые причиняют вред и увечья, не возвращает потерянных жизней

жертв. Это ни черта не меняет. Даже Люк признал, что в этих жестоких убийствах он не находил покоя, а его голод только рос с каждым новым днем, требуя все больше и больше, пока монстр, сидящий внутри него, почти не поглотил его полностью.

Есть и другая сторона медали, которую не позволяла ему увидеть боль.

Я обвожу имя кружком и стучу по окну, чтобы привлечь его внимание. Он кладет молоток в пояс для инструментов, готовый к следующему этапу.

Марианне пятнадцать лет. Ее забрали четыре месяца назад. Ее семья расклеила листовки по всему своему родному городу в Венесуэле. Она исчезла одним днем. Пропала, не оставив никаких зацепок... кроме тех, которые можем расшифровать только мы с Люком, потому что мы владеем внутренней информацией о «Файзере».

Сосредотачивая внимание на каждом имени в этих файлах, мы фокусируемся не на мести, а на поисках.

Возвращение потерянных девушек — это не искупление за истерзанные тела в подвале. Это не вид компенсации, чтобы избежать ада или какого бы то ни было проклятия, которое Люк и я можем заслужить. Это ответ на загадку о нас, о том, кто мы есть.

Джулс потеряна навсегда. Лора потеряна навсегда. Но их память будет жить в каждой жизни, которую мы сможем спасти и вернуть домой. Это красота, найденная по ту сторону тьмы.

И однажды, когда мы с Люком сами превратимся в пепел, этот дом будет снесен с лица земли, а люк вскрыт. Дверь в подвал будет открыта, и остатки нашей самой темной правды будут вынесены на свет.

А сейчас, в этот момент времени, который принадлежит только нам, я иду через наш дом с ощущением комфорта, о котором не жалею. Я обхватываю руками чудовище, которое преследовало меня во снах, смотрю в его кристально-голубые глаза и, наконец, понимаю, что такое соблазн власти.

Зачем убегать от бури, когда можно контролировать ее разрушительный путь.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net